This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Lamanskii, V. I.

Библіотека

ТРИ МІРА

АЗІЙСКО-ЕВРОПЕЙСКАГО

МАТЕРИКА

В. ЛАМАНСКАГО

№ 3159

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-хромо-литографія А. Траншель. Стремянная, 12
1892

STANFORD
LIBRARIES

DS12
L323

Дозволено цензурою. Спб. 8 іюня 1892 г.

Извлечено изъ журн. «Славянское Обозрѣніе». 1892. № 1—4.

Типо-хромо-литографія А. Траншель. Стремянная, 12.

ТРИ МІРА АЗІЙСКО-ЕВРОПЕЙСКАГО МАТЕРИКА.

ЕВРОПА есть собственно полуостровъ Азіи, и потому она съ послѣднею составляетъ одно цѣлое, одну часть свѣта, которая по всей справедливости можетъ носить еще названіе Азійско-Европейскаго материка. По площади это самый обширный изо всѣхъ материковъ. Занимая приблизительно 52.872,519 кв. килом., онъ значительно превосходитъ своею величиною обѣ Америки (38.334,100 кв. килом.), Африку (29.207,100 кв. килом.) и Австралію (7.695,726 кв. килом.). Еще несравненно важнѣе значеніе Азійско-Европейскаго материка по численности и культурѣ населенія. Изъ приблизительно предполагаемаго населенія земного шара почти до полтора милліарда, на Азійско-Европейскій материкъ приходится болѣе милліарда ста восьмидесяти трехъ милліон. душъ, а на остальныя части свѣта менѣе 300 милліон. д., причемъ Африка имѣетъ до 163.953,000, обѣ Америки 121.713,000 и Австралія 3.230,000 душъ.

За исключеніемъ самобытной цивилизаціи древняго Египта, получившаго впрочемъ свое населеніе и начала образованности несомнѣнно изъ Азіи и не разъ подолгу игравшаго важную роль въ Азіи, и затѣмъ недоразвившейся образованности старой Мексики и Перу, — все, что понынѣ создано человѣчествомъ замѣчательнаго и великаго въ религіи и философіи, въ искусствахъ, наукахъ, промышленности, въ общежитіи, въ государственномъ и международномъ правѣ, принадлежитъ всецѣло племенамъ и народамъ Азійско-Европейскаго материка. Они заселяли другія части свѣта, переносили въ нихъ свои религіи и образованности, свои языки и литературы. Даже мно-

[illegible] Австралія. Полинезія. Азіи. Америки и Африки были. По всей вероятности переселенія изъ Азіи [illegible] переселеній шли въ противоположномъ направленіи. Особое выраженіе и развитіе нашли древнія культуры и [illegible] Египетская культура и великія самобытныя культуры Азіи. Изъ всѣхъ частей свѣта Азіи-Европейскій материкъ наиболѣе [illegible] и [illegible] [illegible] самыхъ древнихъ. наиболѣе [illegible] и развитыхъ. по всѣмъ великимъ историческимъ [illegible]. Съ одной стороны многообразная расчлененность. съ высокими горными хребтами и глубокими и обширными заливами и [illegible] морей съ прилежащими къ материку многочисленными островами. съ другой — крупная [illegible] и громадная величина [illegible] Азійско-Европейскаго материка помогли развитію крайняго разнообразія. этнографическаго и культурнаго. сосуществованія образованія великихъ и сильныхъ племенъ. Племена эти. при всемъ разнообразіи. при всей отдѣльности своихъ языковъ и вѣрованій. могли въ средѣ своей развить и сохранить столько общихъ языковъ и заимствовать изъ нихъ могучія другъ богатыхъ и сильныхъ культуръ. Наибольшая величина площади и наибольшая плотность земель Азійско-Европейскаго материка. сравнительно съ прочими частями свѣта. и близость его къ Африкѣ. Америкѣ и Австраліи съ Полинезіею. сдѣлали его естественнымъ центромъ этихъ менѣе пространныхъ и объемистыхъ [illegible]. на нихъ въ силу закона тяготѣнія онъ долженъ былъ всегда оказывать сильнѣйшее давленіе и вліяніе. Меньшій объемъ Африки. Америки. Австраліи съ Полинезіей. разныя неблагопріятныя климатическія и другія естественныя ихъ условія не позволили до новѣйшаго почти времени сложиться въ этихъ частяхъ свѣта (за указаннымъ исключеніемъ Египта) великимъ историческимъ племенамъ и развиться въ нихъ богатымъ и самобытнымъ цивилизаціямъ.

Вглядываясь ближе во внѣшній видъ, составъ населенія и историко-культурный характеръ Азійско-Европейскаго материка, мы примѣтимъ въ немъ три крупныя части. три великіе отдѣла или міра. каждый со своими. исключительно ему свойственными. географическими. этнологическими и историко-культурными особенностями.

Отправляемся ли мы съ крайняго запада такъ называемой Европы на востокъ или съ юга собственной Азіи на сѣверъ и западъ, по мѣрѣ удаленія нашего отъ центровъ чисто-европейской или чисто-азіатской жизни и образованности мы приближаемся къ тѣмъ странамъ Европы и Азіи, которыя, включая въ себѣ много элементовъ чисто-европейскихъ и чисто-азіатскихъ, имѣютъ однако въ общемъ свой особый типъ, носятъ на себѣ особый характеръ. Этотъ типъ или характеръ довольно рѣзко отличаетъ эти страны отъ собственной Европы и отъ собственной Азіи.

Предполагаемъ на первый разъ хорошо извѣстнымъ и достаточно опредѣленнымъ понятіе историко-культурныхъ характеровъ: 1) собственной или такъ называемой западной, т. е. романо-германской или католическо-протестантской Европы, и 2) собственной Азіи, съ древними и средневѣковыми цивилизаціями ея историческихъ племенъ и народовъ и съ варварствомъ и полудикостью ея разнообразныхъ племенъ и народовъ неисторическихъ или полуисторическихъ. Мы такимъ образомъ можемъ въ обозначеніи указанныхъ разновидностей или главныхъ отдѣловъ Азійско-Европейскаго материка ограничиться пока слѣдующими терминами: 1) собственная Европа, 2) собственная Азія и 3) Средній міръ, т. е. не настоящая Европа и не настоящая Азія. Вступая въ предѣлы этого Средняго міра изъ Азіи, мы должны сказать, что тутъ Азія кончается, но Европа еще не начинается; точно также вступая въ него изъ Европы, мы въ правѣ сказать: здѣсь кончается Европа и еще не начинается Азія. Ближайшее обозначеніе границъ и внутреннихъ признаковъ этого Средняго міра, между собственною Европою и собственною Азіею, этого востока для Европы и сѣвера и запада для Азіи, можетъ помочь намъ найти болѣе подходящее и мѣткое для него названіе, точнѣе опредѣлить давно отыскиваемыя и вообще трудно находимыя границы между настоящими Европою и Азіею и вмѣстѣ съ тѣмъ привести насъ къ болѣе ясному пониманію и болѣе вѣрному раздѣленію такъ называемой средней и новой исторіи человѣчества.

По направленію отъ сѣверныхъ предѣловъ азійскихъ полуостововъ М. Азіи, Аравіи, обѣихъ Индій далѣе къ сѣверу, по мѣрѣ приближенія къ Закавказью, сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, къ горнымъ хребтамъ Тянь-Шанскому, Алтайскому и Саянскому, къ сѣверному отрогу

хребта Хинганскаго и къ рѣкѣ Амуру, по мѣрѣ удаленія отъ сѣверныхъ предѣловъ азіатской Турціи, Персіи, Авганистана, Китайской и Японской имперій, все болѣе измѣняется и природный характеръ страны, и этническій и культурный типъ населеній и характеръ ихъ соціальныхъ и правовыхъ отношеній. На сѣверъ отъ этихъ странъ вплоть до береговъ Ледовитаго океана, Камчатскаго, Охотскаго и Японскаго морей кончается de jure, а затѣмъ и de facto господство царящихъ въ цѣлой Азіи на югъ отъ этой границы религій, нарѣчій, нравовъ, общественнаго и государственнаго строя. Въ земляхъ этого Средняго міра, въ предѣлахъ русской Азіи, и даже европейской Россіи, находятся правда болѣе или менѣе многозначительные представители господствующихъ въ Азіи на югъ отъ русской государственной границы, или въ предѣлахъ собственной, не-русской Азіи, религій, языковъ, нравовъ и обычаевъ. Но всѣ они въ предѣлахъ Россіи занимаютъ положеніе зависимое, подчиняются вліянію образованности и государственной власти, созданныхъ народомъ, чужимъ имъ по происхожденію, по внѣшнему типу, по языку, вѣрованіямъ, быту и историческому развитію. Всѣ сосѣдніе намъ народы собственной Азіи, японцы, китайцы, монголы, персы, различныхъ видовъ и наименованій турки, какъ часто ни различны они между собою по нарѣчіямъ, вѣрамъ и культурамъ, относятся вообще одинаково къ урусу, оросу, олосу, москову, равно видятъ въ немъ чуждаго себѣ, если не всегда враждебнаго, то всегда сильнаго и грознаго, во многихъ отношеніяхъ совершенно отъ нихъ отличнаго, непохожаго, несроднаго и неединовѣрнаго имъ сосѣда. Съ удаленіемъ отъ юга и востока собственной Азіи и съ приближеніемъ къ предѣламъ Россіи или русской имперіи, чѣмъ далѣе на сѣверъ и западъ, тѣмъ болѣе видоизмѣняется и природный характеръ страны. Климатъ и тѣсно отъ него зависящая жизнь растительная и животная становятся суровѣе, бѣднѣе, однообразнѣе. Только нѣкоторыя южныя окраины русской Азіи или азіатской Россіи представляютъ собою благодатныя земли съ довольно теплымъ климатомъ. Но какъ бы онѣ ни были сами по себѣ значительны, въ массѣ земель азіатской Россіи онѣ являются сравнительно рѣдкими и не особенно значительными оазами. Это отношеніе нисколько не измѣнится въ пользу Россіи, если мы станемъ сравнивать, по климату и разнообразію растительной и животной жизни, собственную Азію не только

съ азіатскою, но и съ европейскою Россіею, ибо послѣдняя составляетъ прямое, естественное продолженіе первой. Благословеннѣйшіе углы юго-западной Россіи, южнаго берега Крыма, Закавказья, русскаго Туркестана, Семипалатинской и Амурской области являются на громадномъ просторѣ русской государственной области рѣдкими исключеніями. Въ не-русской же Азіи находятся цѣлыя обширныя страны, изъ коихъ чуть ли не каждая въ отдѣльности богатствами роскошной своей природы далеко оставляетъ за собою всѣ эти благословенные русскіе края, взятые вмѣстѣ.

Но не одною относительною суровостью климата и сравнительною бѣдностью и однообразіемъ природы, а также и чрезвычайною рѣдкостью населенія и крайнею юностью культуры рѣзко отличается Азія русская отъ значительнѣйшей части не-русской, собственной Азіи. На своей площади, приблизительно въ 17.303,217 кв. кил. русская Азія содержитъ около 19 милл. жителей, а собственная не-русская Азія на пространствѣ приблизительно въ 26.839,441 м. кв. килом. имѣетъ слишкомъ 800 милл. жителей. За исключеніемъ только нѣкоторыхъ южныхъ окраинъ русской Азіи, имѣвшихъ древнюю богатую культуру и только сохраняющихъ ея слѣды и остатки, огромная часть земель русской Азіи, до утвержденія въ ней русской власти находилась въ самомъ такъ сказать дѣвственномъ состояніи, была въ рукахъ племенъ довольно первобытной грубости. Значительнѣйшая же часть не-русской Азіи принадлежитъ къ странамъ самой древней и нерѣдко весьма высокой культуры. Тутъ возникли и развились древнія образованности Ассиріи, Вавилона, Индіи, Ирана, Палестины, Финикіи, Сиріи, Аравіи, Китая, Японіи, острововъ Малайскаго архипелага, съ ихъ многочисленными памятниками разнообразнѣйшей по содержанію и формамъ письменности и архитектуры, съ ихъ своеобразными религіями, замѣчательными открытіями, изобрѣтеніями и опытами въ философіи, наукахъ, промышленности. Таковы различныя племена и народы Азіи симитскаго, арійскаго, тюркскаго, монгольскаго и малайскаго племенъ, съ ихъ разнообразными вѣрованіями и культами—Іеговы, Ваала, Астарты, Брамы, Вишны, Шивы, Будды, Агурамазды и пр... съ ихъ разнородными языками и безчисленными нарѣчіями различнаго внутренняго строя.

Ни въ глубокой древности до Р. Х., ни съ средніе вѣка, ни

въ новѣйшее время съ XVI в., съ утвержденія поселеній и владычества христіанъ, европейцевъ и русскихъ, въ южной и сѣверной Азіи, никогда не только вся Азія, но и нынѣшняя нерусская Азія не была приведена къ единству политическому и религіозному, не собиралась въ одно цѣлое съ однимъ господствующимъ народомъ, языкомъ и вѣрою, несмотря ни на какой фанатизмъ и ни на какія боевыя силы многихъ азіатскихъ завоевателей, не разъ стремившихся къ всепоглощающему единству. Собственная, не-русская Азія не могла достичь такого единства вслѣдствіе чрезвычайной расчлененности, образуемой высокими горными хребтами, пространными, глубокими заливами и ея западными, южными и восточными морями. Великіе полуострова не-русской Азіи: Малая Азія, Аравія, обѣ Индіи, съ многочисленными и часто очень значительными островами Индійскаго и Великаго океановъ, занимаютъ собою немного менѣе половины всей площади собственной Азіи (11 съ четвертью милл. кв. кил.) и по большей части составляютъ въ отношеніи другъ къ другу и къ внутреннимъ материковымъ странамъ собственной Азіи, преимущественно Китаю съ Тибетомъ, совершенно почти отдѣльныя, самостоятельныя страны. Ихъ величина и обособленность позволяла развиваться и процвѣтать въ нихъ въ теченіе вѣковъ обширнымъ государствамъ и самобытнымъ образованностямъ, въ полномъ почти отчужденіи другъ отъ друга. Такъ сложились и развились въ Азіи огромныя племена и народы съ самыми разнообразными внѣшними типами, языками и нарѣчіями, религіозными вѣрованіями, общественными и политическими идеалами и стремленіями. Какое различіе даже между близкими сосѣдями и сродичами индусами и персами, между китайцами и японцами, аравитянами, евреями и финикіянами и между турками различныхъ видовъ и наименованій и монголами, малайцами! Не говоримъ уже о глубокихъ различіяхъ въ языкахъ, религіяхъ и народныхъ характерахъ, напр. арабовъ и китайцевъ, индусовъ и турокъ, персовъ и японцевъ, наконецъ дравидовъ, малайцевъ и нѣкоторыхъ народовъ самой низкой ступени развитія, каковы, напр. *орангъ-кубу* (на югов. Суматры), *даяки* (на Борнео), *папуасы* (на Целебесѣ и на Филиппинскихъ островахъ). О неоднократныхъ и сильныхъ попыткахъ къ государственному и религіозному объединенію свидѣтельствуютъ, правда, частныя исторіи политическихъ успѣховъ персовъ, аравитянъ, монголовъ и турокъ и современное

распространеніе буддизма и мусульманства, возникшихъ у индусовъ и у аравитянъ и нынѣ считающихъ милліоны исповѣдниковъ между племенами самыми разнородными, нерѣдко совершенно чужими другъ другу по языку и внѣшнему типу; но попытки эти не достигали совсѣмъ или надолго своей доли. Довольно враждебное и отрицательное или совершенно индиферентное отношеніе господствующихъ въ не-русской Азіи древнихъ историческихъ религій и цивилизацій къ господствующему въ Европѣ и въ такъ названномъ нами Среднемъ мірѣ христіанству, полное отсутствіе всякихъ надеждъ или опасеній относительно возможности въ будущемъ завоеваній буддизма, даосизма, конфуціанства, мусульманства въ Европѣ и Россіи, болѣе или менѣе успѣшныя стремленія европейцевъ и русскихъ къ распространенію христіанства въ разныхъ углахъ Азіи, къ утвержденію европейскаго и русскаго владычества въ Азіи, за послѣднія три столѣтія, наконецъ самая разноплеменность азіатскихъ почитателей Брамы, Будды, Даоцсе, Конфуція и Магомета, — все это дѣлаетъ изъ не-русской, собственной Азіи совершенно особенный, самостоятельный міръ, не похожій ни на Европу, ни на упомянутый Средній міръ.

Казалось, это должно бы было внушить кореннымъ обитателямъ и главнѣйшимъ народамъ Азіи сознаніе общаго интереса по отношенію къ Европѣ и Россіи. На дѣлѣ этого не видимъ. Какъ изжилась Азія, какъ неспособна она была въ послѣднія столѣтія въ защитѣ своей цѣлости, самобытности и независимости, всего лучше видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ настоящее время изъ 44 милліоновъ кв. километровъ поверхности Азіи занято 17 слишкомъ милліоновъ Россіею (17.303,217); болѣе 7 съ половиною милліоновъ (7.668,914) владѣніями: Великобританіи (4.856,780 кв. кил.) съ 289.522,000 душъ населенія, при чемъ англичанъ не болѣе 150,000 д., Голландіи (2.003,391 кв. к.) съ 31.913,000 д., причемъ голландцевъ — тысячъ 50, Франціи (490,000 кв. к.) съ 19.197,000 жит., да еще Португаліи (19,970 кв. к.) съ $1^1/_2$ мил. жит. и Испаніи (298,772 кв. к.) съ 7 мил. жит.

Такимъ образомъ значительная часть Азіи покорна европейцамъ: 35 милліоновъ англичанъ имѣютъ подъ своею властью и управленіемъ около 289 милліоновъ съ половиною азіатовъ, $4^1/_2$ милліоновъ голландцевъ владѣютъ безъ малаго 32 милліонами азіатовъ; 38 милліоновъ французовъ—10 слишкомъ милліоновъ азіа-

товъ; 5 милл. португальцевъ — почти милліономъ азіатовъ и 18 милліоновъ испанцевъ владѣютъ и управляютъ 7 милліонами азіатовъ.

Азіатскія владѣнія Россіи рѣзко отличаются отъ этихъ азіатскихъ владѣній собственной Европы. Они непосредственно примыкаютъ къ такъ называемой европейской Россіи, составляя съ нею одно непрерывное территоріальное цѣлое. Между восточными и южными окраинами Европейской Россіи и западными и сѣверозападными окраинами русской Азіи собственно говоря не существуетъ никакихъ строгихъ и рѣзкихъ различій и противуположностей ни въ географическомъ, ни въ этнологическомъ, ни въ историко-культурномъ отношеніи. Переходъ изъ одной въ другую совершается постепенно и незамѣтно. Русскія владѣнія въ Азіи отличаются и тѣмъ еще, что пространствомъ своимъ будучи почти въ полтретья раза болѣе собственной европейскихъ владѣній въ Азіи (17.303,217 и 7.668,914 кв. кил.), обладаютъ вообще крайне рѣдкимъ населеніемъ, тогда какъ европейскія владѣнія въ Азіи населены очень густо. Сверхъ того русскія владѣнія въ Азіи совершенно не похожи на собственно-европейскія въ ней владѣнія и тѣмъ еще, что собственныхъ азіатовъ, строго говоря, въ нихъ сравнительно очень мало какъ относительно всей территоріи, такъ и относительно всего русскаго,—христіанскаго населенія нашей Азіи. Между тѣмъ какъ огромнѣйшее большинство европейцевъ только временно проживаетъ въ Азіи и лишь въ нее наѣзжаетъ, русское населеніе въ Азіи по преимуществу живетъ въ ней постоянно и осѣдло, имѣетъ свои деревни, села, города, постепенно размножается какъ внутреннимъ приростомъ, такъ и непрерывнымъ приливомъ новыхъ поселенцевъ изъ Европейской Россіи. Она можетъ дать и несомнѣнно дастъ, а азіатская Россія можетъ принять и помѣстить у себя еще много и много милліоновъ русскаго народа. Въ этомъ смыслѣ и теперь можно говорить объ азіатской Россіи, но еще нельзя и едвали когда будетъ возможно говорить объ азіатской Англіи, Франціи, Голландіи, Испаніи и Португаліи. Для этихъ національностей ихняя Азія неможетъ быть и никогда не будетъ родиною и отечествомъ, а навсегда останется лишь страною эксплоатаціи, выгодныхъ рынковъ, практическою школою административныхъ и государственныхъ талантовъ, болѣе или менѣе благодарнымъ поприщемъ и приманкою для ихъ миссіонеровъ и ученыхъ.

Религіозная пропаганда въ Азіи успѣла побѣждать самыя сильныя внѣшнія преграды какъ географическія, такъ и пле-

менныя. Она нерѣдко приводила къ духовному единству самые разноплеменные и отдаленные другъ отъ друга народы Азіи. Но все таки благодаря прежней вѣковой отчужденности и мѣстной обособленности различныхъ ея частей, глубокое внутреннее разнообразіе такъ крѣпко въ ней утвердилось, что въ Азіи врядъ-ли уже возможно утвержденіе игемоніи одной изъ преобладающихъ въ ней вѣръ, будутъ ли то даосизмъ, конфуціанизмъ, браманизмъ, буддизмъ или мусульманство. Какъ бы мы ни преувеличивали внутреннюю живучесть магометанства и успѣхи его пропаганды въ Азіи, однако ни вся прошлая его исторія, богатая примѣрами разныхъ сектъ, расколовъ и ожесточенныхъ усобицъ, ни настоящее къ нему отношеніе многихъ милліоновъ азіатовъ не-мусульманъ, ни кровавыя рѣзни въ Китаѣ, ни косность и отсталость самыхъ сильныхъ современныхъ мусульманскихъ населеній ничто не позволяетъ предполагать возможности объединенія всей нерусской Азіи подъ единымъ знаменемъ Магомета. А только при условіи религіознаго, культурнаго единства можно бы было предугадывать время, когда всѣ разнородныя части собственной Азіи пришли бы наконецъ въ сознаніе своихъ общихъ интересовъ и выступили бы въ грозномъ единодушіи противъ двухъ чужихъ и враждебныхъ имъ міровъ. Для такого предварительнаго процесса культурнаго и политическаго объединенія Азіи, если оно вообразимо, потребовалось бы столь продолжительное время, что главные нынѣшніе чужеродные распорядители судебъ Азіи, европейцы,—преимущественно англичане,—и русскіе, успѣли бы утвердить въ ней свое могущество такъ, что на всегда бы могли помѣшать внѣшнему росту опаснаго имъ мусульманства. Наконецъ какъ бы мусульманство не стирало племенныхъ, національныхъ особенностей, однако глубокія племенныя различія въ языкахъ, характерахъ и бытѣ будутъ всегда сильнѣйшими препятствіями къ прочному сліянію и единодушному дѣйствію такихъ разнородныхъ массъ, каковы многочисленныя племена и народы собственной Азіи. Извѣстное единство и господство общепонятнаго языка, необходимое для порядка администраціи и военныхъ дѣйствій, еще необходимѣе для успѣховъ искусствъ, наукъ, промышленности и торговли. Безъ ихъ развитія одно религіозное объединеніе азіатовъ, если бы оно когда-нибудь и состоялось, не можетъ быть особенно опасно ни Европѣ, ни Россіи. Но изъ всѣхъ языковъ, исповѣдующихъ и прославляющихъ нынѣ Магомета, или оглашаемыхъ

какой тяжелой зависимости отъ иностранцевъ находятся еще по сейчасъ наша образованность, наша литература, искусства, науки, промышленность и торговля. Въ настоящее время, благодаря новѣйшимъ успѣхамъ науки, промышленности, колоссальному развитію желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и пароходства, военной и морской артиллеріи, кредитной системы и всемірной торговли, внѣшнее могущество европейской цивилизаціи можно сказать удесятерило свои силы противъ начала XVIII вѣка. Поступая въ ученье къ Европѣ, Россія не только не поступалась въ своихъ политическихъ правахъ, но напротивъ Полтавскою побѣдою, Ништатскимъ миромъ и цѣлымъ рядомъ блестящихъ войнъ въ Европѣ въ царствованія Елисаветы, Екатерины II, Павла I и Александра I засвидѣтельствовала свое непремѣнное желаніе и неотъемлемое право быть первоклассною державою въ средѣ новыхъ историческихъ націй. Сближеніе же японцевъ, китайцевъ, турокъ, персіянъ съ современною Европою начинается прежде всего заключеніемъ часто самыхъ постыдныхъ и всегда крайне для нихъ невыгодныхъ трактатовъ съ европейскими государствами. Въ Японіи, Китаѣ, Турціи, Персіи и пр., они прежде всего выговариваютъ своимъ подданнымъ такія права и преимущества, какія бы они сами никогда не рѣшились предоставить чужимъ подданнымъ у себя дома. Алчное корыстолюбіе и неправедная стяжательность европейскихъ капиталистовъ, промышленниковъ и всевозможныхъ просвѣтителей (культуртрегеровъ) и искателей приключеній всегда находятъ себѣ вѣрную охрану и крѣпкую поддержку въ всесильныхъ европейскихъ посланникахъ и консулахъ, готовыхъ подкрѣпить всякое свое требованіе у азіатскихъ правительствъ быстрымъ вызовомъ военныхъ кораблей изъ крейсирующихъ въ ближайшихъ моряхъ европейскихъ эскадръ. Просвѣщая своихъ подданныхъ свѣтомъ европейской образованности, азіатское правительство или постоянно унижается передъ всякою европейскою державою, или при первомъ же столкновеніи съ нею начинаетъ раскаяваться въ своихъ затѣяхъ сближенія съ европейскою цивилизацію. Въ первомъ случаѣ оно роняетъ себя въ глазахъ своихъ подданныхъ и усиливаетъ въ своей странѣ число недовольныхъ новыми порядками, во второмъ—оно дѣлаетъ уступку домашней оппозиціи и раздражаетъ противъ себя европейскія государства. Они всякой разъ строго возмещаютъ на «вѣроломныхъ» азіатахъ ма-

лѣйшее отступленіе отъ буквы трактатовъ, обыкновенно насильно же навязанныхъ азіатскимъ правительствамъ, какъ бы въ награду за ихъ желаніе сближенія съ Европою. Въ обоихъ случаяхъ подкапывается политическая независимость азіатскихъ странъ. Въ культурномъ отношеніи всѣ эти азіатскія реформы точно также мало сулятъ въ будущемъ. Должно пройти еще нѣсколько поколѣній, прежде чѣмъ наѣзжающіе въ Японію, Китай, Турцію, Персію для просвѣщенія и эксплоатаціи этихъ странъ европейцы, и наѣзжающіе въ Европу японцы, китайцы, турки и персіяне, дабы самимъ просвѣтиться, успѣютъ устроить достаточное количество училищъ, приготовить нужныхъ учителей, создать совершенно новую учебную и ученую литературу, согласную современнымъ требованіямъ науки и приспособленную къ потребностямъ этихъ старыхъ и даже очень древнихъ обществъ, но рѣшительныхъ новичковъ въ дѣлѣ современной науки и образованности. Ея требованія и задачи нерѣдко такъ глубоко противорѣчатъ самымъ завѣтнымъ привычкамъ и крѣпко укоренившимся нравамъ всѣхъ этихъ милліоновъ японцевъ, китайцевъ, турокъ, персіянъ и пр., что понадобятся еще цѣлые десятки лѣтъ для успѣшной устной и письменной пропаганды, для обширной реформаціонной и революціонной литературы. Ей предстоитъ раскрыть, осмѣять и ниспровергнуть старые предразсудки и предубѣжденія народныхъ массъ. Безъ ихъ подготовки и безъ ихъ сочувствія никогда не приметься въ этихъ странахъ европейская образованность, не устроятся необходимыя европейскія училища. И сколько еще новыхъ десятковъ лѣтъ потребуется на то, дабы эти народы съ ихъ своеобразною древнею и старинною цивилизаціею прошли предварительную школу послушныхъ учениковъ Европы и пересадили къ себѣ всѣ важнѣйшія отрасли ея научной литературы! Только послѣ всѣхъ такихъ подготовительныхъ работъ, а онѣ потребуютъ многіе и многіе десятки лѣтъ и будутъ прерываемы конечно цѣлыми періодами реакцій, возможно будетъ всѣмъ этимъ азіатамъ явиться самостоятельными дѣятелями въ той наукѣ и образованности, которую мы теперь привыкли называть европейскою. И какое же будущее ожидаетъ послѣ того ихъ образованность, ихъ науку и литературу? Вѣрные и страстные почитатели Европы, они изучаютъ ея литературы, овладѣваютъ въ совершенствѣ ея главными языка-

ми и очень мало имѣютъ основанія расчитывать на то, чтобы Европа заплатила имъ взаимностью. Ихъ трудные для европейцевъ языки едва ли когда сдѣлаются предметами сколько нибудь общеизвѣстными. Они будутъ по прежнему занимать вниманіе только немногихъ европейскихъ оріенталистовъ.

Таковы самыя блестящія надежды для начинающей по-европейски просвѣщаться собственной, не-русской, Азіи. И эти надежды могли бы еще осуществиться только въ отдаленномъ будущемъ, черезъ какія нибудь напр. 200—300 лѣтъ и при единственномъ условіи полнаго воздержанія Россіи и Европы отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Азіи и отъ дальнѣйшихъ въ ней захватовъ. Судя же по стародавней косности огромнѣйшей части азіатскаго міра и по прогрессивной быстротѣ новѣйшаго развитія европейской цивилизаціи, политическаго и военнаго могущества главнѣйшихъ ея представителей на такъ называемомъ азіатскомъ материкѣ, англосаксовъ и русскихъ, можно съ вѣроятностью заключить, что въ эти грядущія 200—300 лѣтъ будетъ болѣе или менѣе подорвана и расшатана политическая самостоятельность почти всѣхъ азіатскихъ государствъ. Во всѣ же времена и для всѣхъ племенъ національная независимость была непремѣннымъ условіемъ органическаго и успѣшнаго развитія народной образованности. Милліоны азіатовъ коснѣютъ теперь въ гордомъ довольствѣ своею дряхлою цивилизаціею, или прозябаютъ на различныхъ ступеняхъ той одичалости и грубости, до которой способно только доходить человѣчество. Они не успѣютъ еще дойти до сознанія общности своихъ интересовъ въ отношеніи къ Россіи и къ европейскому человѣчеству Стараго и Новаго свѣта, до необходимости бороться съ ними равнымъ оружіемъ и, занявъ изъ европейской цивилизаціи все для того нужное, выработать себѣ такую же самостоятельную образованность, какъ будутъ уже обхвачены съ востока, сѣвера, юга и запада такимъ могущественнымъ и непроницаемымъ вліяніемъ русскихъ, англичанъ, англо-американцевъ и др., что въ торговлѣ, въ промышленности, въ наукѣ, искусствахъ имъ можетъ предстоять лишь покорная пассивность и зависимость, безо всякихъ надеждъ на полноправную взаимность и сознательное воздѣйствіе. Такъ міръ собственно азіатскій, частью вслѣдствіе своей непоправимой грубости и одичалости, частью въ силу своей необновимой уже древности

и дряхлости, лишенъ почти всякихъ видовъ на самостоятельное, независимое будущее. Какъ вся будущность Турціи съ начала XIX в. заключалась, строго говоря, въ освобожденіи ея разнороднаго христіанскаго населенія отъ власти мусульманъ и османовъ, такъ будущность всей не-русской Азіи есть едва ли не будущая исторія европейскаго (преимущественно англосаксонскаго) и русскаго въ ней владычества и вліянія. Въ культурномъ отношеніи собственная не-русская Азія есть по преимуществу міръ развалинъ, необновимаго прошедшаго и дряхлѣющей старости, все болѣе поступающій въ опеку и волею неволею сдающій свои богатства во власть и завѣдываніе двухъ другихъ міровъ Азійско-Европейскаго материка, именно ихъ двухъ главнѣйшихъ представителей, Англіи и Россіи.

Азіатская и европейская Россія составляетъ во многихъ отношеніяхъ рѣзкую противуположность собственной Азіи. Какъ въ послѣдней рѣшительное отсутствіе игемоническаго преобладанія одной вѣры, одного языка, одной народности, такъ въ первой наоборотъ, при всемъ множествѣ разнообразныхъ вѣръ, въ ней исповѣдуемыхъ, языковъ и народностей, въ ней живущихъ, значительно преобладаетъ и вполнѣ господствуетъ одна вѣра, христіанство, одинъ языкъ и народность, русская, славянская. Многочисленные и различные иновѣрцы и инородцы русской имперіи отъ римскихъ католиковъ, евангеликовъ и реформатовъ до мусульманъ, буддистовъ и разнородныхъ культовъ часто самой дикой грубости, отъ германцевъ до всякаго рода финновъ, татаръ, турокъ, монголовъ и тунгусовъ, чукчей и пр., какъ бы одни изъ нихъ ни были численны, а другіе развиты и образованы, всѣ они однако порознь представляютъ собою болѣе или менѣе слабую или ариѳметическую или нравственную величину въ отношеніи къ господствующимъ въ европейской и азіатской Россіи восточному христіанству и народности славянской. Какъ бы ни старались унижать дарованія славянской расы и русскаго народа въ особенности, какъ бы ни превозносили способностей, значенія и вліянія нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, какъ бы ни преувеличивали естественныхъ и культурныхъ преградъ успѣшному въ будущемъ росту русской образованности, однако самые грубые по своей осязательности факты и нашего прошлаго и нашего настоящаго неопровержимо доказываютъ, что по крайней мѣрѣ со второй половины XV в. русскій народъ

неудержимо ростетъ и множится силою естественнаго нарожденія и постепеннаго, мирнаго уподобленія живущихъ посреди его чужихъ народностей, все далѣе раздвигаетъ границы своей рѣчи, церкви и государства, постепенно расширяетъ кругъ своей матеріальной и умственной дѣятельности, открывая новые и совершенствуя разработку старыхъ источниковъ духовнаго развитія и матеріальнаго богатства. Какъ въ не-русской Азіи отсутствіе одного преобладающаго народа, языка и вѣры съ одной стороны рѣшительно мѣшаетъ культурному и политическому ея объединенію, а вмѣстѣ и согласному и успѣшному ея противодѣйствію своимъ противникамъ, такъ наоборотъ рѣшительное преобладаніе въ европейской и азіатской Россіи одной вѣры, одного языка и народности, есть главный источникъ ея политическаго и культурнаго единства, прежнихъ и грядущихъ успѣховъ въ борьбѣ съ ея противниками и соперниками, Западомъ—Европою, и Югомъ—собственною Азіею. Какъ невозможность объединенія Азіи тѣсно зависитъ отъ высокихъ горныхъ хребтовъ и глубокихъ заливовъ и внутреннихъ морей, раздѣляющихъ ее на столь большія и совершенно почти независимыя другъ отъ друга части, такъ точно единство русской имперіи обусловлено совершеннымъ почти отсутствіемъ въ ней крупныхъ внутреннихъ расчлененій. На этомъ огромномъ просторѣ сплошной массы равнинъ высокіе горные хребты встрѣчаются, за выключеніемъ сравнительно невысокаго и во всякомъ случаѣ не непрерывнаго горнаго хребта Уральскаго, только на окраинахъ, а видные полуострова имѣются собственно лишь на крайнемъ сѣверѣ и востокѣ (Чукотская земля и Камчатка) и юго-западѣ (Крымъ). Этимъ отсутствіемъ богатыхъ расчлененій Россія рѣзко отличается какъ отъ европейскаго запада, такъ и азіатскаго юга. Русская Азія въ этомъ отношеніи составляетъ почти такую же противоположность собственной не-русской Азіи, какую европейская Россія—собственной, не-русской Европѣ. Отъ настоящей Европы и отъ настоящей Азіи отличается Россія и крайне бѣднымъ развитіемъ береговой линіи, ибо за выключеніемъ неудобныхъ для мореплаванія омывающихъ русскіе предѣлы Сѣвернаго и Великаго океановъ, въ Россіи приходится 1 береговая миля на 175 □ м. суши.

Мы видимъ, искомыя границы такъ названнаго нами Средняго міра на Азійско-Европейскомъ материкѣ обнимаютъ всю

Русскую имперію и въ такъ называемой Азіи совершенно почти совпадаютъ съ ея политическими границами. Но гдѣ границы этого средняго міра на западѣ, въ такъ называемой Европѣ? Какъ ни обширна площадь русской Азіи, какъ ни отличается она своимъ географическимъ и климатическимъ характеромъ отъ лежащей на югъ отъ нея собственной, не-русской Азіи, однако эти внѣшнія особенности часто физической природы еще не даютъ права на особое дѣленіе. Господство и преобладаніе въ этой сѣверной и частью средней Азіи русскаго народа и языка, русской государственной власти и русскаго просвѣтительнаго начала — вотъ что главнѣйше заставляетъ отдѣлять русскую отъ собственной, не-русской Азіи. Но въ ней русскій элементъ составляетъ ничтожную ариѳметическую величину, и какъ бы ни были блестящи способности русскихъ поселенцевъ въ Азіи, однако они никакъ не могли бы ни оправдать принятаго дѣленія на русскую и не-русскую Азію, ни дать русскому имени значенія, какимъ оно пользуется на всемъ Азійскомъ материкѣ, ни сулить въ немъ русской образованности того великаго будущаго, котораго чаютъ или опасаются всѣ сколько нибудь развитые люди всѣхъ странъ и народностей. Если есть Азія *русская*, если она въ отличіе отъ собственной, не-русской Азіи должна быть относима къ особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азіи или азіатской Россіи есть еще русская Европа или Россія европейская. Здѣсь на пространныхъ равнинахъ между Бѣлымъ, Балтійскимъ и Чернымъ морями, между Ураломъ и Карпатами сильнѣйшая народность славянскаго племени образовала и развила свою государственность, свою рѣчь и образованность, и при всей своей относительной юности, сравнительно съ Европою и съ Азіею, имѣетъ тысячелѣтнюю непрерывную исторію. Отсюда, изъ древнихъ и внутреннихъ русскихъ областей, главнѣйше черпаетъ свои силы господствующій элементъ русской Азіи. Самъ по себѣ онъ такъ еще слабъ, что можетъ собственно служить только передатчикомъ, толкователемъ и исполнителемъ идеи произведеній и задачъ, вырабатываемыхъ въ европейской Россіи. Русская литература, промышленность, торговля, гражданственность Кавказскаго и Оренбургскаго края, Туркестанской области, Западной и Восточной Сибири съ Приморскою областью еще можетъ быть на десятки поколѣній принуждены будутъ силою вещей вдохновляться руководящими

идеями и состоять въ зависимости отъ творческой дѣятельности коренныхъ, древнихъ областей русскаго государства. Русская народность въ Азіи такъ еще малочисленна и слабо представлена, что она не имѣетъ никакихъ средствъ поддерживать собственными силами тотъ авторитетъ, которымъ заслуженно пользуется русское имя въ Азіи, а въ нѣкоторыхъ обширныхъ краяхъ, каковы Кавказскій, Оренбургскій, Туркестанскій, она бы никогда и не могла утвердиться безъ тяжелыхъ пожертвованій и великихъ усилій коренного населенія русской имперіи. Хотя успѣхи русскаго могущества въ Азіи безспорно отражаются на усиленіи русскаго вліянія въ Европѣ, однако они сами находятся въ прямой непосредственной зависимости отъ развитія образованности и гражданственности главною основою народнаго ядра европейской Россіи. При такой зависимости азіатской отъ европейской Россіи, сопоставляя русскую съ не-русскою, собственною Азіею, было бы необходимо не отдѣлять Россіи азіатской отъ европейской даже и въ такомъ случаѣ, если бы послѣдняя отличалась отъ первой совершенно другимъ естественнымъ характеромъ, ибо въ этнологическомъ и историко-культурномъ отношеніи эти обѣ Россіи составляютъ, вслѣдствіе постоянныхъ переселеній изъ европейской въ азіатскую, одно неразрывное цѣлое. Эта же точка зрѣнія имѣетъ очень важное значеніе при опредѣленіи границъ собственно азіатскаго, собственно европейскаго и такъ называемаго нами Средняго міра. Если на востокѣ и югѣ, именно въ Азіи и частью въ Европѣ, на сѣверозападѣ, политическія границы Россіи со Швеціею и Норвегіею почти совершенно совпадаютъ съ этнологическими и историко-культурными границами Средняго міра отъ собственно азіатскаго и собственно европейскаго, то на прочемъ западѣ и югѣ эти европейскія границы Средняго міра замѣтно и значительно расходятся съ государственными границами Россіи. Западныя и южныя сухопутныя границы европейской Россіи съ Пруссіею, Австріею и Румыніею, суть границы чисто политическія, искусственныя, совсѣмъ не то, что границы Россіи со Швеціею и Норвегіею или значительнѣйшая часть границы, за выключеніемъ Закавказья, съ собственною, не-русскою Азіею. По сю сторону этихъ границъ Россіи со Швеціею и Норвегіею и съ собственною Азіею преобладаетъ и господствуетъ восточное православіе и славянскій языкъ, славянская народность, а по ту сторону этихъ границъ

КАБИНЕТ БИБЛ. Русско-славянской филологии ЛГУ Инв. № 3159

Русского языка Филологич. ф-та Инв. № 2007

уже нѣтъ вовсе ни славянской рѣчи и народности, ни исповѣдниковъ восточнаго православія, а напротивъ исключительно преобладаютъ и господствуютъ съ одной стороны—западное христіанство, преимущественно въ одномъ изъ своихъ ученій, протестантствѣ, и германская (собственно шведская и норвежская) рѣчь и народность, а съ другой—различныя восточныя, азіатскія религіи: даосизмъ, конфуціанство, буддизмъ, мусульманство, и различныя чистоазіатскія народности: японцы, китайцы, манджуры, монголы, турки, персы. Не таковы границы Россіи съ Пруссіею, Австріею, европейскою и азіатскою Турціею. За этими границами кончается правда политическое преобладаніе и господство восточнаго православія, а также славянской рѣчи и народности, но вовсе не прекращается численное преобладаніе господствующей въ Россіи вѣры или славянской рѣчи и расы, часто той и другой вмѣстѣ. Съ этихъ сторонъ Россія окружена прусско- и австрійско-славянскими, а также румынскими и далѣе болгарскими, сербскими, турецкими и греческими землями. Въ этихъ же земляхъ, какъ и въ Россіи, господствуютъ численно восточное христіанство, и славянская рѣчь и народность или порознь, какъ въ Румыніи и Греціи, или вмѣстѣ какъ въ Болгаріи, Сербіи, Черной Горѣ, или одна лишь славянская рѣчь и народность, какъ въ западно-славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи и Пруссіи. Правда, въ Турціи, Австро-Венгріи, Пруссіи эти чуждыя собственной Европѣ и собственной Азіи, восточное христіанство и славянская рѣчь и народность зависятъ правда политически отъ той или другой чужой религіи или рѣчи, но все же численно рѣшительно преобладаютъ надъ тѣми религіями или народностями, которыя исключительно господствуютъ, какъ западное христіанство и германскія и романскія народности, въ собственной Европѣ, или какъ мусульманство и турки—въ собственной Азіи. Съ наибольшимъ удаленіемъ въ этомъ направленіи отъ русскихъ границъ все болѣе рѣдѣетъ славянское или православное населеніе, пока мы наконецъ не вступимъ въ земли, гдѣ оно рѣшительно исчезаетъ и гдѣ уже настаетъ полное, исключительное господство нѣмецкой и итальянской рѣчи и народности на западѣ, а мусульманства и турецкой народности на югѣ (въ М. Азіи). За этими предѣлами Россія не имѣетъ уже близкихъ родныхъ братьевъ ни по вѣрѣ, ни по крови, какъ не имѣетъ ихъ за своею шведско-норвежскою и за большею

частью своей азіатской границы. Эти земли для Россіи или единовѣрныя и единоплеменныя вмѣстѣ, или только ей единовѣрныя, или только ей единоплеменныя составляютъ сами по себѣ слишкомъ незначительную, по величинѣ площади, по количеству населенія и политическому и культурному его положенію, часть Азійско-Европейскаго материка, для того, чтобъ образовать особый самостоятельный отдѣлъ или міръ. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія этнологической и историко-культурной, эти земли естественно должны быть отнесены не къ міру собственно азіатскому и не къ міру собственно европейскому, а къ міру названному нами Среднимъ. Въ этомъ смыслѣ эти земли нельзя отрывать отъ Россіи, какъ нельзя азіатскую Россію отдѣлять отъ европейской. Существованіе въ прилежащихъ къ Россіи земляхъ нѣсколькихъ милліоновъ ея единоплеменниковъ и единовѣрцевъ составляетъ источникъ ея силы и могущества политическаго и культурнаго какъ въ настоящемъ, такъ еще болѣе въ будущемъ. Эти земли напротивъ, для міра собственно азіатскаго или не представляютъ никакого непосредственнаго интереса, или даже какъ для него, такъ и для міра собственно европейскаго являются источникомъ многихъ замѣшательствъ и важныхъ затрудненій, особенно въ ихъ далеко недружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Политическая сила и вліяніе историческихъ національностей заключается не въ однихъ ихъ наличныхъ силахъ, но и въ той вѣрѣ и въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя онѣ возбуждаютъ относительно своего будущаго въ своихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдяхъ. Если бы пограничныя намъ области Пруссіи, Австро-Венгріи и Турціи имѣли совершенно однородное и вмѣстѣ чуждое намъ по вѣрѣ и расѣ населеніе, то Россія никогда бы конечно не могла играть въ европейской и всемірной политикѣ великой роли, выпавшей ей, какъ единственной сильной представительницѣ интересовъ славянщины и восточнаго христіанства. Имѣй Россія гораздо болѣе искусную дипломатію и армію несравненно храбрѣйшую и лучше устроенную, все-таки она бы не могла одержать тѣхъ блестящихъ успѣховъ надъ турками и разными европейскими державами, коими она по справедливости гордится съ начала XVIII в. Ей бы никогда не удалось ни помѣшать образованію общей европейской коалиціи противъ нея, ни выйти изъ такой неравной борьбы побѣдительницею. Въ патріотической гордости нашей, глядя свысока на родствен-

ныя намъ народности, слабыя числомъ и зависимыя политически, мы любимъ говорить, что Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ, и напрасно при этомъ забываемъ, что славяне тѣмъ же самымъ, т. е. тѣмъ, что существуютъ, полезны Россіи, что безъ нихъ она бы никогда не была тѣмъ, чѣмъ она есть, что если они зачахнутъ въ борьбѣ и, наконецъ, исчезнутъ, она никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть въ случаѣ, если всѣ не-русскіе славяне сохранятъ и обеспечатъ наконецъ свою самостоятельность. Въ XV—XVI в. въ Европѣ было нѣсколько державъ гораздо болѣе цвѣтущихъ и богатыхъ, сильныхъ и могущественныхъ, въ отношеніи грозной тогда Турціи, чѣмъ тогдашнее Московское государство. Однако, вслѣдствіе брака Софіи Палеологъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и другихъ причинъ, возникаетъ фикція о перенесеніи въ Москву восточной имперіи, о царяхъ московскихъ, какъ наслѣдникахъ Палеологовъ. По свидѣтельству венеціанскихъ посланниковъ и баиловъ въ Константинополѣ и другихъ лучшихъ европейскихъ знатоковъ Турціи, турки Солимана не боялись такъ ни Венеціи, ни Англіи, ни Германской имперіи, ни Франціи, ни могущественной Испаніи, какъ боялись они Россіи, потому что покоренные турками, но сохранившіе свою вѣру и народность греки, албанцы, волохи, сербы, болгаре глядѣли на царя московскаго, а послѣ на русскаго императора, какъ на своего законнаго стоятеля и оберегателя, которому суждено Промысломъ освободить ихъ наконецъ отъ тяжкаго агарянскаго ига. Какъ измѣрить и оцѣнить глубину и значеніе прибывавшей отъ того Россіи силы въ борьбѣ съ турками и вообще съ мусульманствомъ и возраставшаго отъ того нравственнаго авторитета Россіи въ умахъ европейскихъ и азіатскихъ! Не говоримъ уже, что во всякомъ случаѣ неизбѣжная для насъ борьба съ Турціею затруднилась бы для насъ вдесятеро, если бы нынѣшніе наши единовѣрцы и единоплеменники были всѣ истреблены или отуречены. Точно также какъ бы слаба и безсильна была Россія по отношенію къ Германіи, если бы всѣ нынѣшніе 13 мил. югозападныхъ (болгары, сербы, хорваты, словѣнцы) и 19 мил. сѣверозападныхъ славянъ (поляки, лужичане, чехи, моравне, словаки) были истреблены и онѣмечены, на подобіе слабыхъ вѣтвей славянъ полабскихъ (бодричей, лютичей, поморянъ) въ Мекленбургѣ, Бранденбургѣ, Помераніи! Какъ бы далеко на востокъ простиралась теперь нѣмецкая колонизаторская и завоевательная дѣятельность!

Какъ бы тогда спокойна и обеспечена была Германія и на востокѣ и на западѣ. Внутри Бироновщина, во внѣ — политика Петра III, измѣняясь и смягчаясь во внѣшнихъ проявленіяхъ, сообразно времени и обстоятельствамъ, были бы въ сущности вѣчнымъ удѣломъ новой Россіи, если бы столь вообще презираемые или свысока озираемые русскими дипломатами и разными интеллигентами различные *братья славяне*, съ *Моравы*, *Савы*, *Дравы* и пр. не устояли въ своей старовѣковой борьбѣ съ германизмомъ, передъ которымъ такъ легко пасовали наши дипломаты, ученые, администраторы, купцы, промышленники и публицисты.

Съ дѣтства привыкая видѣть въ германизмѣ, какъ и во всемъ европейскомъ и западномъ, одну чистую науку и цивилизацію, а въ славизмѣ—одну первобытную грубость и невѣжество, мы не умѣемъ должнымъ образомъ цѣнить ту громадную пользу, какую принесли Россіи западные и южные славяне своею борьбою съ германизмомъ и сохраненіемъ своей рѣчи и народности. Мы любимъ жаловаться на медленный ростъ и слабую самобытность русской образованности, но мы не соображаемъ, что безъ презираемыхъ нами малыхъ литературъ и письменностей славянскихъ русская литература и наука сдѣлали бы по сіе время еще менѣе успѣховъ. Не говоря уже о вліяніи военной и политической славы на пробужденіе и развитіе русскаго національнаго генія (Ломоносовъ, Державинъ, Пушкинъ),—а эта слава была пріобрѣтена Россіею благодаря сохраненію рѣчи и народности славянской нашими единовѣрцами и единоплеменниками въ Турціи, Австріи, Германіи!—припомнимъ только, какое глубокое и плодотворное вліяніе имѣли на древнюю русскую литературу древняя моравско-паннонская, болгарская и сербская письменность, а на новѣйшую русскую науку—филологію, этнографію, археологію, исторію—новѣйшее литературное движеніе южныхъ и западныхъ славянъ и труды ихъ корифеевъ, Добровскаго, Копитара, Шафарика, Юнгманна, Палацкаго, Линде, Лелевеля, Караджича, Миклошича и пр. Указываютъ часто на поляковъ, столько разъ причинявшихъ намъ важныя затрудненія какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Высказываютъ иногда сожалѣніе, зачѣмъ де русская Польша не принадлежитъ Пруссіи: она молъ давно бы онѣмечила поляковъ. Приводятъ наконецъ въ примѣръ прежнюю дружбу Пруссіи съ Россіею, какъ бы въ доказательство, что мы, русскіе, не имѣемъ никакого интереса въ сохраненіи славянской рѣчи и на-

родности. Но примѣръ Пруссіи доказываетъ совершенно противное. Если бы Польша не утратила такъ скоро славянскихъ политическихъ преданій Болеслава Храбраго и не отдалась такъ покорно западно-европейскому вліянію, если бы она не забывала славянскихъ задачъ, то никогда изъ славянскаго Бранденбурга и столь сродной славянамъ литовщины не выросла бы могущественная нѣмецкая держава Гогенцоллериновъ, возстановителей славы Оттоновъ Саксонскихъ и Фридриховъ Гогенштауфеновъ. Слѣдя въ исторіи за ростомъ нашихъ русскихъ національныхъ силъ и вспоминая пораженія и потери, понесенныя нами въ разныя времена отъ поляковъ, мы нерѣдко забываемъ возблагодарить ихъ за услуги, въ разное время ими оказанныя славянству, когда они боролись съ германизмомъ, противъ ли имперіи, какъ при Болеславѣ Храбромъ, противъ ли нѣмецкаго ордена (въ XV в.) или противъ Швеціи (въ XVII в.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ они дѣлали одно дѣло съ древнимъ Новгородомъ и Псковомъ, подготовляя пріобрѣтенія Петра Великаго и его преемниковъ на Балтійскомъ поморьѣ и ихъ вліяніе на дѣла Швеціи и Германіи. Для насъ вовсе не несчастіе, а даже большое утѣшенье, когда поляки въ Пруссіи не поддаются такъ легко онѣмеченію, какъ того желали бы и прусское правительство и нѣмецкое общество. Чѣмъ крѣпче сохраняютъ поляки въ Пруссіи свою славянскую народность, тѣмъ цѣннѣе и значительнѣе могутъ быть ихъ вклады въ общеславянскую науку, искусство, вообще образованность, тѣмъ больше наконецъ нашъ чужеродный сосѣдъ будетъ имѣть дѣла у себя дома, тѣмъ слабѣе онъ можетъ быть въ своей наступательной политикѣ на востокѣ, тѣмъ живѣе будетъ чувствовать Пруссія необходимость миролюбиваго сожитія съ Россіею.

Такимъ образомъ, не отождествляя и не сливая съ Россіею прилежащихъ къ ней земель славянскихъ и православныхъ, мы не можемъ однако съ точки зрѣнія этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять ихъ къ одному съ нею разряду или міру и должны отдѣлять ихъ и отъ міра собственно азіатскаго и отъ міра собственно европейскаго. Отъ перваго онѣ отличаются, подобно Россіи и собственной Европѣ, своею христіанскою культурою. Отъ Европы значительная часть ихъ отличается принадлежностью своею не къ западному, а къ восточному христіанству. Остальная же часть, обращенная въ западное христіанство, какъ поляки, словаки, чехи, моравне,

словѣнцы и хорваты, рѣзко отдѣляется отъ своихъ западныхъ сосѣдей и единовѣрцевъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, глубокою взаимною антипатіею, разностью языковъ и характеровъ противоположностью національныхъ интересовъ. Напротивъ съ своими восточными сосѣдями русскими, сербами, болгарами они тѣсно связаны общностью историческихъ судебъ, культурныхъ и національныхъ интересовъ, величайшимъ сходствомъ языковъ и нравовъ. Въ теченіи среднихъ вѣковъ, когда на религіозныя различія и сходства обращалось такое большое вниманіе, западные иноплеменники нѣмцы, итальянцы, поражаемые этимъ сродствомъ славянъ западныхъ и восточныхъ, давали имъ безразлично одно общее названіе, именуя ихъ всѣхъ общимъ именемъ *чужеродцами*, *варварами*, *сарматами*, *вендами*, *славянами*, а огромное пространство земли, занятое славянами вмѣстѣ съ различными инородцами албанцами, волохами, мадьярами, финнами, литовцами, прозывая однимъ словомъ—*Славіею*, *Славеніею* или *Славоніею* [1]). Можно признать также рѣзкими и отличительными признаками славянъ юго-и сѣверо-западныхъ отъ собственной Европы—общее имъ всѣмъ благоговѣйное почитаніе памяти двухъ мужей, къ подвигамъ и именамъ которыхъ собственная Европа относилась или совершенно равнодушно, или даже крайне враждебно, и столь же имъ всѣмъ общее глубоко враждебное отношеніе къ подвигамъ и памяти великаго германца, имя котораго цѣлые вѣка пользовалось въ собственной Европѣ самымъ благоговѣйнымъ культомъ или величайшею популярностью. Говоримъ о славянскихъ апостолахъ Константинѣ и Меѳодіи, память которыхъ свято чтилась и чтится даже у западныхъ славянъ, утратившихъ славянское богослуженіе, и о Карлѣ Великомъ, возстановителѣ римской имперіи на западѣ и учредителѣ идеальнаго, историко-культурнаго единства настоящей, собственной Европы. Наконецъ, не смотря на всѣ внутреннія

---

[1]) Нѣмецкій путешественникъ въ святую землю монахъ Феликсъ Фаберъ въ своемъ драгоцѣнномъ сочиненіи (Evagatorium in terrae sanctae, Arabiae et Aegipti peregrinationem) при описаніи Далмаціи говоритъ: Dalmatia regio secundum antiquam terrae partitionem est pars et provincia Graeciae, et ad hanc computabatur, nunc autem computatur ad Slavoniam, cui adiacet ad Orientem. Sclavia sive Sclavonia est provincia grandis, continens regiones et regna-multa, continet enim Moesiam, Ungariam, Boemiam, Poloniam, Rutheniam et Dalmatiam, et plures particulares regiones alias sub illis, quae omnes sunt quasi eiusdem linguae et se intelligunt. Bibl. d. liter. Vereins in Stuttgart. II, III, IV.—Vol. III, p. 357.

различія и усобицы славянъ западныхъ и восточныхъ, есть одно общее имъ всѣмъ крѣпко связующее ихъ воззрѣніе на западнаго ихъ сосѣда нѣмца и глубокое къ нему, вѣками оправданное, недовѣріе и нерасположеніе. Всѣ эти данныя и соображенія заставляютъ всѣ западныя славянскія земли, съ точки зрѣнія этнологической и историко-культурной, отдѣлять отъ собственной Европы и относить заодно съ Россіею и съ землями ей единовѣрными какъ единоплеменными, такъ и иноплеменными, къ такъ названному нами міру Среднему.

Западная граница Средняго міра, отдѣляющая его отъ собственной Европы, есть сухопутная русская - норвежско-шведская граница, Ботническій и Финскій заливы, далѣе ломанная пограничная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адріатическимъ морями. Она углубляется то далеко на западъ въ Германію, то приближается на востокъ къ русскимъ предѣламъ и упирается на сѣверѣ около Данцига въ море Балтійское, а на югѣ около Тріеста въ море Адріатическое. Затѣмъ западную границу Средняго міра составляетъ Адріатическое и Іонійское море. Южная граница Средняго міра, подобно границѣ Россіи, есть также море, только не Черное, а Средиземное, и также собственная Азія (т. е. Азіатская Турція). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи этнологическомъ и историко-культурномъ нѣкоторыя части Малой Азіи и Сиріи скорѣе должны быть относимы къ міру Среднему, чѣмъ къ міру собственно азіатскому.

Дальнѣйшее раскрытіе понятія собственной Европы позволитъ намъ оправдать вѣрность принятаго нами дѣленія азійско-европейскаго материка и изъ сличенія трехъ его частей или міровъ между собою точнѣе опредѣлить характеристическія особенности каждаго изъ нихъ, въ географическомъ, этнологическомъ и историко-культурномъ отношеніяхъ.

Указанная западная граница Средняго міра совпадаетъ частью съ природными и частью съ политическими границами. Ботническій и Финскій заливы, Адріатическое и Іонійское моря суть вмѣстѣ и природныя, и политическія границы Россіи съ Норвегіею, Швеціею, и частью природныя и этнологическія границы славянской Австріи, Европейской Турціи и Греціи съ Нѣмечиной и съ Италіею. Сухопутная же граница, представляемая изломанною линіею, приблизительно между Тріестомъ и Данци-

гомъ, и изломанною же линіею русской-норвежско-шведской границы, на первый взглядъ не имѣетъ ничего общаго съ границами естественными, подобными водяной границѣ Ботническаго и Финскаго заливовъ, Адріатическаго и Іонійскаго морей. Но такъ оказывается лишь на бѣглый взглядъ. Разсматривая внимательно карту восточнаго полушарія, мы замѣтимъ, что громадныя пространства сплошныхъ равнинъ и низменностей, тянущіяся съ сѣверо-востока отъ береговъ Охотскаго и Японскаго морей на западъ, по мѣрѣ приближенія своего на сѣверѣ къ 40°, а на югѣ къ 30° восточной долготы меридіана Ферро, испытываютъ въ своемъ внѣшнемъ очертаніи чрезвычайно рѣзкое видоизмѣненіе. На сѣверѣ Балтійское море, съ своими заливами Ботническимъ и Финскимъ, а на югѣ Средиземное—съ своимъ заливомъ Венеціанскимъ или моремъ Адріатическимъ, производятъ два значительные вырѣза, отъ которыхъ у громаднаго туловища материка образуются какъ бы двѣ шеи, двѣ болѣе или менѣе съуженныя полосы земли. Одна простирается отъ сѣвера къ югу по чертѣ приблизительно между Торнео и Варяжскимъ заливомъ, другая также приблизительно между Данцигомъ и Тріестомъ. Эти двѣ полосы земли, какъ бы два перешейка, соединяютъ съ громаднымъ восточнымъ материкомъ два западныхъ его полуострова. Одинъ извѣстенъ подъ именемъ Скандинавскаго, другой не имѣетъ общаго названія, состоя изъ нѣсколькихъ независимыхъ странъ и самобытныхъ государствъ, большихъ и малыхъ:т. е. Германская имперія безъ ея восточныхъ земель съ преобладающимъ славянскимъ и литовскимъ населеніемъ, чисто нѣмецкія земли и отчасти итальянская: (южный Тироль), Австріи,—Данія, Нидерланды, Бельгія, Франція, Швейцарія, Италія, Испанія и Португалія. Въ общепринятомъ смыслѣ только Италія и Испанія съ Португаліею носятъ названія полуострововъ Аппенинскаго и Иберійскаго или Пиренейскаго. Но въ сущности Германія безъ славянскихъ земель Пруссіи и Саксоніи, часть Австріи (т. е. Австро-Венгерской монархіи безъ земель Венгерской или короны св. Стефана, или безъ Транслейтаніи), т. е. собственной Цислейтаніи, безъ ея славянскихъ земель: Чехіи, Моравіи, Силезіи, Галиціи, Буковины, Истріи и Далмаціи, затѣмъ Швейцарія, Франція, Бельгія, Голландія и Данія вмѣстѣ съ Аппенинскимъ и Пиренейскимъ полуостровами составляютъ строго говоря одинъ полуостровъ, омываемый съ трехъ сторонъ Балтійскимъ и Нѣмецкимъ моремъ, Атлантическимъ

океаномъ и Средиземнымъ моремъ съ его заливами Ліонскимъ, Генуэзскимъ и Венеціанскимъ. Четвертою своею стороною этотъ полуостровъ соединенъ съ великимъ материкомъ. Поперечникъ ея, который мы обозначаемъ линіею между Данцигомъ и Тріестомъ, или скорѣе устьемъ Сочи (Isonzo) и устьемъ Вислы, безспорно гораздо длиннѣе поперечника перешейковъ Иберійскаго (приблизительно линія между Біаррицемъ и Перпиньяномъ) и Аппенинскаго полуостровъ (приблизительно линія между Генуею и Венеціею), и еще несравненно длиннѣе многихъ другихъ извѣстныхъ перешейковъ, напр. Панамскаго, Коринѳскаго, Перекопскаго и пр. Но отъ этого такъ называемый, особенно на Британскомъ островѣ, западно-европейскій континентъ, въ вышеобозначенныхъ границахъ, не перестаетъ быть полуостровомъ. Балканскій или Иллирскій полуостровъ (съ Мореею), омываемый съ трехъ сторонъ Чернымъ и Средиземнымъ морями, съ его частными морями Адріатическимъ, Іонійскимъ, Эгейскимъ, Мраморнымъ и двумя проливами Дарданельскимъ и Константинопольскимъ, непосредственно примыкаетъ къ великому восточному материку четвертою своею стороною, поперечникъ которой можетъ быть приблизительно обозначенъ линіею между Тріестомъ и Галацомъ. Эта же линія по длинѣ своей почти равняется указанной ломанной линіи между Тріестомъ и Данцигомъ. Никто никогда не рѣшался отымать названіе полуострова ни отъ Балканскаго полуострова, ни отъ Индустана. У этого же послѣдняго поперечникъ четвертой его стороны, которою онъ непосредственно соприкасается съ материкомъ, заключается приблизительно между устьями Инда и Ганга и представляетъ линію все же длиннѣе хотя бы и ломанной линіи Тріесто-Данцигской. Величина этой западно-европейской площади, обнимающей слишкомъ 3 милліона кв. килм., и сожитіе на ней различныхъ національностей и государствъ еще менѣе можетъ мѣшать обозначенію ея именемъ полуострова. Если величина площади не мѣшаетъ, внѣшній видъ страны придаетъ ей главнѣйше характеръ острова или полуострова. Изъ того, что есть сотни тысячъ острововъ и островковъ гораздо менѣе значительныхъ по своей величинѣ, чѣмъ напр. островъ Мальта, еще никому не приходило въ голову отрицать умѣстность причисленія къ островамъ Великобританіи (Англіи съ Шотландіею), Мадагаскара, Суматры, Борнео, Ниппона, Новой

Гвинеи, Австраліи. Точно также и сопребываніе въ теченіе вѣковъ разнородныхъ племенъ и государствъ въ Испаніи, Италіи, на Иллирскомъ, Мало-Азійскомъ, Аравійскомъ полуостровахъ, въ обѣихъ Индіяхъ, въ южной Америкѣ никогда не мѣшали этимъ странамъ пользоваться именемъ полуострововъ. Такъ и всѣ западно-европейскія страны, которыя съ трехъ сторонъ омываются Балтійскимъ, Нѣмецкимъ морями, Атлантическимъ океаномъ, Средиземнымъ и Адріатическимъ морями, а четвертою стороною, между Данцигомъ и Тріестомъ, непосредственно соединены съ великимъ восточнымъ материкомъ, составляютъ собственно одинъ полуостровъ. При всей своей обширности онъ менѣе полуострововъ Аравіи, в. Индіи и Южной Америки. По аналогіи названій полуострововъ Скандинавскаго, Пиренейскаго или Иберійскаго и Аппенинскаго, онъ могъ бы называться по народностямъ, на немъ живущимъ, Нѣмецко-Романскимъ или, по главному своему горному хребту, Альпійскимъ [1]). Какъ полуострова Скандинавскій, Балканскій, Вос-

---

[1]) Dieses Hochgebirge (Alpengebirge) durchläuft zwar kaum ein Drittheil des continentalen Stammes von Europa, aber in solcher Höhe und Breite, dass es fähig ist dem ganzen mittleren Europa seinen Charakter zu geben und den ganzen Erdtheil nach seinen grossen klimatischen, ethnographischen und culturgeschichtlichen Verhältnissen zu scheiden, wenngleich auch hier diese Scheidung, der eigenthümlichen Natur dieses Gebirgsystems zufolge, keine absolut isolirende genannt werden kann, indem überall auch durch das System der Alpen grosse Stromthäler und Pässe hindurchführen und die höchsten Höhen innerhalb derselben nicht so auf einen Punkt zusammengedrängt sind, dass sie schroffe Gegensätze nahe bei einander hervorrufen und unübersteigliche Naturgrenzen bilden könnten. (Wappaeus, Handb. d. Geogr. u. Statist Leipzig. 1858. Europa. S. 14.)

Unser Welttheil verdankt seine günstige wag- und senkrechte Gliederung vornehmlich dem grossen Gebirgszug, welcher seinen südlichen und nördlichen Abhang scheidet, so dass man Europa als die Alpenhalbinsel des asiatischen Festlandes bezeichnen kann. (Peschel Osc. Neue Probleme d. vergleich. Erdkunde. Lpzg. 1870. S. 153.)

Europa ist unter die Welttheile gekommen wie Pilatus in das Gredo zu einer Zeit, wo die alte Erdkunde nichts kannte als die Grenzländer des Mittelmeerbeckens. Lässt man aber Europa aus Courtoisie als Welttheil noch fortbestehen.... (ibid. S. 167). Впервые, сколько извѣстно, былъ указанъ полуостровный характеръ Европы Хр. Фр. Краузе въ его сочиненіи: „Die Erde als Wohnort der Menschen“ въ 1811 г. См. Peschel Osc. Gesch. d. Erdk. S. 688. См. также Dorr, Rob. Ueber das Gestaltungsgesetz der Festlandsumrisse und die symmetrische Lage der grossen Landmassen. Liegnitz 1873.

точная Индія имѣютъ свои частные полуострова, напр. южная Норвегія и южная Швеція, Истрія, Морея, Малакка, такъ точно и нѣмецко-романскій или альпійскій полуостровъ имѣетъ свои полуострова—Ютландію, Испанію, Италію и проч.

Два полуострова, Скандинавскій и Нѣмецко-Романскій или Альпійскій, съ прилежащими къ нимъ большими и малыми островами на сѣверѣ и югѣ, при всемъ своемъ разнообразіи, представляютъ довольно однородное цѣлое, какъ бы особый міръ, существенно отличный отъ міра собственно азіатскаго и такъ нами названнаго міра Средняго. Этотъ особый міръ, по всей справедливости, можетъ носить одно общее названіе западной или вѣрнѣе собственной Европы или наконецъ романо-германскаго міра Стараго Свѣта.

Географическія, этнологическія, историко-культурныя и политическія особенности каждаго изъ этихъ трехъ міровъ азійско-европейскаго материка такъ рѣзки, опредѣленны и существенны, что могутъ быть изложены довольно сжато и наглядно. Площадь собственной Европы приблизительно занимаетъ 3 милл. кв. клм. и имѣетъ до 203 съ половиною милл. жителей. Въ ней рѣшительно преобладаетъ полуостровной характеръ. Она сама есть западный азіатскій полуостровъ, раздѣленный на два большихъ полуострова: Скандинавскій и Нѣмецко-Романскій или Альпійскій, раздѣленный въ свою очередь еще на нѣсколько другихъ мелкихъ полуостововъ и имѣющій при себѣ нѣсколько большихъ и малыхъ острововъ, прилегающихъ къ обоимъ этимъ большимъ полуостровамъ: Исландію, Ирландію, Англію съ Шотландіею, Корсику, Сардинію, Сицилію...

Благодаря океану и морямъ, омывающимъ эти два полуострова съ ихъ островами, и расположенію горныхъ хребтовъ, прорѣзающихъ ихъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ, климатъ и почва представляютъ вездѣ почти самыя благопріятныя условія для развитія высшей культуры. Въ крайнихъ частяхъ своихъ, какъ самыхъ сѣверныхъ и южныхъ, такъ самыхъ западныхъ и восточныхъ, собственная Европа съ древнѣйшихъ поръ соединена удобнѣйшими путями сообщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Европа такъ равномѣрно разнообразна, что довольно правильно можетъ быть раздѣлена на 6 почти равныхъ между собою и самостоятельныхъ частей: Великобританія (Англія съ Шотландіею и Ирландія), Франція, Испанія, Скандинавія (Швеція, Норвегія, Данія), Гер-

манія и Италія. Другія малыя страны и государства, какъ Бельгія, Голландія, Швейцарія, Португалія лишены, собственно говоря, географической, этнологической и историко-культурной самобытности и, подобно большимъ и малымъ европейскимъ островамъ, Сициліи, Корсикѣ, Сардиніи, примыкаютъ къ которой нибудь изъ этихъ большихъ 6 частей: такъ Бельгія и Голландія съ Люксамбургомъ къ Франціи и Германіи, Португалія къ Испаніи, Швейцарія къ Франціи, Италіи и Германіи. Въ соотвѣтствіе такому объединяющему общенію и равномѣрному разнообразію частей Европы въ отношеніи географическомъ, образовались, сложились въ ней и этнологическія и историко-культурныя особенности. За выключеніемъ остатковъ древнѣйшихъ обитателей Европы, басковъ во Франціи и Испаніи и лопарей въ Скандинавіи, нѣсколькихъ тысячъ цыганъ и нѣсколькихъ сотъ тысячъ евреевъ, разсѣянныхъ въ разныхъ краяхъ Европы, нѣсколькихъ десятковъ тысячъ вмѣстѣ взятыхъ грековъ, албанцевъ, хорватовъ (въ Сициліи и южной Италіи), славянъ и литовцевъ въ восточныхъ ея окраинахъ, въ меньшинствѣ живущихъ въ ея предѣлахъ, на границахъ Средняго міра, многочисленное населеніе собственной Европы (203 милл. ж.) заключается въ 8 милл. чистыхъ кельтовъ и друг., въ 95 милл. романцевъ, въ части которыхъ преобладаетъ кельтская же кровь,—въ 100 милл. германцевъ, на западѣ и югѣ значительно смѣшанныхъ съ кельтами, а на востокѣ, сѣверѣ и югѣ съ финнами, литовцами и особенно славянами. Со Славянами не мало смѣшалась и часть романцевъ, именно итальянцы западно-адріатическаго прибрежья, вслѣдствіе довольно значительныхъ и частыхъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, переселеній славянъ изъ Истріи и Далмаціи на побережье восточной Италіи, отъ Марки Анконской до королевства Неаполитанскаго и Сициліи (отъ Анконы до Бриндизи и Палермо). Вообще населеніе нынѣшней Европы мало разнообразное, съ рѣшительнѣйшимъ господствомъ двухъ племенныхъ элементовъ—романскаго и германскаго. Въ Европѣ нѣтъ вовсе земель романскихъ безо всякаго смѣшенія съ германскимъ элементомъ (румыны въ своемъ королевствѣ, въ Буковинѣ, въ Венгріи, Сербіи и Болгаріи, и валахи въ Македоніи и Θессаліи относятся къ такъ названному Среднему міру), а чисто германскія земли, безо всякаго смѣшенія съ элементомъ кельтскимъ или романскимъ находятся только на полуостровѣ Скандинавскомъ и въ нѣкоторыхъ

сѣверныхъ и восточныхъ, прежнихъ славянскихъ и литовскихъ, частяхъ полуострова нѣмецко-романскаго. Но съ принятіемъ христіанства и съ церковнымъ подчиненіемъ Риму въ средніе вѣка, и позже съ развитіемъ романскихъ культуръ, особенно французской литературы, эти чисто германскія и сѣверновосточныя нѣмецкія земли неоднократно и по долгу подчинялись сильному вліянію элементовъ романскихъ (въ средніе вѣка и въ XVII—XVIII стол.).

Эти два элемента, романскій и германскій, не настолько однако же смѣшались, чтобы совершенно слиться въ однородное цѣлое, и не настолько уже разобщены, чтобы не могли сходиться во множествѣ общихъ интересовъ и даже по частямъ стремиться къ союзамъ и внѣшнимъ соединеніямъ. Попытки къ объединенію Европы и въ средніе вѣка, и въ новое время то попеременно, то единовременно возникали изъ среды романской и изъ среды германской (папы Николай I, Григорій VII, Александръ III, Иннокентій III и IV, Бонифацій VIII или Карлъ В., Оттоны I, II и III, Фридрихи I и II, Филиппъ Августъ, Францискъ I, Карлъ V, Филиппы II и III, Густафъ Адольфъ, Лудовикъ XIV, Наполеонъ I, Питтъ). Каждый изъ этихъ объединителей германскихъ много находилъ себѣ друзей и союзниковъ въ земляхъ романскихъ, а враговъ и противниковъ въ германскихъ. Точно также и каждый романскій поборникъ и проводникъ начала единства встрѣчалъ много союзниковъ и друзей между германцами, а враговъ и противниковъ между романцами.

Во всѣ періоды европейской исторіи, отъ начала среднихъ вѣковъ до новѣйшаго времени, безостановочно развивается антагонизмъ двухъ главныхъ элементовъ Европы, романскаго и германскаго, и двухъ представляемыхъ ими противныхъ началъ. Отъ этого дуализма никогда почти совершенно не освобождается политическая и культурная жизнь Европы, но при этомъ постоянно замѣчается подъ знаменемъ романскимъ множество германцевъ, и подъ противнымъ ему знаменемъ германскимъ такое же множество романцевъ. Григорій VII, Александръ III, Иннокентій III и IV, Бонифацій VIII и пр. находятъ себѣ множество друзей и союзниковъ въ Германіи, а Генрихъ IV, Фридрихи I и II въ Италіи; точно также въ новѣйшее время Ришелье, Мазарини, Лудовикъ XIV, Наполеонъ I находятъ себѣ союзниковъ, друзей и почитателей у нѣмцевъ, шведовъ, англичанъ, какъ Англія

Питта находитъ себѣ друзей въ Испаніи и Италіи, какъ находили ихъ себѣ Пій IX въ Германіи, а кн. Бисмаркъ въ Италіи и Испаніи. Этотъ нескончаемый дуализмъ объясняетъ невозможность объединенія Европы. Съ одной стороны тѣсное, но не одинаковое взаимное проникновеніе романскихъ и германскихъ стихій, съ другой — приблизительная равномѣрность вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга частей. Отъ того, что почти нѣтъ страны чисто романской или германской, безо всякой рѣшительно взаимной примѣси, не можетъ въ Европѣ ни воздвигаться никакое знамя, ни возникать никакое начало, которое для части романцевъ или германцевъ не было бы довольно близкимъ, болѣе или менѣе родственнымъ и сочувственнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вообще ни различны между собою германцы и романцы, какъ ни ближе и ни родственнѣе другъ къ другу по языкамъ, поличьямъ, обычаямъ, нравамъ романскія народности: французы, испанцы, итальянцы, или народности германскія: англичане, скандинавы, нѣмцы, между собою, однако, вслѣдствіе особенностей географическаго очертанія и положенія занимаемыхъ ими странъ, историческія обстоятельства сложились у каждой изъ этихъ германскихъ или романскихъ національностей такимъ образомъ, что если и не всѣ онѣ въ данное время одинаково равносильны, за то всѣ стремятся гораздо болѣе къ обособленію, чѣмъ къ сліянію, и въ природныхъ условіяхъ своихъ странъ находятъ больше поддержекъ для партикуляризма, чѣмъ для единства. Если къ объединенію трехъ романскихъ національностей или трехъ германскихъ національностей существуютъ непреодолимыя препятствія, то еще труднѣе ожидать наклонности къ объединенію обѣихъ половинъ Европы, романской и германской. Поэтому при всякой попыткѣ къ объединенію, возникавшей у романцевъ, всегда являются ихъ союзниками тѣ изъ германцевъ и противниками тѣ изъ романцевъ, которые не довольны уже достигнутою, извѣстною игемоніею внутри ихъ племени. Точно также и наоборотъ. Не желая игемоніи французовъ, испанцы и итальянцы соединяются съ Германіею, Англіею, и, не терпя игемоніи англичанъ или нѣмцевъ, шведы, датчане, голландцы ищутъ помощи у французовъ.

Эта несоединимость Европы въ одну политическую національность и подъ однимъ государственнымъ знаменемъ раскрывается изо всей тысячелѣтней ея исторіи съ Карла Великаго до Напо-

леона I, одинаково богатой попытками къ объединенію и примѣрами коалицій для сохраненія равновѣсія. Эта государственная несоединимость Европы не находитъ себѣ никакого объясненія въ томъ ученіи, что отнынѣ уже невозможны *универсальныя* державы, будь то монархія или республика. Собственно говоря универсальныхъ т. е. вселенскихъ державъ никогда и не бывало. Да и странно бы было объединенную Европу (буде оно когда нибудь состоится) отожествлять со вселенною: и весь то романо-германскій міръ Стараго и Новаго Свѣта вмѣстѣ взятый составляетъ далеко не бо́льшую часть человѣчества. Эта несоединимость Европы не объяснима и тѣмъ афоризмомъ, что будто государственное единство невозможно на такой обширной территоріи и съ такимъ многочисленнымъ населеніемъ. Примѣръ Римской имперіи Августа, просуществовавшей болѣе 400 лѣтъ, слишкомъ 1000-лѣтней жизни Китайской имперіи, и слишкомъ столѣтняго процвѣтанія имперіи Великобританской и Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки положительно устраняютъ подобное объясненіе. Только въ расчлененности Европы на шесть почти равномѣрныхъ и самостоятельныхъ другъ отъ друга частей и въ господствующемъ въ ея населеніи дуализмѣ заключается истинная разгадка этой политической несоединимости Европы. Долѣе держалось, и то отчасти, и болѣе идеально, чѣмъ въ дѣйствительности, культурное ея единство. Оно охранялось всеобщимъ господствомъ римскаго католицизма и обязательнымъ знакомствомъ образованной части населенія всѣхъ ея странъ съ языкомъ латинскимъ. Но съ развитіемъ отечественныхъ языковъ и литературъ, съ возстановленіемъ наукъ и особенно съ реформаціею, и этому культурному объединенію Европы былъ нанесенъ смертельный ударъ. Пять языковъ Европы пользуются затѣмъ всеобщею извѣстностію и міровымъ значеніемъ: языки испанскій, итальянскій, особенно же французскій, нѣмецкій и англійскій. Богатые своимъ стариннымъ литературнымъ развитіемъ и прежнимъ важнымъ значеніемъ въ европейской дипломатіи и въ свѣтскомъ общежитіи, языки итальянскій и испанскій много утратили прежней своей культурной и политической цѣнности. Все таки впрочемъ благодаря прежней своей славной исторіи, близкому сродству своему съ двумя міровыми языками—латинскимъ и французскимъ и наконецъ современной распространенности испанскаго въ Новомъ Свѣтѣ, итальянскаго

въ Истріи, Далмаціи, Іоническихъ островахъ и во всѣхъ важнѣйшихъ приморскихъ городахъ европейской и азіатской Турціи, южной Россіи, Египта, оба эти романскихъ языка должны быть признаваемы языками великой важности. Они скорѣе заслуживаютъ занимать мѣсто на ряду съ европейскими, несомнѣнно первостепенными, языками, какъ французскій, нѣмецкій и особенно англійскій, чѣмъ стоять рядомъ съ такими незначительными европейскими языками, не пользующимися большою извѣстностью внѣ своихъ родинъ, каковы языки: датскій, шведскій, голландскій, португальскій, хотя послѣдніе два, особенно португальскій, распространены въ обширныхъ колоніяхъ своихъ родинъ. Три названныхъ міровыхъ языка имѣютъ безспорно одинакіе виды на блестящее будущее, культурное и политическое, что касается Европы, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что когда либо одинъ или двое изъ нихъ будутъ въ ней стѣснены третьимъ. Но эти отношенія совершенно измѣняются, если примемъ во вниманіе европейскія колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Тутъ мы замѣчаемъ, что безъ какого нибудь особенно сильнаго переворота политическаго, напр. безъ новыхъ завоеваній Германіи на востокѣ, или безъ какихъ нибудь особенныхъ внутреннихъ перемѣнъ во Франціи, имѣющихъ возродить и усилить ея семейный бытъ, ни нѣмецкій, ни французскій языкъ не имѣетъ почти никакихъ видовъ, или очень проблематическіе на дальнѣйшее распространеніе въ Европѣ, кромѣ Германіи и Франціи, или нѣмецкій въ Сѣв. Америкѣ и въ Африкѣ, или французскій въ Африкѣ, и тѣмъ болѣе на сколько нибудь равносильное будущее съ англійскимъ, и даже пожалуй съ испанскимъ, столь распространеннымъ въ Новомъ Свѣтѣ. Изъ трехъ этихъ языковъ, и въ настоящее уже время, англійскимъ языкомъ говоритъ наибольшее число людей, болѣе 100 милл. человѣкъ, если не гораздо болѣе. Онъ распространенъ на самыхъ обширныхъ пространствахъ и во всѣхъ углахъ міра. Съ развитіемъ образованія у туземцевъ Индіи и другихъ Британскихъ колоній, они все болѣе будутъ преуспѣвать въ изученіи англійскаго языка. По неимѣнію у нѣмцевъ настоящихъ, удобныхъ для переселеній, колоній, или по новости и непрочности ихъ колоній,—еще одному Богу извѣстно, не достанутся ли онѣ рано или поздно англичанамъ,—по недостатку колонизаторскихъ способностей у современныхъ по крайности французовъ, по неуспѣшности

всѣхъ прежнихъ долговременныхъ ихъ попытокъ въ Алжирѣ, ни нѣмцы, ни французы не могутъ расчитывать на независимое господство и широкое самобытное развитіе своихъ языковъ и народностей въ другихъ частяхъ свѣта, кромѣ собственной Европы. Есть не мало французскихъ, еще несравненно болѣе нѣмецкихъ поселенцевъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, но тамъ по большей части французская и почти вездѣ нѣмецкая рѣчь и народность занимаютъ подчиненное или второстепенное мѣсто. Какъ подданный британской короны, какъ гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, или Американо-Испанскихъ республикъ и пр. французъ, нѣмецъ употребляетъ свой отечественный языкъ у себя дома, въ общинѣ, въ первоначальныхъ школахъ; но онъ обязанъ учиться языку англійскому, испанскому, при занятіяхъ большою промышленностью, или дѣлами торговыми, для участія въ политической жизни своей родины, для полученія наконецъ высшаго образованія, которое сверхъ общихъ условій имѣетъ въ каждой странѣ и свои мѣстныя требованія. Такъ самый высоко-образованный нѣмецъ, проживтій въ Россіи 15—20 лѣтъ и не выучившійся ни устной, ни письменной русской рѣчи, само собою понижается умственно, отстаетъ въ своемъ развитіи, ибо лишается возможности самостоятельно судить объ окружающей его жизни и разумно на нее воздѣйствовать.

Такимъ образомъ за исключеніемъ испанцевъ и особенно англо-саксовъ Великобританской имперіи и Сѣверо-Американской республики, ни одна изъ собственно-европейскихъ рѣчей и народностей не имѣетъ видовъ на неопредѣленное, почти безконечное будущее. Между всѣми народностями романо-германскими Стараго и Новаго Свѣта одни англо-саксы, будь они граждане королевства или республиканцы, и отчасти еще развѣ испанцы (пока южная Америка не перешла во власть англо-саксовъ, чего со временемъ нельзя не ожидать) могутъ спокойно взирать на будущее своей народности и не бояться, что со временемъ, съ размноженіемъ населенія, его внукамъ и правнукамъ придется забывать свою рѣчь и мѣнять свою національность. Англо-саксу незнакомо охватывающее французовъ и нѣмцевъ чувство племенной тоски отъ вѣрной мысли, что имъ скоро надо или остановиться въ ростѣ, или излишки своего населенія употреблять на усиленіе чужихъ національностей. Англо-саксъ напротивъ вѣрно расчитываетъ, что недалеко то время, когда англійскимъ

языкомъ будетъ говорить 200 милл. и болѣе людей, что на обширныхъ территоріяхъ Африки, Америки и Австраліи, занятыхъ англо-саксами и способныхъ пропитать не одну сотню милліоновъ народа, грядущія поколѣнія будутъ говорить и писать языкомъ Шекспира, Байрона, Франклина и Купера. Не трудно понять, какъ должны измѣниться тогда отношенія французской и нѣмецкой литературы и образованности къ англо-саксонской. Ограниченные своими европейскими и нынѣ уже довольно тѣсными территоріями, французскій и нѣмецкій языки явятся тогда языками второстепенными, сравнительно съ англійскимъ. Теперь уже возможно мысленно предвидѣть время, когда колоніальный міръ, основанный одною изъ главныхъ національностей собственной Европы и уже начавшій вбирать въ себя лишніе соки всѣхъ прочихъ ея національностей, разростется постепенно въ такой громадный, могучій, политическій и культурный, организмъ, передъ которымъ вся собственная Европа явится наконецъ такою же величиною, какою теперь представляется Швеція или Португалія относительно Германіи или Франціи или какими явились нѣкогда греческія государства: Аѳины, Спарта, Коринѳъ, Віотія передъ выросшимъ обокъ съ ними Римомъ. Нынѣшняя Европа собственно не умалится, но англо-саксонская національность такъ выростетъ, что центръ романо-германскаго міра перенесется изъ Европы въ другія части свѣта, особенно въ Америку и Австралію съ Полинезіею [1]). Нерѣдко ссылаются на силу и могущество маленькой

---

[1]) Карлейль превосходно замѣтилъ по поводу значенія Шекспира въ будущемъ англо-саксовъ: «Англичане, населяющіе нынѣ этотъ островъ, собственно Англію, въ непродолжительномъ времени будутъ представлять лишь незначительную часть всѣхъ Англичанъ: скоро настанетъ время, когда во всѣ стороны въ Америкѣ, въ Новой Голландіи, на востокъ и западъ, до самыхъ антиподовъ будетъ простираться владычество саксовъ: оно захватитъ громадныя пространства земного шара» (Герои и Геройческое въ исторіи. СПБ. 1891 г. с. 159).

Prevost-Paradol. La France nouvelle. Paris. 1868 (2-me édit.):

„Lorsque le chef actuel de notre pays a dit que le rang d'une nation se mésure au nombre d'hommes qu'elle peut mettre sous les armes, il a donné seulement une forme trop absolue à une idée juste; car il faut tenir compte de la qualité relative des hommes aussi bien que de leur nombre. Xerxès, par exemple, a mis sous les armes infiniment plus d'hommes que la Grèce, et pourtant la grande âme de la Grèce l'a vaincu. Mais, lorsqu'il s'agit de nations également civilisées et de citoyens courageux, également soutenus par le sentiment de l'honneur, cette maxime devient rigoureusement vraie, et c'est à la nation la plus nombreuse qu'appartient

всѣхъ прежнихъ долговременныхъ ихъ попытокъ въ Алжирѣ, ни нѣмцы, ни французы не могутъ расчитывать на независимое госпо[illegible]ство и широкое самобытное развитіе своихъ языковъ и народност[illegible] въ другихъ частяхъ свѣта, кромѣ собственной Европы. Есть не [illegible] французскихъ, еще несравненно болѣе нѣмецкихъ поселенцев[illegible] Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, но тамъ по большей [illegible]сти французская и почти вездѣ нѣмецкая рѣчь и народность з[illegible]мают подчиненное или второстепенное мѣсто. Какъ подда[illegible] британской короны, какъ гражданинъ Сѣверо-Американс[illegible] Штатовъ, или Американо-Испанскихъ республикъ и пр. [illegible]цузъ, нѣмецъ употребляетъ свой отечественный языкъ [illegible] дома, въ общинѣ, въ первоначальныхъ школахъ: но онъ об[illegible] учиться языку англійскому, испанскому, при занятіяхъ бо[illegible] промышленностью, или дѣлами торговыми, для участія въ [illegible]тической жизни своей родины, для полученія наконецъ в[illegible] образованія, которое сверхъ общихъ условій имѣетъ въ [illegible] странѣ и свои мѣстныя требованія. Такъ самый высоко[illegible]ванный нѣмецъ, прожившій въ Россіи 15—20 лѣтъ и [illegible] усвоившійся ни устной, ни письменной русской рѣчи, само[illegible] понижается умственно, отстаетъ въ своемъ развитіи, ибо [illegible]шается возможности самостоятельно судить объ окружающ[illegible] его жизни и разумно на нее воздѣйствовать.

Такимъ образомъ за исключеніемъ испанцевъ и [illegible] англо-саксовъ Великобританской имперіи и Сѣв[illegible] Американской республики, ни одна изъ собственно-европейских [illegible] рѣчей и народностей не имѣетъ [illegible] на [illegible] [illegible] будущее. Между всѣми народностями [illegible] [illegible] Стараго и Новаго Свѣта [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

мъ будетъ говорить 200 милл. и болѣе людей, что на обширтеріяхъ Африки, Америки и Австраліи, занятыхъ англоми и способныхъ пропитать не одну сотню милліоновъ а, грядущія поколѣнія будутъ говорить и писать языкомъ шира, Байрона, Франклина и Купера. Не трудно понять, должны измѣниться тогда отношенія французской и нѣй литературы и образованности къ англо-саксонской. Ограные своими европейскими и нынѣ уже довольно тѣсными ріями, французскій и нѣмецкій языки явятся тогда языками тепенными, сравнительно съ англійскимъ. Теперь уже но мысленно предвидѣть время, когда колоніальный міръ, нный одною изъ главныхъ національностей собственной ы и уже начавшій вбирать въ себя лишніе соки всѣхъ прочихъ ональностей, разростется постепенно въ такой громадный, й, политическій и культурный, организмъ, передъ которымъ бственная Европа явится наконецъ такою же величиною, теперь представляется Швеція или Португалія относительно ніи или Франціи или какими явились нѣкогда греческія рства: Аѳины, Спарта, Коринѳъ, Віотія передъ выросшимъ съ ними Римомъ. Нынѣшняя Европа собственно не гся, но англо-саксонская національность такъ выростетъ, нтръ романо-германскаго міра перенесется изъ Европы въ части свѣта, особенно въ Америку и Австралію съ Поли- [1]). Нерѣдко ссылаются на силу и могущество маленькой

Карлейль превосходно замѣтилъ по поводу значенія Шекспира въ бу- англо-саксовъ: «Англичане, населяющіе нынѣ этотъ островъ, собственно , въ непродолжительномъ времени будутъ представлять лишь незначи- часть всѣхъ Англичанъ: скоро настанетъ время, когда во всѣ сто- Америкѣ, въ Новой Голландіи, на востокъ и западъ, до самыхъ анти- будетъ простираться владычество саксовъ: оно захватитъ громадныя ства земного шара» (Герои и Геройческое въ исторіи. СПБ. 1891 г.

vost-Paradol. La France nouvelle. Paris. 1868 (2-me édit.):
rsque le chef actuel de notre pays a dit que le rang d'une nation se mé- nombre d'hommes qu'elle peut mettre sous les armes, il a donné seulement ne trop absolue à une idée juste; car il faut tenir compte de la qualité des hommes aussi bien que de leur nombre. Xerxès, par exemple, a mis sous es infiniment plus d'hommes que la Grèce, et pourtant la grande âme de l'a vaincu. Mais, lorsqu'il s'agit de nations également civilisées et de ci- ourageux, également soutenus par le sentiment de l'honneur, cette maxime rigoureusement vraie, et c'est à la nation la plus nombreuse qu'appartient

всѣхъ прежнихъ долговременныхъ ихъ попытокъ въ Алжирѣ, ни нѣмцы, ни французы не могутъ расчитывать на независимое господство и широкое самобытное развитіе своихъ языковъ и народностей въ другихъ частяхъ свѣта, кромѣ собственной Европы. Есть не мало французскихъ, еще несравненно болѣе нѣмецкихъ поселенцевъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, но тамъ по большей части французская и почти вездѣ нѣмецкая рѣчь и народность занимаютъ подчиненное или второстепенное мѣсто. Какъ подданный британской короны, какъ гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, или Американо-Испанскихъ республикъ и пр. французъ, нѣмецъ употребляетъ свой отечественный языкъ у себя дома, въ общинѣ, въ первоначальныхъ школахъ; но онъ обязанъ учиться языку англійскому, испанскому, при занятіяхъ большою промышленностью, или дѣлами торговыми, для участія въ политической жизни своей родины, для полученія наконецъ высшаго образованія, которое сверхъ общихъ условій имѣетъ въ каждой странѣ и свои мѣстныя требованія. Такъ самый высоко-образованный нѣмецъ, проживтій въ Россіи 15—20 лѣтъ и не выучившійся ни устной, ни письменной русской рѣчи, само собою понижается умственно, отстаетъ въ своемъ развитіи, ибо лишается возможности самостоятельно судить объ окружающей его жизни и разумно на нее воздѣйствовать.

Такимъ образомъ за исключеніемъ испанцевъ и особенно англо-саксовъ Великобританской имперіи и Сѣверо-Американской республики, ни одна изъ собственно-европейскихъ рѣчей и народностей не имѣетъ видовъ на неопредѣленное, почти безконечное будущее. Между всѣми народностями романо-германскими Стараго и Новаго Свѣта одни англо-саксы, будь они граждане королевства или республиканцы, и отчасти еще развѣ испанцы (пока южная Америка не перешла во власть англо-саксовъ, чего со временемъ нельзя не ожидать) могутъ спокойно взирать на будущее своей народности и не бояться, что со временемъ, съ размноженіемъ населенія, его внукамъ и правнукамъ придется забывать свою рѣчь и мѣнять свою національность. Англо-саксу незнакомо охватывающее французовъ и нѣмцевъ чувство племенной тоски отъ вѣрной мысли, что имъ скоро надо или остановиться въ ростѣ, или излишки своего населенія употреблять на усиленіе чужихъ національностей. Англо-саксъ напротивъ вѣрно расчитываетъ, что недалеко то время, когда англійскимъ

языкомъ будетъ говорить 200 милл. и болѣе людей, что на обширныхъ территоріяхъ Африки, Америки и Австраліи, занятыхъ англо-саксами и способныхъ пропитать не одну сотню милліоновъ народа, грядущія поколѣнія будутъ говорить и писать языкомъ Шекспира, Байрона, Франклина и Купера. Не трудно понять, какъ должны измѣниться тогда отношенія французской и нѣмецкой литературы и образованности къ англо-саксонской. Ограниченные своими европейскими и нынѣ уже довольно тѣсными территоріями, французскій и нѣмецкій языки явятся тогда языками второстепенными, сравнительно съ англійскимъ. Теперь уже возможно мысленно предвидѣть время, когда колоніальный міръ, основанный одною изъ главныхъ національностей собственной Европы и уже начавшій вбирать въ себя лишніе соки всѣхъ прочихъ ея національностей, разростется постепенно въ такой громадный, могучій, политическій и культурный, организмъ, передъ которымъ вся собственная Европа явится наконецъ такою же величиною, какою теперь представляется Швеція или Португалія относительно Германіи или Франціи или какими явились нѣкогда греческія государства: Аѳины, Спарта, Коринѳъ, Віотія передъ выросшимъ обокъ съ ними Римомъ. Нынѣшняя Европа собственно не умалится, но англо-саксонская національность такъ выростетъ, что центръ романо-германскаго міра перенесется изъ Европы въ другія части свѣта, особенно въ Америку и Австралію съ Полинезіею [1]). Нерѣдко ссылаются на силу и могущество маленькой

---

[1]) Карлейль превосходно замѣтилъ по поводу значенія Шекспира въ будущемъ англо-саксовъ: «Англичане, населяющіе нынѣ этотъ островъ, собственно Англію, въ непродолжительномъ времени будутъ представлять лишь незначительную часть всѣхъ Англичанъ: скоро настанетъ время, когда во всѣ стороны въ Америкѣ, въ Новой Голландіи, на востокъ и западъ, до самыхъ антиподовъ будетъ простираться владычество саксовъ: оно захватитъ громадныя пространства земного шара» (Герои и Геройческое въ исторіи. СПБ. 1891 г. с. 179).

Prevost-Paradol. La France nouvelle. Paris. 1868 (2-me édit.):

„Lorsque le chef actuel de notre pays a dit que le rang d'une nation se mesure au nombre d'hommes qu'elle peut mettre sous les armes, il a donné seulement une forme trop absolue à une idée juste; car il faut tenir compte de la qualité relative des hommes aussi bien que de leur nombre. Xerxès, par exemple, a mis sous les armes infiniment plus d'hommes que la Grèce, et pourtant la grande âme de la Grèce l'a vaincu. Mais, lorsqu'il s'agit de nations également civilisées et de citoyens courageux, également soutenus par le sentiment de l'honneur, cette maxime devient rigoureusement vraie, et c'est à la nation la plus nombreuse qu'appartient

сравнительно Европы для доказательства, что величина площади и численность населенія страны не имѣютъ важнаго значенія для успѣховъ внѣшней политики и тѣмъ болѣе образованности. Приводятъ для сего въ примѣръ и маленькую Элладу и старую Венецію и Голландію. Но надо помнить, что внѣшняя сила и внѣшній ростъ любой національности есть всегда вѣрный указатель внутреннихъ силъ и здоровья ея, что въ лучшіе періоды процвѣтанія ни эллины, ни венеціанцы, ни голландцы (отчасти даже теперь съ ихъ азіатскими колоніями) не были въ свое время слабыми и малочисленными національностями и обладали относительно весьма обширными территоріями. И современный романо-германскій міръ, самый развитой и образованный отдѣлъ человѣчества, обладаетъ, въ лицѣ англосаксовъ по преимуществу, громаднѣйшею территоріею. Притомъ же величина страны и количество жителей ея могутъ не итти

---

inévitablement l'ascendant militaire et politique avec tous les avantages matériels et moraux qui en découlent. Il faut donc considérer comme absolument chimérique tout projet et toute espérance de conserver à la France son rang relatif dans le monde, si ces espérances, ces projets, ne prennent pas pour point de départ cette maxime: le nombre des Français doit s'augmenter assez rapidement pour maintenir un certain équilibre entre notre puissance et celle des autres grandes nations de la terre.

Or, quarante millions de Français, concentrés sur notre territoire, ne sont guère suffisants pour faire équilibre aux cinquante et un millions d'Allemands que la Prusse réunira peut-être sur notre frontière, et à la population croissante de la Russie dans un avenir un peu plus éloigné; mais combien ce chiffre de quarante millions devient insignifiant, si nous faisons le compte des individus de langue anglaise qui couvriront le globe, quand les Etats-Unis auront atteint leur complet développement, et quand les Etats Anglo-Saxons de l'Océanie seront en pleine prospérité» (p. 412—4).

Неизвѣстный мнѣ авторъ (Varia. Paris. 1861. p. 111) въ ст. своей—L'avenir des nations européennes—говоритъ: «Dans quelques siècles des centaines de millions d'hommes, parlant les langues portugaise et espagnole, seront répandues dans des contrées trente fois grandes comme la France; deux ou trois cent millions de Russes peupleront la neuvième partie du globe; trois ou quatre cent millions d'Anglo-Saxons rempliront des contrées trente cinq fois grandes comme la France; et nous Français, la race la plus nombreuse de l'Europe au XVII siècle, qui possédions il y a un siècle à peine les immenses vallées du Saint-Laurent et du Mississippi, où grandissent des populations qui seront un jour plus nombreuses que toutes celles de l'Europe actuelle, nous compterons peut-être cinquante à soixante millions d'hommes sur notre part de la petite Europe et du nord de l'Afrique».

въ соображеніе, какъ важные элементы цивилизаціи, только въ тѣхъ случаяхъ, если къ сравненію привлекаются національности совершенно разнородныхъ расъ и культуръ. При сравненіи же англо-саксовъ съ французами и нѣмцами, величина площади и количество наличнаго и идеальнаго т. е. будущаго населенія имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ, не отвергая нѣкоторыхъ нравственныхъ и умственныхъ преимуществъ французовъ и нѣмцевъ передъ британцами и англо-американцами, нельзя же отрицать, что въ общемъ итогѣ послѣдніе нисколько не уступятъ первымъ въ способности къ высшей цивилизаціи. Французская и нѣмецкая рѣчи и народности лишены у себя дома почти всякихъ источниковъ обновленія, за тѣснотою своей территоріи и относительною густотою населенія. За неимѣніемъ же настоящихъ колоній для сбыта излишка своего населенія и для прочнаго его тамъ размноженія и процвѣтанія онѣ не могутъ успѣшно распространяться и множиться. Между тѣмъ англо-саксонская рѣчь и національность, располагая громаднымъ пространствомъ пустопорожнихъ земель, можетъ и будетъ неудержимо распространяться и множиться до размѣровъ едва нынѣ предвидимыхъ, постоянно обновляясь и освѣжаясь до безконечнаго почти разнообразія самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что въ будущемъ англійская литература и образованность, разработываемая несравненно бо́льшимъ количествомъ умовъ, въ самыхъ разнообразныхъ странахъ и на громаднѣйшихъ пространствахъ, чѣмъ литература и образованность французская и нѣмецкая, имѣетъ превзойти ихъ не только количествомъ, но и качествомъ произведеній и будетъ отличаться наибольшимъ разнообразіемъ, свѣжестью и сочностью содержанія, широтою и самобытностью воззрѣній, большею чуткостью къ потребностямъ человѣчества, большею универсальностью идей и стремленій. Такимъ образомъ есть полная вѣроятность заключать, что Европа не можетъ на вѣки, говоря относительно даже едва ли на долго, сохранить свое первостепенное значеніе въ міровой политикѣ и образованности. Вслѣдствіе неудержимаго размноженія англо-саксовъ въ Новомъ Свѣтѣ, отъ естественнаго прироста и отъ переселеній изъ Европы, всѣ прочія романскія и германскія національности и языки Стараго Свѣта принуждены будутъ ранѣе или позже снизойти до роли второстепенныхъ дѣятелей

въ мірѣ романо-германскомъ. Въ Новомъ Свѣтѣ онъ нашелъ себѣ обширнѣйшее поприще дѣятельности и успѣлъ уже вылиться въ такія этнологическія и историко-культурныя формы, что въ немъ рѣзко выступаютъ только двѣ главныя его національности: англо-саксонская и испанская съ португальскою. Но англо-саксонская рѣшительно преобладаетъ и господствуетъ. Она собственно одна и пользуется въ высшей степени благопріятными, политическими и культурными, условіями. Рано или поздно она дастъ почувствовать свою силу и вліяніе и въ Южной Америкѣ и начнетъ въ ней тѣснить и ограничивать элементы испанскій и португальскій. Въ англо-саксонской расѣ преимущественно, если даже не единственно, заключается такимъ образомъ все главнѣйшее будущее романо-германской цивилизаціи. Если англо-саксонскій міръ внѣ Европы есть по всей справедливости міръ полный безграничныхъ надеждъ и чаяній, міръ юности и громаднаго будущаго, то романо-германскій міръ Стараго Свѣта есть міръ по преимуществу настоящаго, міръ зрѣлаго мужества, что̀ съ удовольствіемъ созерцаетъ свое славное прошлое и наслаждается наличнымъ могуществомъ, но по временамъ уже оглядывается, не безъ страха и зависти, на подростающихъ юныхъ соперниковъ, и на нѣкоторыхъ частяхъ своего организма, нѣкогда сильныхъ и цвѣтущихъ, самъ видимо начинаетъ замѣчать признаки подходящей старости, постоянную хворь, нерѣдкое отупѣніе и безсиліе.

Міръ по преимуществу увядшаго и необновимаго прошлаго, міръ дряхлаго старчества, наслѣдіе котораго уже переходитъ въ постороннія руки, собственная Азія граничитъ на востокѣ, югѣ и отчасти западѣ съ внутренними морями Тихаго и Индѣйскаго океановъ, Краснымъ моремъ, въ Суэцкомъ перешейкѣ съ Африкою, а на сѣверѣ и также западѣ во всю длину материка съ такъ названнымъ нами Среднимъ міромъ, почти исключительно съ его главною представительницею—Россіею. Площадь собственной Азіи вмѣстѣ съ прилежащими къ ней островами занимаетъ приблизительно 27 милліоновъ квадратныхъ километровъ и имѣетъ жителей около 800 милл. д. Полуостровной характеръ въ ней не господствуетъ, какъ въ собственной Европѣ, но все же представленъ очень сильно. При множествѣ большихъ и малыхъ острововъ, принадлежащихъ Азіи, и при длинныхъ морскихъ берегахъ, отношеніе береговой линіи къ поперечнику внутрен-

ихъ странъ получается въ собственной Азіи все-жь таки выгодное, хотя и не въ такой степени, какъ въ собственной Европѣ, ибо не малая часть морскихъ береговъ Азіи отличается скудостью удобныхъ портовъ и морскихъ стоянокъ. Это замѣчается въ собственной Европѣ едва ли не на одномъ восточномъ итальянскомъ прибрежьѣ; да и оно имѣетъ на сѣверѣ Анкону, на югѣ Бриндизи. Та несоединимость составныхъ частей въ одно общее цѣлое, которую мы отмѣтили въ Европѣ, проявляется еще сильнѣе въ Азіи, гдѣ она, какъ мы уже видѣли, обусловлена всѣмъ ея географическимъ, этнологическимъ и историко-культурнымъ разнообразіемъ, рѣшительно не подводимымъ къ одному знаменателю. Какъ вообще ни умѣренны по своему климату нѣкоторыя сѣверныя части собственной Азіи, напр. сѣверныя провинціи Китая, однако и въ нихъ, какъ въ степяхъ средней Азіи, лежащихъ подъ одною широтою съ южными частями собственной Европы, при сильномъ зноѣ бываютъ и сильныя, хотя и непродолжительныя, стужи, между тѣмъ какъ въ южныхъ и восточныхъ краяхъ собственной Азіи господствуютъ жары, растительность и животныя или совершенно тропическія, или къ нимъ близкія. Въ собственной Европѣ южныя края защищены Средиземнымъ моремъ отъ тропическаго зноя, а сѣверные благотворнымъ вліяніемъ гольфстрима отъ полярнаго холода. Житель сѣвера собственной Европы, переселяясь на югъ ея, не принужденъ измѣнять весь свой образъ жизни и какъ-бы перерождаться. Еще меньше разнообразія въ Европѣ въ этнологическомъ и историко-культурномъ отношеніи.

Въ собственной-же Азіи, какъ выше упомянуто, мы находимъ нѣсколько совершенно особыхъ расъ: симитовъ, арійцевъ (индусовъ, персовъ и пр.), монголовъ, малайцевъ и нѣсколько еще племенъ, которыя и по языкамъ, и по внѣшнему своему виду должны быть причислены къ нѣсколькимъ особымъ расамъ, не сходнымъ ни съ предыдущими, ни между собою. Таковы папуасы (на островахъ Суматры, Борнео, Целебеса, Филиппинскихъ), обитатели Декана (тамула, телинга, канарезы, малаяла и тулува, тода, коша, бадага, ку и пр., извѣстные у индусовъ подъ общимъ именемъ дравида, которое они дали туземцамъ Индѣйскаго полуострова) и кажется сродные съ ними вадда въ горахъ восточнаго Цейлона, наконецъ

въ мірѣ романо-германскомъ. Въ Новомъ Свѣтѣ онъ нашелъ себѣ обширнѣйшее поприще дѣятельности и успѣлъ уже вылиться въ такія этнологическія и историко-культурныя формы, что въ немъ рѣзко выступаютъ только двѣ главныя его національности: англо-саксонская и испанская съ португальскою. Но англо-саксонская рѣшительно преобладаетъ и господствуетъ. Она собственно одна и пользуется въ высшей степени благопріятными, политическими и культурными, условіями. Рано или поздно она дастъ почувствовать свою силу и вліяніе и въ Южной Америкѣ и начнетъ въ ней тѣснить и ограничивать элементы испанскій и португальскій. Въ англо-саксонской расѣ преимущественно, если даже не единственно, заключается такимъ образомъ все главнѣйшее будущее романо-германской цивилизаціи. Если англо-саксонскій міръ внѣ Европы есть по всей справедливости міръ полный безграничныхъ надеждъ и чаяній, міръ юности и громаднаго будущаго, то романо-германскій міръ Стараго Свѣта есть міръ по преимуществу настоящаго, міръ зрѣлаго мужества, что съ удовольствіемъ созерцаетъ свое славное прошлое и наслаждается наличнымъ могуществомъ, но по временамъ уже оглядывается, не безъ страха и зависти, на подростающихъ юныхъ соперниковъ, и на нѣкоторыхъ частяхъ своего организма, нѣкогда сильныхъ и цвѣтущихъ, самъ видимо начинаетъ замѣчать признаки подходящей старости, постоянную хворь, нерѣдкое отупѣніе и безсиліе.

Міръ по преимуществу увядшаго и необновимаго прошлаго, міръ дряхлаго старчества, наслѣдіе котораго уже переходитъ въ постороннія руки, собственная Азія граничитъ на востокѣ, югѣ и отчасти западѣ съ внутренними морями Тихаго и Индѣйскаго океановъ, Краснымъ моремъ, въ Суэцкомъ перешейкѣ съ Африкою, а на сѣверѣ и также западѣ во всю длину материка съ такъ названнымъ нами Среднимъ міромъ, почти исключительно съ его главною представительницею—Россіею. Площадь собственной Азіи вмѣстѣ съ прилежащими къ ней островами занимаетъ приблизительно 27 милліоновъ квадратныхъ километровъ и имѣетъ жителей около 800 милл. д. Полуостровной характеръ въ ней не господствуетъ, какъ въ собственной Европѣ, но все же представленъ очень сильно. При множествѣ большихъ и малыхъ острововъ, принадлежащихъ Азіи, и при длинныхъ морскихъ берегахъ, отношеніе береговой линіи къ поперечнику внутрен-

несравненно значительнѣе, чѣмъ между западными славянами и нѣмцами и итальянцами въ этихъ же отношеніяхъ. Оставаясь вѣрными подданными нѣмецкаго государства, изучая нѣмецкую рѣчь и науку, подчиняясь во многомъ и итальянской образованности, западный славянинъ, какъ показываютъ столѣтніе опыты и многочисленные ежедневные примѣры, особенно въ странахъ, полнѣе сохранявшихъ преданія славянской церкви и борьбы съ нѣмецкою имперіею, можетъ сохранять и проявлять, и чѣмъ онъ даровитѣе, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе, свою народность въ различныхъ сферахъ дѣятельности. Въ чужой итальянской или нѣмецкой образованности національно настроенный славянинъ находитъ даже оружіе для борьбы съ инороднымъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ, вліяніемъ, для подъема національнаго духа мѣстнаго или даже всеславянскаго. Напротивъ у азіатовъ нѣтъ почти рѣшительно никакихъ понятій о солидарности сродныхъ національностей, а крѣпко держится только, особенно у мусульманъ, чувство единовѣрія. Азіатскія земли, съ присоединеніемъ къ Россіи, сразу лишаются самыхъ коренныхъ и существенныхъ своихъ особенностей, напр. рабства, цѣлой системы уголовныхъ и полицейскихъ наказаній, полной отмѣны значенія корана или другихъ религіозныхъ кодексовъ въ ихъ государственныхъ и значительнаго ограниченія въ ихъ гражданскихъ отношеніяхъ. При всякомъ новомъ сближеніи этихъ присоединенныхъ къ Россіи азіатовъ съ русскою жизнью и образованностью, они все болѣе и болѣе отрываются отъ коренныхъ основъ своей прежней національной исторіи и культуры. Чѣмъ даровитѣе и образованнѣе киргизъ, калмыкъ, бурятъ, татаринъ, тѣмъ дальше онъ отъ своихъ сродичей и тѣмъ ближе онъ къ русскому. Чѣмъ даровитѣе и просвѣщеннѣе прусскій полякъ, австрійскій чехъ, словѣнецъ или далматинецъ, тѣмъ онъ полезнѣе не только для своихъ ближайшихъ земляковъ, но и для своихъ дальнихъ соплеменниковъ, и тѣмъ онъ сильнѣе, какъ антагонистъ, въ борьбѣ съ нѣмцами или итальянцами. Это обстоятельство зависитъ отъ общности и внутренняго сходства просвѣтительныхъ началъ какъ Средняго міра, такъ и собственной Европы, и отъ глубокой коренной разницы въ этихъ началахъ между міромъ Среднимъ и собственно азіатскимъ.

У міра Средняго и у Европы историческая жизнь и образованность возникаютъ и развиваются если не изъ совершенно одинакихъ, то болѣе и менѣе общихъ и сходныхъ источниковъ:

въ мірѣ романо-германскомъ. Въ Новомъ Свѣтѣ онъ нашелъ себѣ обширнѣйшее поприще дѣятельности и успѣлъ уже вылиться въ такія этнологическія и историко-культурныя формы, что въ немъ рѣзко выступаютъ только двѣ главныя его національности: англо-саксонская и испанская съ португальскою. Но англо-саксонская рѣшительно преобладаетъ и господствуетъ. Она собственно одна и пользуется въ высшей степени благопріятными, политическими и культурными, условіями. Рано или поздно она дастъ почувствовать свою силу и вліяніе и въ Южной Америкѣ и начнетъ въ ней тѣснить и ограничивать элементы испанскій и португальскій. Въ англо-саксонской расѣ преимущественно, если даже не единственно, заключается такимъ образомъ все главнѣйшее будущее романо-германской цивилизаціи. Если англо-саксонскій міръ внѣ Европы есть по всей справедливости міръ полный безграничныхъ надеждъ и чаяній, міръ юности и громаднаго будущаго, то романо-германскій міръ Стараго Свѣта есть міръ по преимуществу настоящаго, міръ зрѣлаго мужества, что съ удовольствіемъ созерцаетъ свое славное прошлое и наслаждается наличнымъ могуществомъ, но по временамъ уже оглядывается, не безъ страха и зависти, на подростающихъ юныхъ соперниковъ, и на нѣкоторыхъ частяхъ своего организма, нѣкогда сильныхъ и цвѣтущихъ, самъ видимо начинаетъ замѣчать признаки подходящей старости, постоянную хворь, нерѣдкое отупѣніе и безсиліе.

Міръ по преимуществу увядшаго и необновимаго прошлаго, міръ дряхлаго старчества, наслѣдіе котораго уже переходитъ въ постороннія руки, собственная Азія граничитъ на востокѣ, югѣ и отчасти западѣ съ внутренними морями Тихаго и Индѣйскаго океановъ, Краснымъ моремъ, въ Суэцкомъ перешейкѣ съ Африкою, а на сѣверѣ и также западѣ во всю длину материка съ такъ названнымъ нами Среднимъ міромъ, почти исключительно съ его главною представительницею—Россіею. Площадь собственной Азіи вмѣстѣ съ прилежащими къ ней островами занимаетъ приблизительно 27 милліоновъ квадратныхъ километровъ и имѣетъ жителей около 800 милл. д. Полуостровной характеръ въ ней не господствуетъ, какъ въ собственной Европѣ, но все же представленъ очень сильно. При множествѣ большихъ и малыхъ острововъ, принадлежащихъ Азіи, и при длинныхъ морскихъ берегахъ, отношеніе береговой линіи къ поперечнику внутрен-

ихъ завоевателями и повелителями. Разъ отвоевана та или другая область собственной Азіи, какъ бы ни слабочисленно былъ представленъ въ ней русскій элементъ, пока онъ повелѣваетъ и господствуетъ, онъ порождаетъ въ этой странѣ такія явленія,—правда къ несчастью нерѣдко дурныя и печальныя, но всегда почти рядомъ съ ними и добрыя и положительныя,—которыя бы никогда не могли произойти въ ней, по собственному побужденію азіатскихъ туземцевъ, если-бы они оставались полновластными распорядителями своей родины. Такимъ образомъ мы поступаемъ совершенно правильно, принимая политическія границы Россіи съ собственною Азіею за границы Средняго міра, хотя бы онѣ и вовсе почти не совпадали съ границами естественными и этнографическими.

Громадная территорія Средняго міра въ 24 почти милл. кв. килом. съ 170 милл. слишкомъ жителей, занимающая болѣе трети Азіи и болѣе половины Европы, рѣзко отличается своимъ географическимъ характеромъ отъ собственной не русской Азіи и отъ собственной не славянской и не русской, а чисто романо-германской Европы или романо-германскаго міра Стараго свѣта. Въ одной исключительно, въ другой значительно представленъ полуостровной характеръ, отчего, при обоюдномъ изобиліи большихъ и малыхъ острововъ, та и другая благопріятно, хоть и не въ одинакой мѣрѣ, надѣлены выгодно развитою береговою линіею. Чрезмѣрная суровость климата отымаетъ, за весьма малымъ исключеніемъ, почти всякое культурное значеніе большей части морскихъ береговъ, полуострововъ и острововъ, находящихся на сѣверѣ и крайнемъ сѣверо-востокѣ Средняго міра. Какъ ни протяженна, ни сильно развѣтвлена и ни выгодна для мореплаванія, богатая глубокими заливами и бухтами, большими и мелкими островами, остальная часть береговъ Средняго міра, частью на сѣверѣ, въ Бѣломъ морѣ, Ботническомъ, Финскомъ и Рижскомъ заливахъ, особенно на дальнемъ востокѣ въ Тихомъ океанѣ, на югѣ въ Черномъ и Мраморномъ морѣ и его двухъ знаменитыхъ проливахъ, въ обоихъ греческихъ моряхъ и въ Адріатикѣ, тѣмъ не менѣе при громадныхъ пространствахъ внутреннихъ материковыхъ странъ Средняго міра, въ сравненіи съ собственною Европою и собственною Азіею, онъ отличается крайнею скудостью берегового развитія. Другое важное отличіе Средняго міра отъ собственной Европы и собственной Азіи состоитъ въ преимуще-

ственномъ богатствѣ его огромными сплошными равнинами и въ нахожденіи высокихъ горныхъ хребтовъ преимущественно на окраинахъ и оконечностяхъ его. Третье его различіе заключается въ томъ, что сверхъ земель одинаковаго климата съ южными или средними частями собственной Европы или съ умѣренными странами собственной Азіи, Средній міръ не имѣетъ вовсе земель съ климатомъ жаркимъ и тропическимъ, которымъ обладаетъ масса южныхъ земель собственной Азіи. Напротивъ онъ заключаетъ въ себѣ огромное пространство земель съ суровымъ сѣвернымъ климатомъ, котораго почти не знаютъ вовсе, развѣ въ самыхъ незначительныхъ участкахъ собственная Европа или собственная Азія. Въ Среднемъ мірѣ нѣтъ вовсе той равномѣрности дѣленія, какая оказывается въ 6 частяхъ собственной Европы (Скандинавія, Германія, Италія, Великобританія, Франція, Испанія) или въ 7—8 частяхъ собственной Азіи (В. Индія, Иранъ, Аравія съ Сиріею и частью М. Азіи, Китай, Тибетъ, Туркестанъ, З. Индія, Японія...). Тутъ напротивъ передъ нами громадная масса равнинъ и земель чисто материковыхъ безо всякихъ почти морскихъ береговъ, горныхъ ущелій и долинъ и затѣмъ рядъ сравнительно небольшихъ земель, каждая съ своимъ самостоятельнымъ характеромъ, вслѣдствіе особеннаго разнообразія прорѣзающихъ ихъ горъ или окаймляющихъ ихъ морскихъ береговъ, каковы напр. Чехія и Моравія, Верхняя и Нижняя Венгрія, Трансильванія и Румынія, Болгарія, Сербія, Боснія, Черная гора, Герцеговина, Хорватія, Славонія и Далматія съ островами, Албанія, Македонія и Ѳракія, рядъ греческихъ земель съ островами, наконецъ разные горные края Россіи. Въ соотвѣтствіе такому естественному сочетанію противоположностей и неравномѣрному распредѣленію на самостоятельныя части, сложилось и этнологическое и историко-культурное разнообразіе Средняго міра. Своими особенностями оно столь же рѣзко отличается отъ собственной Европы и отъ собственной Азіи. Между 170 милл. слишкомъ его народонаселенія мы находимъ и германцевъ, и романцевъ, и всякаго рода азіатовъ, католиковъ и протестантовъ, мусульманъ, буддистовъ, шаманистовъ... Но во всемъ этомъ племенномъ и культурномъ разнообразіи выдается рѣзко и рѣшительно одинъ видъ, который очень слабо представленъ, вовсе не замѣтенъ или совершенно отсутствуетъ въ собственной Европѣ и въ собственной Азіи. Изъ этихъ 170 милліоновъ болѣе 120 милл. славянъ, до 4—5 милл. грековъ и болѣе 120 милл. христіанъ

нихъ странъ получается въ собственной Азіи все-жь таки выгодное, хотя и не въ такой степени, какъ въ собственной Европѣ, ибо не малая часть морскихъ береговъ Азіи отличается скудостью удобныхъ портовъ и морскихъ стоянокъ. Это замѣчается въ собственной Европѣ едва ли не на одномъ восточномъ итальянскомъ прибрежьѣ; да и оно имѣетъ на сѣверѣ Анкону, на югѣ Бриндизи. Та несоединимость составныхъ частей въ одно общее цѣлое, которую мы отмѣтили въ Европѣ, проявляется еще сильнѣе въ Азіи, гдѣ она, какъ мы уже видѣли, обусловлена всѣмъ ея географическимъ, этнологическимъ и историко-культурнымъ разнообразіемъ, рѣшительно не подводимымъ къ одному знаменателю. Какъ вообще ни умѣренны по своему климату нѣкоторыя сѣверныя части собственной Азіи, напр. сѣверныя провинціи Китая, однако и въ нихъ, какъ въ степяхъ средней Азіи, лежащихъ подъ одною широтою съ южными частями собственной Европы, при сильномъ зноѣ бываютъ и сильныя, хотя и непродолжительныя, стужи, между тѣмъ какъ въ южныхъ и восточныхъ краяхъ собственной Азіи господствуютъ жары, растительность и животныя или совершенно тропическія, или къ нимъ близкія. Въ собственной Европѣ южныя края защищены Средиземнымъ моремъ отъ тропическаго зноя, а сѣверные благотворнымъ вліяніемъ гольфстрима отъ полярнаго холода. Житель сѣвера собственной Европы, переселяясь на югъ ея, не принужденъ измѣнять весь свой образъ жизни и какъ-бы перерождаться. Еще меньше разнообразія въ Европѣ въ этнологическомъ и историко-культурномъ отношеніи.

Въ собственной-же Азіи, какъ выше упомянуто, мы находимъ нѣсколько совершенно особыхъ расъ: симитовъ, арійцевъ (индусовъ, персовъ и пр.), монголовъ, малайцевъ и нѣсколько еще племенъ, которыя и по языкамъ, и по внѣшнему своему виду должны быть причислены къ нѣсколькимъ особымъ расамъ, не сходнымъ ни съ предыдущими, ни между собою. Таковы папуасы (на островахъ Суматры, Борнео, Целебеса, Филиппинскихъ), обитатели Декана (тамула, телинга, канарезы, малаяла и тулува, тода, коша, бадага, ку и пр., извѣстные у индусовъ подъ общимъ именемъ дравида, которое они дали туземцамъ Индѣйскаго полуострова) и кажется сродные съ ними вадда въ горахъ восточнаго Цейлона, наконецъ

въ мірѣ романо-германскомъ. Въ Новомъ Свѣтѣ онъ нашелъ себѣ обширнѣйшее поприще дѣятельности и успѣлъ уже вылиться въ такія этнологическія и историко-культурныя формы, что въ немъ рѣзко выступаютъ только двѣ главныя его національности: англо-саксонская и испанская съ португальскою. Но англо-саксонская рѣшительно преобладаетъ и господствуетъ. Она собственно одна и пользуется въ высшей степени благопріятными, политическими и культурными, условіями. Рано или поздно она дастъ почувствовать свою силу и вліяніе и въ Южной Америкѣ и начнетъ въ ней тѣснить и ограничивать элементы испанскій и португальскій. Въ англо-саксонской расѣ преимущественно, если даже не единственно, заключается такимъ образомъ все главнѣйшее будущее романо-германской цивилизаціи. Если англо-саксонскій міръ внѣ Европы есть по всей справедливости міръ полный безграничныхъ надеждъ и чаяній, міръ юности и громаднаго будущаго, то романо-германскій міръ Стараго Свѣта есть міръ по преимуществу настоящаго, міръ зрѣлаго мужества, что̀ съ удовольствіемъ созерцаетъ свое славное прошлое и наслаждается наличнымъ могуществомъ, но по временамъ уже оглядывается, не безъ страха и зависти, на подростающихъ юныхъ соперниковъ, и на нѣкоторыхъ частяхъ своего организма, нѣкогда сильныхъ и цвѣтущихъ, самъ видимо начинаетъ замѣчать признаки подходящей старости, постоянную хворь, нерѣдкое отупѣніе и безсиліе.

Міръ по преимуществу увядшаго и необновимаго прошлаго, міръ дряхлаго старчества, наслѣдіе котораго уже переходитъ въ постороннія руки, собственная Азія граничитъ на востокѣ, югѣ и отчасти западѣ съ внутренними морями Тихаго и Индѣйскаго океановъ, Краснымъ моремъ, въ Суэцкомъ перешейкѣ съ Африкою, а на сѣверѣ и также западѣ во всю длину материка съ такъ названнымъ нами Среднимъ міромъ, почти исключительно съ его главною представительницею—Россіею. Площадь собственной Азіи вмѣстѣ съ прилежащими къ ней островами занимаетъ приблизительно 27 милліоновъ квадратныхъ километровъ и имѣетъ жителей около 800 милл. д. Полуостровной характеръ въ ней не господствуетъ, какъ въ собственной Европѣ, но все же представленъ очень сильно. При множествѣ большихъ и малыхъ острововъ, принадлежащихъ Азіи, и при длинныхъ морскихъ берегахъ, отношеніе береговой линіи къ поперечнику внутрен-

нихъ странъ получается въ собственной Азіи все-жь таки выгодное, хотя и не въ такой степени, какъ въ собственной Европѣ, ибо не малая часть морскихъ береговъ Азіи отличается скудостью удобныхъ портовъ и морскихъ стоянокъ. Это замѣчается въ собственной Европѣ едва ли не на одномъ восточномъ итальянскомъ прибрежьѣ; да и оно имѣетъ на сѣверѣ Анкону, на югѣ Бриндизи. Та несоединимость составныхъ частей въ одно общее цѣлое, которую мы отмѣтили въ Европѣ, проявляется еще сильнѣе въ Азіи, гдѣ она, какъ мы уже видѣли, обусловлена всѣмъ ея географическимъ, этнологическимъ и историко-культурнымъ разнообразіемъ, рѣшительно не подводимымъ къ одному знаменателю. Какъ вообще ни умѣренны по своему климату нѣкоторыя сѣверныя части собственной Азіи, напр. сѣверныя провинціи Китая, однако и въ нихъ, какъ въ степяхъ средней Азіи, лежащихъ подъ одною широтою съ южными частями собственной Европы, при сильномъ зноѣ бываютъ и сильныя, хотя и непродолжительныя, стужи, между тѣмъ какъ въ южныхъ и восточныхъ краяхъ собственной Азіи господствуютъ жары, растительность и животныя или совершенно тропическія, или къ нимъ близкія. Въ собственной Европѣ южныя края защищены Средиземнымъ моремъ отъ тропическаго зноя, а сѣверные благотворнымъ вліяніемъ гольфстрима отъ полярнаго холода. Житель сѣвера собственной Европы, переселяясь на югъ ея, не принужденъ измѣнять весь свой образъ жизни и какъ-бы перерождаться. Еще меньше разнообразія въ Европѣ въ этнологическомъ и историко-культурномъ отношеніи.

Въ собственной-же Азіи, какъ выше упомянуто, мы находимъ нѣсколько совершенно особыхъ расъ: симитовъ, арійцевъ (индусовъ, персовъ и пр.), монголовъ, малайцевъ и нѣсколько еще племенъ, которыя и по языкамъ, и по внѣшнему своему виду должны быть причислены къ нѣсколькимъ особымъ расамъ, не сходнымъ ни съ предыдущими, ни между собою. Таковы папуасы (на островахъ Суматры, Борнео, Целебеса, Филиппинскихъ), обитатели Декана (тамула, телинга, канарѣзы, малаяла и тулува, тода, кота, бадага, ку и пр., извѣстные у индусовъ подъ общимъ именемъ дравида, которое они дали туземцамъ Индѣйскаго полуострова) и кажется сродные съ ними вадда въ горахъ восточнаго Цейлона, наконецъ

айно (на Сахалинѣ и Іеддо). Всѣ эти собственно азіатскія племена также различны между собою, какъ напримѣръ въ собственной Европѣ отличны кельты, романцы, германцы и отъ басковъ и отъ лопарей. Но этихъ послѣднихъ приходится нѣсколько сотенъ или десятковъ семей на милліоны романцевъ и германцевъ, тогда какъ большинство представителей главнѣйшихъ азіатскихъ расъ считается милліонами. Кельты, германцы, романцы болѣе сродны и близки другъ къ другу по внѣшнему типу и языкамъ, чѣмъ азіатскіе арійцы или симиты между собою. Въ многолюднѣйшей же расѣ монгольской, желтой, надо признать нѣсколько разновидностей, которыя въ языкахъ своихъ не сохраняютъ почти вовсе или лишь очень слабые слѣды взаимнаго сродства. Столь же различны ихъ характеры и историческія судьбы. Таковы племена: тюрко-татарскія различныхъ наименованій, тунгусы и манджуры, собственные монголы, племя японское и корейское, и всѣ племена съ языками односложными, каковы: тибетцы и вообще жители Гималайскихъ горъ отъ Инда до Брахмапутры, барманы или бирманы, жители западной части Индо-Китайскаго полуострова и Аракана, прибрежья Бенгальскаго залива, различные туземцы Индо-Китайскаго полуострова, живущіе въ горахъ, отдѣляющихъ Аннамъ отъ Китая, въ дельтѣ Иравади, въ Камбоджѣ, сіамцы, аннамиты, жители Тунгкинга и Кохинхины, древнѣйшіе туземцы Китая, (сифои, міаотце и лоло), наконецъ китайцы. Языки эти, отчасти мало изслѣдованные, при всѣхъ аналогіяхъ своей односложности, далеко не такъ наглядно раскрываютъ свою родственность, какъ напр. языки кельтскій, германскіе и романскіе. Точно также религіозное и вообще культурное различіе разныхъ европейскихъ земель далеко не такъ рѣзко и существенно, какъ различныхъ земель азіатскихъ, въ которыхъ находимъ по цѣлымъ десяткамъ милліоновъ исповѣдниковъ самаго разнообразнаго, по мѣстностямъ и племенамъ, населенія и разнообразнѣйшихъ религій самаго грубаго шаманства и фетишизма, индѣйскаго браманизма и буддизма, китайскихъ даосизма, и конфуціанства, аравійскаго мусульманства. Всѣ эти религіи и ученія съ соотвѣтственными культурами и цивилизаціями представляютъ неизмѣримо болѣе самыхъ коренныхъ и существенныхъ противорѣчій и разногласій, чѣмъ всѣ различныя ученія, секты и толки религіозные и философскіе, на которые рас-

падается Европа. То общее, что имѣется у всѣхъ этихъ азіатскихъ племенъ въ отношеніи историко-культурномъ, можетъ быть выражено только отрицательнымъ или индиферентнымъ ихъ всѣхъ почти отношеніемъ къ христіанству, которое издавна составляетъ общепросвѣтительное начало и существенный историко-культурный признакъ европейскаго и такъ названнаго нами Средняго міра. Общее всѣмъ племенамъ и культурамъ собственной Азіи равнодушіе или нерасположеніе къ христіанству проявляется особенно въ крайне ничтожномъ числѣ христіанскихъ исповѣдниковъ въ собственной Азіи и во множествѣ послѣдователей симитскаго мусульманства между азіатскими арійцами, различными племенами монгольской расы и даже между малайцами, арійскихъ буддизма между тибетцами, японцами, монголами и браманизма между малайцами. Основываясь на этомъ важномъ, хотя и отрицательномъ признакѣ собственныхъ азіатовъ, мы должны симитовъ, сирійскихъ христіанъ и азіатскихъ арійцевъ, армянъ за ихъ слишкомъ тысячелѣтнюю чисто-христіанскую исторію и культуру относить не къ міру азіатскому, но и не къ европейскому, а такъ названному нами Среднему, вслѣдствіе ихъ географическаго положенія и особенной близости политическихъ и культурныхъ ихъ отношеній къ двумъ великимъ историческимъ державамъ этого Средняго міра: Византійской, Восточно-Римской, Греко-Христіанской имперіи, а затѣмъ Московскаго государства и Россійской имперіи.

Площадь лежащаго между собственною Европою и собственною Азіею такъ названнаго нами Средняго міра занимаетъ около 24 милл. кв. клм. и включаетъ въ себѣ всю русскую имперію (22.622.560), часть прежнихъ польско-литовскихъ земель Пруссіи, гдѣ еще сохранилась славянская и литовская народность, часть Силезіи, значительнѣйшую часть Чехіи, всю Моравію, южную Стирію, часть Каринтіи (Хорутаніи), всю Крайну, Горицкое графство, Истрію, всѣ Австро-Угорскія земли короны Св. Стефана съ Троединымъ королевствомъ, т. е. Хорватію, Славонію и Далматію, Румынское королевство, королевство Сербію, княжество Черногорское, Боснію, Герцеговину, княжество Болгарское (съ Румеліею), королевство Греческое съ островами, всю европейскую Турцію со включеніемъ Константинополя, съ остальными греческими островами, со всѣмъ приморьемъ Сиріи и М. Азіи и съ прилежащими къ кавказскому намѣстничеству областями азіатской

Турціи съ населеніемъ древне-христіанскимъ. Границы этого Средняго міра съ собственною Европою суть болѣе или менѣе границы двухъ полуострововъ Скандинавскаго и Нѣмецко-Романскаго, отдѣляющія ихъ отъ туловища Азійскаго материка, который въ этнологическомъ и историко-культурномъ отношеніяхъ распадается на два особыхъ и большею частью враждебныхъ или несходныхъ между собою міра: міръ собственно азіатскій и міръ такъ названный нами Средній. Эти почти естественныя границы собственной Европы совпадаютъ гдѣ съ политическими, а гдѣ съ этнографическими границами, на востокъ отъ которыхъ прекращается существующее на западъ отъ нихъ если не всегда политическое, то всегда этнографическое господство и преобладаніе романо-германскихъ элементовъ.

Средній міръ имѣетъ вполнѣ естественныя границы въ водахъ Сѣвернаго или Ледовитаго моря, Берингова пролива, Берингова, Охотскаго и Японскаго морей на сѣверѣ и востокѣ и Средиземнаго моря на югѣ. Всего труднѣе опредѣлима юго-западная граница Средняго міра съ собственною Азіею. Что касается азіатской Турціи, то по неимѣнію вѣрныхъ этнографическо-статистическихъ свѣдѣній трудно провести въ ней черту, которая бы вѣрно обозначала дѣйствительное, а не юридическое преобладаніе и господство турецко-мусульманскаго элемента надъ инородцами, древними обитателями страны и прежними христіанами, нынѣ же мусульманами часто только по нуждѣ и по имени. Относительно же прочихъ сухопутныхъ границъ Средняго міра съ собственною Азіею слѣдуетъ замѣтить, что ихъ правильнѣе всего отожествлять съ политическими границами Россіи, хотя часто онѣ переходятъ и границы естественныя и этнографическія. Таковы цѣлыя средне-азіатскія области, недавно пріобрѣтенныя русскимъ оружіемъ. На сухопутной границѣ Средняго міра между Тріестомъ и Данцигомъ мы пренебрегли политическими границами и отдѣлили отъ собственной Европы славянскія земли, подчиненныя нѣмецкимъ династіямъ и правительствамъ, а на пространной чертѣ отъ острова Сахалина и Владивостока на Восточномъ океанѣ до Самарканда, Мерва, Красноводска, мы отдѣляемъ отъ собственной Азіи цѣлыя чисто-азіатскія земли, подчиненныя русской власти. Но дѣло въ томъ, что между чистыми азіатами и русскими разница въ просвѣтительныхъ началахъ, идеяхъ, обычаяхъ и нравахъ

несравненно значительнѣе, чѣмъ между западными славянами и нѣмцами и итальянцами въ этихъ же отношеніяхъ. Оставаясь вѣрными подданными нѣмецкаго государства, изучая нѣмецкую рѣчь и науку, подчиняясь во многомъ и итальянской образованности, западный славянинъ, какъ показываютъ столѣтніе опыты и многочисленные ежедневные примѣры, особенно въ странахъ, полнѣе сохранявшихъ преданія славянской церкви и борьбы съ нѣмецкою имперіею, можетъ сохранять и проявлять, и чѣмъ онъ даровитѣе, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе, свою народность въ различныхъ сферахъ дѣятельности. Въ чужой итальянской или нѣмецкой образованности національно настроенный славянинъ находитъ даже оружіе для борьбы съ инороднымъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ, вліяніемъ, для подъема національнаго духа мѣстнаго или даже всеславянскаго. Напротивъ у азіатовъ нѣтъ почти рѣшительно никакихъ понятій о солидарности сродныхъ національностей, а крѣпко держится только, особенно у мусульманъ, чувство единовѣрія. Азіатскія земли, съ присоединеніемъ къ Россіи, сразу лишаются самыхъ коренныхъ и существенныхъ своихъ особенностей, напр. рабства, цѣлой системы уголовныхъ и полицейскихъ наказаній, полной отмѣны значенія корана или другихъ религіозныхъ кодексовъ въ ихъ государственныхъ и значительнаго ограниченія въ ихъ гражданскихъ отношеніяхъ. При всякомъ новомъ сближеніи этихъ присоединенныхъ къ Россіи азіатовъ съ русскою жизнью и образованностью, они все болѣе и болѣе отрываются отъ коренныхъ основъ своей прежней національной исторіи и культуры. Чѣмъ даровитѣе и образованнѣе киргизъ, калмыкъ, бурятъ, татаринъ, тѣмъ дальше онъ отъ своихъ сродичей и тѣмъ ближе онъ къ русскому. Чѣмъ даровитѣе и просвѣщеннѣе прусскій полякъ, австрійскій чехъ, словѣнецъ или далматинецъ, тѣмъ онъ полезнѣе не только для своихъ ближайшихъ земляковъ, но и для своихъ дальнихъ соплеменниковъ, и тѣмъ онъ сильнѣе, какъ антагонистъ, въ борьбѣ съ нѣмцами или итальянцами. Это обстоятельство зависитъ отъ общности и внутренняго сходства просвѣтительныхъ началъ какъ Средняго міра, такъ и собственной Европы, и отъ глубокой коренной разницы въ этихъ началахъ между міромъ Среднимъ и собственно азіатскимъ.

У міра Средняго и у Европы историческая жизнь и образованность возникаютъ и развиваются если не изъ совершенно одинакихъ, то болѣе и менѣе общихъ и сходныхъ источниковъ:

ихъ завоевателями и повелителями. Разъ отвоевана та или другая область собственной Азіи, какъ бы ни слабочисленно былъ представленъ въ ней русскій элементъ, пока онъ повелѣваетъ и господствуетъ, онъ порождаетъ въ этой странѣ такія явленія,—правда къ несчастью нерѣдко дурныя и печальныя, но всегда почти рядомъ съ ними и добрыя и положительныя,—которыя бы никогда не могли произойти въ ней, по собственному побужденію азіатскихъ туземцевъ, если-бы они оставались полновластными распорядителями своей родины. Такимъ образомъ мы поступаемъ совершенно правильно, принимая политическія границы Россіи съ собственною Азіею за границы Средняго міра, хотя бы онѣ и вовсе почти не совпадали съ границами естественными и этнографическими.

Громадная территорія Средняго міра въ 24 почти милл. кв. килом. съ 170 милл. слишкомъ жителей, занимающая болѣе трети Азіи и болѣе половины Европы, рѣзко отличается своимъ географическимъ характеромъ отъ собственной не русской Азіи и отъ собственной не славянской и не русской, а чисто романо-германской Европы или романо-германскаго міра Стараго свѣта. Въ одной исключительно, въ другой значительно представленъ полуостровной характеръ, отчего, при обоюдномъ изобиліи большихъ и малыхъ острововъ, та и другая благопріятно, хоть и не въ одинакой мѣрѣ, надѣлены выгодно развитою береговою линіею. Чрезмѣрная суровость климата отымаетъ, за весьма малымъ исключеніемъ, почти всякое культурное значеніе большей части морскихъ береговъ, полуострововъ и острововъ, находящихся на сѣверѣ и крайнемъ сѣверо-востокѣ Средняго міра. Какъ ни протяженна, ни сильно развѣтвлена и ни выгодна для мореплаванія, богатая глубокими заливами и бухтами, большими и мелкими островами, остальная часть береговъ Средняго міра, частью на сѣверѣ, въ Бѣломъ морѣ, Ботническомъ, Финскомъ и Рижскомъ заливахъ, особенно на дальнемъ востокѣ въ Тихомъ океанѣ, на югѣ въ Черномъ и Мраморномъ морѣ и его двухъ знаменитыхъ проливахъ, въ обоихъ греческихъ моряхъ и въ Адріатикѣ, тѣмъ не менѣе при громадныхъ пространствахъ внутреннихъ материковыхъ странъ Средняго міра, въ сравненіи съ собственною Европою и собственною Азіею, онъ отличается крайнею скудостью берегового развитія. Другое важное отличіе Средняго міра отъ собственной Европы и собственной Азіи состоитъ въ преимуще-

ственномъ богатствѣ его огромными сплошными равнинами и въ нахожденіи высокихъ горныхъ хребтовъ преимущественно на окраинахъ и оконечностяхъ его. Третье его различіе заключается въ томъ, что сверхъ земель одинаковаго климата съ южными или средними частями собственной Европы или съ умѣренными странами собственной Азіи, Средній міръ не имѣетъ вовсе земель съ климатомъ жаркимъ и тропическимъ, которымъ обладаетъ масса южныхъ земель собственной Азіи. Напротивъ онъ заключаетъ въ себѣ огромное пространство земель съ суровымъ сѣвернымъ климатомъ, котораго почти не знаютъ вовсе, развѣ въ самыхъ незначительныхъ участкахъ собственная Европа или собственная Азія. Въ Среднемъ мірѣ нѣтъ вовсе той равномѣрности дѣленія, какая оказывается въ 6 частяхъ собственной Европы (Скандинавія, Германія, Италія, Великобританія, Франція, Испанія) или въ 7—8 частяхъ собственной Азіи (В. Индія, Иранъ, Аравія съ Сиріею и частью М. Азіи, Китай, Тибетъ, Туркестанъ. З. Индія, Японія...). Тутъ напротивъ передъ нами громадная масса равнинъ и земель чисто материковыхъ безо всякихъ почти морскихъ береговъ, горныхъ ущелій и долинъ и затѣмъ рядъ сравнительно небольшихъ земель, каждая съ своимъ самостоятельнымъ характеромъ, вслѣдствіе особеннаго разнообразія прорѣзающихъ ихъ горъ или окаймляющихъ ихъ морскихъ береговъ, каковы напр. Чехія и Моравія, Верхняя и Нижняя Венгрія, Трансильванія и Румынія, Болгарія, Сербія, Боснія, Черная гора, Герцеговина, Хорватія, Славонія и Далматія съ островами, Албанія, Македонія и Ѳракія, рядъ греческихъ земель съ островами, наконецъ разные горные края Россіи. Въ соотвѣтствіе такому естественному сочетанію противоположностей и неравномѣрному распредѣленію на самостоятельныя части, сложилось и этнологическое и историко-культурное разнообразіе Средняго міра. Своими особенностями оно столь же рѣзко отличается отъ собственной Европы и отъ собственной Азіи. Между 170 милл. слишкомъ его народонаселенія мы находимъ и германцевъ, и романцевъ, и всякаго рода азіатовъ, католиковъ и протестантовъ, мусульманъ, буддистовъ, шаманистовъ... Но во всемъ этомъ племенномъ и культурномъ разнообразіи выдается рѣзко и рѣшительно одинъ видъ, который очень слабо представленъ, вовсе не замѣтенъ или совершенно отсутствуетъ въ собственной Европѣ и въ собственной Азіи. Изъ этихъ 170 милліоновъ болѣе 120 милл. славянъ, до 4—5 милл. грековъ и болѣе 120 милл. христіанъ

істочной церкви. Остальные 50 слишкомъ милліоновъ и въ нологическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ распредѣляются жду представителями кавказской и монгольской и другихъ асъ и между исповѣдниками западнаго христіанства и собственно азіатскихъ религій. Если представителей кавказской асы (къ которой принадлежатъ евреи и различные кавказскіе родцы съ языками положительно не арійскими или сомнительно арійскаго происхожденія) и особенно однихъ арійскихъ, или индо-европейскихъ инородцевъ въ тѣсномъ смыслѣ, Среднемъ мірѣ оказывается менѣе, чѣмъ представителей расы нгольской и тюркской, то число христіанскихъ иновѣрцевъ ачительно преобладаетъ надъ числомъ евреевъ, мусульманъ, ддистовъ, язычниковъ. Если же принять въ соображеніе, что инъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ инородцевъ Средняго міра, инны почти исключительно и безраздѣльно принадлежатъ одному реднему міру, вовсе не встрѣчаются въ собственной Азіи и надятся развѣ въ самыхъ ничтожныхъ остаткахъ въ собственной вропѣ (лопари на Скандинавскомъ полуостровѣ), что нѣсколько илліоновъ финновъ уже цѣлые вѣка живутъ между германцами, товцами и славянами и исповѣдуютъ христіанство, что и самые турки въ Европѣ сильно смѣшались съ индо-европейцами мало сохраняютъ въ себѣ азіатской крови, то безошибочно жно положить, что не только элементъ кавказскій, но даже ійскій или индо-европейскій является преобладающимъ между нородцами Средняго міра, подобно тому, какъ преобладаютъ немъ христіане (католики 26 м., протестанты 7 м.) между иновѣрцами.

Такимъ образомъ Средній міръ и въ этнологическомъ, и въ торико-культурномъ отношеніи, при всѣхъ своихъ отличіяхъ собственной Европы и собственной Азіи, находится въ гораздо болѣе близкомъ внутреннемъ сродствѣ съ первою, чѣмъ послѣднею. Это міръ арійскій, индо-европейскій и христіанскій по преимуществу, изъ 170 милл. душъ болѣе 150 милл. ристіанъ и не менѣе 140 слишкомъ милліоновъ индо-европейцевъ. Въ отличіе отъ міра Романо-Германскаго и въ культурномъ, и этнологическомъ отношеніи трудно, почти невозжно придумать для Средняго міра болѣе умѣстное и удачное названіе, какое ему стали давать уже лѣтъ 50 — 40 задъ и французскіе и нѣмецкіе и славянскіе ученые, именно

названіе міра греко-славянскаго или славяно-греческаго. Какъ названіе индо-германскаго племени, индо-германскихъ языковъ хотя и обнимаетъ много языковъ не индійскихъ и не германскихъ, крѣпко однако держалось въ наукѣ, такъ точно и названіе греко-славянскій хотя и не обозначаетъ многихъ составныхъ элементовъ Средняго міра, по всей справедливости, можетъ держаться въ наукѣ. Какъ тамъ два крайніе пункта, Индія и германская Исландія, дали названіе индо-германцевъ всѣмъ народамъ, живущимъ между этими двумя оконечностями, такъ въ Среднемъ мірѣ греки живутъ на югозападѣ, а славяне (русскіе) господствуютъ на крайнемъ сѣверѣ и сѣверовостокѣ. Сверхъ того это названіе имѣетъ еще болѣе глубокія и разумныя причины. Въ древности и въ средніе вѣка, въ средніе вѣка и въ новое время исторія отмѣчаетъ съ одной стороны между западомъ и востокомъ, между міромъ римскимъ, латинскимъ, италико-кельтскимъ и потомъ романо-германскимъ и между Ассиріею и Вавилономъ, персами, мидянами, парѳянами, скиѳами, однимъ словомъ между собственною Азіею съ другой—міръ средній, особый, самостоятельный, отличный отъ запада и отъ востока, въ постоянномъ антагонизмѣ съ тѣмъ и другимъ. Исторія древняя, средняя и новая встрѣчаетъ въ этомъ мірѣ только два сильныхъ, политически и культурно господствующихъ элемента: въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ одинъ собственно элементъ эллинскій, греческій, а въ средніе вѣка и въ новое время—элементы греческій и славянскій. Пусть многія другія народности, мало или вовсе несродныя ни съ греками, ни съ славянами, живутъ въ очерченныхъ предѣлахъ Средняго міра; но греки, не смотря на свою малочисленность, распространили сѣмена просвѣщенія и свое вліяніе на обширнѣйшіе края этого міра и на самыя различныя его народности, а славяне, не взирая на относительную бѣдность своей цивилизаціи, заняли и заселили огромнѣйшія пространства этого міра и почти всѣ его окраины. Въ этомъ Среднемъ мірѣ не найти ни одного самаго незначительнаго народа, ни одной отрасли хотя бы самаго сильнаго и образованнаго племени, которыя бы не подчинялись болѣе или менѣе сильно то культурному, то политическому вліянію, то обоимъ вліяніямъ вмѣстѣ или грековъ или славянъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Названіе «греко-славянскій» мѣтко обозначаетъ два существенныхъ, характеристическихъ признака

Средняго міра: культурно это міръ по преимуществу греческій (изъ 170 милл. слишкомъ 120 милл. православныхъ, или какъ ихъ называла вся средневѣковая и позднѣйшая Европа, безъ различія національностей, грековъ т. е. по вѣрѣ), этнологически это міръ по преимуществу славянскій. Иногда слышится противъ этого термина такого рода возраженіе: «Какъ можно-де грековъ и славянъ соединять въ одинъ отдѣлъ или классъ? Вѣдь между ними существуетъ вѣковая взаимная вражда и ненависть».

Но нераціональности названія «романо-германскій» еще никто не доказывалъ тѣмъ вѣковымъ антагонизмомъ и враждою, которыя существуютъ между романцами и германцами всячески не менѣе, чѣмъ между греками и славянами. Напротивъ признавъ однажды необходимость термина «романо-германскій міръ», мы должны уже допустить и понятіе и названіе міра греко-славянскаго. Какъ въ первомъ терминѣ слово *Романо* или *Латино* обозначаетъ не только одинъ изъ главныхъ этнологическихъ и культурныхъ элементовъ западно-христіанскаго міра, но и указываетъ на ближайшую связь его съ древнимъ Римомъ, такъ во второмъ терминѣ слово *Греко* не только вѣрно отмѣчаетъ одинъ изъ главныхъ культурныхъ и народныхъ элементовъ восточно-христіанскаго міра, но и намекаетъ на связь его съ древнею и средневѣковою Греціею. Извѣстный въ Европѣ въ древности антагонизмъ грековъ и римлянъ проросъ такъ сказать въ позднѣйшую исторію христіанской Европы, усилился еще и нѣсколько видоизмѣнился другимъ не менѣе сильнымъ антагонизмомъ новыхъ, привзошедшихъ въ исторію христіанскаго человѣчества, племенъ славянскаго и германскаго. Германцы, подобно римлянамъ, утвердились на западѣ, наидалѣе отъ Азіи, а славяне, подобно грекамъ, на востокѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ собственною Азіею. Ослабляемый съ запада, средній, греко-славянскій міръ стѣснялся въ свободѣ и силѣ своихъ дѣйствій на востокѣ, противъ собственной Азіи. Благодаря своему срединному положенію, непосредственному сосѣдству съ романо-германцами на западѣ и съ собственными азіатами на востокѣ, греки и славяне, несмотря на всѣ ихъ внутреннія разногласія, всегда имѣли множество общихъ интересовъ по отношенію къ собственной Европѣ и къ собственной Азіи. Есть еще иная, болѣе глубокая и внутренняя связь славянъ и грековъ. Согласно ихъ географическому положенію языки греческій и славянскій (съ

литовскимъ) въ родственной цѣпи индо-европейскихъ языковъ представляютъ ближайшій переходъ отъ языковъ восточно-арійскихъ къ западно-арійскимъ. Насколько языкъ древне-греческій ближе латинскаго и другихъ италійскихъ языковъ къ языкамъ древне-индійскому и иранскому, на столько же языкъ славяно-литовскій ближе къ нимъ, чѣмъ языки кельтскій и германскій. Какъ латино-германская имперія Карла В. (съ 800 г.), такъ и римская (латино-германская) церковь особенно съ Николая I и тѣмъ болѣе съ Григорія VII были постоянными противниками и врагами народной независимости и грековъ и славянъ. Становясь чадами латинской церкви, западные славяне признавали верховную власть главнаго военачальника и правителя германцевъ, а съ тѣмъ и право послѣднихъ поступать со славянами, какъ римляне поступали съ варварами (velint, nolint Francorum [вообще Germanorum] principibus colla submittent. Съ латинствомъ западные славяне получали нѣмецкую и на югѣ романскую іерархію, нѣмецкіе монастыри, нѣмецкихъ и итальянскихъ священниковъ и монаховъ, гнавшихъ и преслѣдовавшихъ славянское богослуженіе и славянскую письменность, куда они успѣли проникнуть трудами солунскихъ братьевъ или ихъ учениковъ. Греки, ни по внѣшнимъ обстоятельствамъ, ни по внутреннимъ основаніямъ, не могли никогда, даже въ періодъ самой ожесточенной международной своей борьбы съ болгарами (о сербахъ, а тѣмъ болѣе о Руси, нечего и говорить) такъ гибельно, какъ нѣмцы, дѣйствовать на славанскую жизнь. Въ самыя высшія эпохи своего національнаго развитія западные славяне, чехи въ XV в., а поляки въ полов. XVI в. стремятся, первые порвать всякую связь съ имперіею и съ латинствомъ и сблизиться съ Цареградомъ, вторые основать славянскую церковь съ женатымъ духовенствомъ (Фричь-Моджевскій и др.). Черезъ всю исторію славянства проходитъ часто въ свое время несознаваемая, но нынѣ видимая, тѣсная внутренняя связь, солидарность славянизма съ эллинизмомъ. Всѣ возстанія, всѣ успѣхи и удачи борьбы западныхъ славянъ противъ Карла В. и его преемниковъ, ихъ маркграфовъ и герцоговъ, равно какъ и всѣ ихъ протесты и проявленія непокорности латинству были полезны восточному царству и восточной церкви. Точно также, какъ разныя необоснованныя и фантастическія притязанія болгарскихъ и сербскихъ правителей на Цареградъ имѣли одинаково вредныя по-

слѣдствія для грековъ и для славянъ и были выгодны враждебному тѣмъ и другимъ романо-германскому западу. Надо помнить, что двоякое возрожденіе грековъ, одно въ VII—IX в., другое въ к. XVIII, въ нач. XIX в., было оба раза тѣсно связано съ важнѣйшими явленіями въ жизни славянскихъ народовъ. Въ IV—V в., отчасти даже въ VI в. въ восточной имперіи господствовалъ еще латинскій языкъ, а главные обитатели Балканскаго полуострова ѳракійцы и иллиры уже къ VI в. были почти всѣ латинизованы. Заселеніе ихъ земель славянами (съ к. VI и въ VII в.), частью оттѣснившими въ горы, частью поглотившими въ теченіе времени немалое число олатиненныхъ ѳракійцевъ и иллировъ, въ значительной степени помогло эллинизму вытѣснить латинскій элементъ въ вост. имперіи. Въ тѣсныхъ связяхъ съ Цареградомъ находились въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не одни болгаре, сербы и русскіе, но и хорваты и сербы далматинскіе. Далматія еще во второй половинѣ XII в. признавала верховную власть императора Мануила и впослѣдствіи вспоминала объ этомъ, какъ о лучшемъ своемъ времени. Дубровникъ до паденія Цареграда находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ имперіею. Минуя чеховъ и ихъ попытки церковнаго единенія съ Цареградомъ въ XV в., припомнимъ, что Польша съ полов. XIV в., съ присоединеніемъ червоной Руси, стала страною отчасти православною, а со второй половины XV в., съ утвержденія личной уніи съ литовско-русскимъ княжествомъ, и въ особенности съ Люблинскаго сейма 1569 г., съ введенія реальной уніи, сдѣлалась государствомъ, страною, по числу жителей, болѣе православною, чѣмъ католическою. Да въ XVI в. и поляки-протестанты относились къ грекамъ съ сочувствіемъ и уваженіемъ.

Таковы разумныя внутреннія основанія, по которымъ терминъ греко-славянскій или славяно-греческій для міра Средняго, въ отличіе отъ міровъ романо-германскаго и собственно азіатскаго, не можетъ быть не считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, правильнымъ, основательнымъ.

При всей аналогіи греко-славянскаго или славяно-греческаго міра съ романо-германскимъ, — она проявляется особенно въ томъ, что въ каждомъ изъ нихъ одинъ изъ важнѣйшихъ этнологическихъ и культурныхъ элементовъ принадлежитъ къ народамъ классической древности,— нельзя за-

бывать и о нѣкоторыхъ важныхъ между ними различіяхъ. Латины, римляне не только доставили игемонію своему языку между этрусками и ближайшими своими сродичами италиками, но и такъ распространили его между туземцами Иберійскаго полуострова и Галліи, что огромнѣйшее ихъ большинство совершенно забыло свой родной и приняло языкъ завоевателей. Послѣдовавшія германскія завоеванія въ Италіи, Испаніи, Галліи ускорили нѣсколько паденіе грамматическаго строя, внесли болѣе или менѣе значительный запасъ словъ въ языки италиковъ и латинизованныхъ кельтовъ, не только не отдалили ихъ, но еще тѣснѣе сблизили ихъ между собою, такъ что языки итальянскій, испанскій, португальскій, французскій являются и въ средніе вѣка и въ наше время самыми схожими другъ съ другомъ родными братьями. До завоеванія римлянами Галліи и полуострова Иберійскаго, какъ ни родственны между собою языки латинскій и кельтскій, эти страны такъ никогда еще не были связаны между собою. Греки, главнѣйше вслѣдствіе крайней расчлененности своей территоріи и тѣсно съ нею связанной политической своей организаціи, несмотря на все богатство и великія преимущества свой образованности передъ римской, не могли, подобно римлянамъ, доставить своему языку такое прочное и полное господство среди чужихъ народовъ, своимъ числомъ значительно превышавшихъ количество грековъ, и въ чужихъ странахъ, своею площадью значительно превосходившихъ родину грековъ. Послѣ 1,400-лѣтняго паденія западной имперіи латинскій языкъ живетъ, развивается и процвѣтаетъ въ своихъ дѣтяхъ, языкахъ романскихъ, у 95 слишкомъ милліоновъ романцевъ, занимающихъ лучшую половину собственной Европы и господствующихъ на огромныхъ пространствахъ въ Новомъ Свѣтѣ. — Неизмѣримо болѣе развитой и богатый великими литературными памятниками, языкъ греческій, послѣ 438-лѣтняго паденія греческой имперіи, живетъ лишь въ одномъ сынѣ своемъ—языкѣ ново-греческомъ, распространенномъ только въ тѣсныхъ предѣлахъ маленькой территоріи 4-хъ—5-ти милліонной греческой народности. Греки не имѣютъ у себя такихъ братьевъ, какіе имѣютъ потомки и ближайшіе сродичи римлянъ, итальянцы—во французахъ, испанцахъ, португальцахъ. Отъ этого внутреннія отношенія двухъ главныхъ культурныхъ и этнологическихъ элементовъ въ мірѣ греко-славянскомъ

и въ мірѣ романо-германскомъ имѣютъ совершенно иной характеръ. Отношенія славянъ къ грекамъ во многомъ не похожи на отношенія германцевъ къ романцамъ. На 120 милліоновъ славянъ приходится лишь 4—5 милл. грековъ, а на 100 милл. германцевъ (съ англо-саксами) приходится слишкомъ 95 милл. романцевъ. Приблизительно то же отношеніе существовало и въ продолженіи среднихъ вѣковъ. Если оно когда значительно измѣнялось, то не въ пользу грековъ и не въ ущербъ славянъ, а скорѣе въ ущербъ германцевъ и въ пользу романцевъ. Такъ было въ средніе вѣка, въ XI—XV в., когда романцы имѣли свой колоніальный міръ на Левантѣ, а германцы далеко не довершили своихъ завоеваній на славянскомъ востокѣ. Эта малочисленность грековъ нисколько не отнимаетъ у нихъ права на очень видное, почетное мѣсто въ исторіи Средняго міра, такъ какъ во все существованіе восточной имперіи, особенно же до начала XIII в., до взятія Цареграда латинами, они имѣли громадное вліяніе, политическое и еще болѣе культурное, на значительнѣйшую часть славянскаго племени и на иныя ближайшія и дальнія страны и народности, на албанцевъ, румынъ, на сирійцевъ, армянъ, грузинъ и на прочіе народы Кавказа, Но эта малочисленность и такъ сказать сиротство грековъ, отъ неимѣнія у нихъ, какъ у итальянцевъ, ближайшихъ сродичей, дали совершенно другое направленіе тому просвѣтительному вліянію, какое имѣла древняя образованность на западѣ, на германцевъ, римская черезъ ея носителей романцевъ, на востокѣ—греческая черезъ грековъ — на славянъ и другія народности. Какъ ни далеки романскія нарѣчія отъ языка латинскаго, но онъ и въ настоящее время для романцевъ не есть языкъ совершенно чужой и мертвый. Даже для нынѣшнихъ французовъ, испанцевъ итальянцевъ это языкъ весьма близкій, сродный и легко усвоиваемый. Греческій же письменный языкъ до самаго взятія Цареграда турками былъ языкомъ совершенно чужимъ и мертвымъ для всѣхъ народовъ Средняго міра, за исключеніемъ развѣ однихъ лишь грековъ: для византійскихъ и новыхъ грековъ древній греческій языкъ (разныхъ періодовъ) былъ почти настолько же не мертвымъ и не чужимъ, какъ былъ для средневѣковыхъ и новыхъ романцевъ древній латинскій языкъ. Въ странахъ романскихъ — языкъ удобопонятный, латинскій языкъ легко могъ держаться въ теченіе вѣковъ, какъ языкъ

государства и церкви. Въ изученіи его чувствовали практическую надобность цѣлыя сословія и массы людей въ Италіи, Испаніи, Галліи. Это важное практическое значеніе латинскаго языка, вызывая его усиленное изученіе въ школахъ, поддерживало и распространяло на всемъ западѣ знакомство съ древнею римскою литературою, по крайности со многими важнѣйшими ея писателями. Мертвенность и несродность греческаго письменнаго языка для сирійцевъ, армянъ, грузинъ, славянъ и всѣхъ народовъ, частью входившихъ въ составъ греческой имперіи, частью подчиненныхъ ея государственному и церковному вліянію, помимо другихъ высшихъ соображеній, заставляла грековъ признавать права народныхъ языковъ и давать имъ большой просторъ въ церкви и въ государствѣ. Такимъ образомъ во всѣхъ странахъ не греческихъ въ изученіи греческаго языка чувствовали практическую надобность только нѣкоторыя одинокія личности, и то по преимуществу изъ высшихъ классовъ общества. Съ самаго начала среднихъ вѣковъ число школъ греческихъ было неизмѣримо меньше количества школъ латинскихъ, хотя по качеству греческое образованіе долгое время превосходило во многомъ современное ему латинское. Сначала германскія племена, завоевавшія Италію, Испанію, Галлію, Британію и нашедшія тамъ повсюду или отчасти латинскій языкъ, римское право и вообще многочисленные слѣды римской образованности, а потомъ и ихъ германскіе братья у себя на родинѣ, принявшіе отъ романцевъ христіанство и государственность, почувствовали такую же практическую надобность въ изученіи языка латинскаго, сдѣлавшагося на долгое время и у нихъ языкомъ церкви, школы и государства. Во множествѣ училищъ, временно увядавшихъ, но никогда совершенно не исчезавшихъ въ земляхъ романскихъ, германцы находили себѣ легкій доступъ къ тогдашнему высшему образованію и къ усвоенію древне-римской и римско-христіанской образованности, безъ особенныхъ затрудненій добывали себѣ цѣлые полки болѣе или менѣе опытныхъ учителей, готовыя руководства и стародавними преданіями и долголѣтнимъ навыкомъ выработанные пріемы обученія и образованія. Армяне, грузины, славяне восточной церкви въ ранней литературной обработкѣ своихъ языковъ, пріобрѣтшихъ, вскорѣ по принятіи этими народами христіанства, важное значеніе церковное и государственное, имѣли конечно видныя преимущества передъ

германцами, но не столько романцами: для нихъ языкъ латинскій былъ языкомъ близко родственнымъ. Надлежитъ впрочемъ замѣтить, что важное значеніе, пріобрѣтенное латинскимъ языкомъ въ жизни германцевъ, не исключало вовсе, какъ доказываютъ ранніе примѣры англо-саксовъ, нѣмцевъ и скандинавовъ, литературной обработки ихъ родныхъ нарѣчій. За то это значеніе латинскаго языка пріобщало ихъ прямо къ высшей современной образованности романской, къ древней римско-христіанской и классической римской. Тогда какъ у славянъ и другихъ народовъ, подчиненныхъ греческому вліянію, такое общеніе съ высшею греческою образованностью совершалось черезъ немногихъ переводчиковъ съ греческаго языка, знатоковъ коего у нихъ было тѣмъ менѣе, чѣмъ далѣе ихъ родины отстояли отъ центровъ греческаго образованія. Греческія школы, греческіе учителя, греческіе учебники, руководства и пріемы преподаванія могли приносить этимъ странамъ прямую пользу лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, или когда нѣкоторыя одинокія личности пріѣзжали учиться въ этихъ школахъ, у этихъ учителей или, что вообще бывало очень рѣдко, когда эти учителя, учебники и пріемы переносились въ эти страны. Вообще же армянское, грузинское и особенно славянское образованіе было предоставлено исключительно силамъ немногихъ образованныхъ въ Греціи или по гречески туземцевъ. Имѣя же передъ собой великое богатство греческой письменности и совершенную дѣвственность своей отечественной, они принуждены бывали довольствоваться удовлетвореніемъ самыхъ первыхъ потребностей своихъ народовъ, и прежде и болѣе всего занимались переводами Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ, писаній отеческихъ и разныхъ сводовъ церковныхъ правилъ и постановленій. Изъ массы переводовъ, до насъ дошедшихъ, нѣкоторые обличаютъ даже неумѣлость переводчиковъ и въ греческомъ языкѣ, и въ выборѣ книгъ для перевода. Во всякомъ случаѣ истинныхъ знатоковъ этого языка, даже между болгарами и сербами, а тѣмъ болѣе между русскими никогда не было особенно много, да и тѣ были слишкомъ завалены работами ближайшей практической важности и тяжелымъ трудомъ образованія пріемовъ и правилъ славянскихъ переводовъ, для того, чтобы могли посвящать свое время непосредственному изученію хотя важнѣйшихъ эллинскихъ классиковъ, коихъ греки въ своихъ школахъ не переставали тамъ и сямъ изучать и послѣ потери своей

независимости. Въ X, XI, XII вв. и тѣмъ паче позднѣе, мы находимъ между чистыми германцами не мало людей, что легко пишутъ по латыни и свободно и удачно цитуютъ цѣлыя мѣста изъ Овидія, Виргилія, Горація, обличаютъ близкое свое знакомство съ нѣкоторыми сочиненіями Т. Ливія, Саллюстія, Цезаря, Цицерона, Сенеки и пр. Вслѣдствіе такой разности значенія, какое имѣли въ средніе вѣка латинскій языкъ на западѣ у романцевъ и германцевъ и греческій языкъ на востокѣ у славянъ восточной церкви, развитіе образованности должно было подвигаться гораздо медленнѣе у послѣднихъ. Оно не могло не замедляться у нихъ еще и по другой важной причинѣ.— Непосредственное ихъ сосѣдство съ собственною Азіею поставило ихъ въ продолженіи вѣковъ въ ежедневныя можно сказать столкновенія съ ея хищниками—аварами, болгарами, хозарами, мадьярами, печенѣгами, половцами, монголами, татарами, турками, на борьбу съ коими многимъ и многимъ поколѣніямъ славянства, особенно восточнаго, приходилось, часто безо всякой надежды на успѣхъ, преимущественно посвящать всѣ лучшія свои силы. Послѣ побѣдъ Карла Мартелла и Карла В. надъ арабами и Оттона В. надъ мадьярами (955 г.), за исключеніемъ нѣкоторыхъ набѣговъ арабовъ въ Италію и грабежей африканскихъ пиратовъ въ Средиземномъ морѣ, романо-германскій западъ не имѣлъ у себя дома никакого дѣла съ азіатскими хищниками до конца XV в., когда османы, утвердившись въ Константинополѣ, нѣсколько разъ болѣе угрожали собственной Европѣ, чѣмъ дѣйствительно въ нее вторгались: владычество арабовъ въ Испаніи и Сициліи отличалось высокою образованностью. При наибольшихъ своихъ удачахъ они доходили только до нѣкоторыхъ крайнихъ пунктовъ восточныхъ окраинъ романо-германскихъ, и большую часть своихъ лучшихъ побѣдъ, какими хвалится Европа надъ османами, одержала она преимущественно же съ помощью славянъ и грековъ.

Не угрожаемые безпрестанно грабежами и вторженіями азіатскихъ хищниковъ, отъ которыхъ отдѣляла его плотная стѣна греко-славянскихъ населеній, романо-германцы могли раньше славянъ, особенно восточныхъ, развить свою самобытную образованность еще по слѣдующимъ важнымъ и отъ ихъ воли почти независѣвшимъ обстоятельствамъ. Въ то время, когда едва извѣстные современному образованному міру подъ своимъ именемъ славяне занимали страны, о коихъ лучшіе географы

Греціи и Рима имѣли самыя неопредѣленныя и ограниченныя свѣдѣнія, два главныя племени западнаго міра, кельты и германцы, уже вошли въ самыя разнообразныя и тѣсныя, непосредственныя, сношенія съ греками и римлянами, и цѣлыми столѣтіями раньше славянъ, главнаго племени Средняго міра, выступили на историческое поприще и были волею-неволею увлечены въ историческую жизнь главныхъ представителей тогдашняго историческаго просвѣщеннаго міра. Еще въ IV, III в. до Р. Х. кельты предпринимаютъ далекіе походы противъ римлянъ и грековъ и одерживаютъ надъ ними побѣды въ Италіи, Оракіи, Македоніи, Греціи и М. Азіи. Въ первыя полтараста лѣтъ нашего лѣтосчисленія, Испанія, Галлія, даже часть Британіи подчиняются римской образованности, покрываются римскими дорогами, каналами и водопроводами, амфитеатрами и цирками, великолѣпными дворцами и храмами, многочисленные остатки и слѣды коихъ понынѣ свидѣтельствуютъ о прочности римскихъ предпріятій и глубинѣ римскаго вліянія. Повсюду въ этихъ странахъ, просвѣщавшихъ потомъ германскія племена и земли, заводятся училища римскаго языка и краснорѣчія, прилежно изучается греческая и особенно римская литература. Наконецъ латинизованные иберы и кельты даютъ Риму лучшихъ ораторовъ и писателей: испанцы—Лукана, Марціала, Силія, Италика, Флора, Мелу, М. и Л. Сенекъ, Квинтиліана и пр.; галлы — П. Теренція Варрона, Корнелія Галла, Трога Помпея, Петронія Воціана Монтана, Домиція Афра и многихъ другихъ грамматиковъ, правовѣдовъ и риторовъ. Во II в. христіанство проникаетъ уже въ Испанію, Галлію, Британію (отъ грековъ изъ М. Азіи?), отчасти даже въ Германію (cisrhenana). Въ IV—V в. въ Испаніи, Галліи и Британіи христіанская церковь уже вполнѣ утвердилась, является развитая, образованная іерархія, со множествомъ епископовъ, имѣющихъ важное политическое значеніе и большое вліяніе на народъ, съ многочисленными мужскими и женскими монастырями, въ коихъ занимаются письменностью. Въ Италіи, Испаніи, Галліи происходятъ соборы по дѣламъ вѣры и церковнаго устройства, нерѣдко съ участіемъ африканскихъ и британскихъ епископовъ.

Гораздо позже кельтовъ выступивъ на историческое поприще, германцы все таки цѣлыми вѣками предваряютъ славянъ. Еще ранѣе, чѣмъ съ Цесаря, со II в. до Р. Х. начинаются непре-

рывныя столкновенія и сообщенія германцевъ съ Римомъ. При Августѣ на Рейнѣ въ нынѣшнихъ городахъ Базелѣ (Augusta Rauracorum), Страсбургѣ (Argentoratum), Шпейерѣ, Вормсѣ, Майнцѣ, Боннѣ, Кельнѣ сосредоточены болѣе или менѣе сильные римскіе гарнизоны и военные отряды, всегда имѣвшіе большое цивилизующее вліяніе на окрестныхъ варваровъ. Знаменитые пасынки императора Друзъ и Тиверій привлекаютъ къ союзу съ римлянами батавовъ, фризовъ, а противъ другихъ непокорныхъ племенъ Германіи предпринимаютъ походы, разбиваютъ катговъ и херусковъ и проникаютъ до устьевъ Эльбы. При Тиверіи, даровитый сынъ Друзовъ, Германикъ, смываетъ позоръ, нанесенный римскому оружію побѣдою вождя херусковъ надъ легіонами Вара въ лѣсу Тевтобургскомъ, между источниками Липпы и Эмса. Лѣтъ черезъ 50 по утвержденіи римлянъ на Рейнѣ, у нѣкоторыхъ знатныхъ германцевъ, не безъ римскаго вліянія, вошло въ обычай посылать дѣтей своихъ на ученье въ римскіе города или въ самый Римъ. И въ первые годы нашей эры мы встрѣчаемъ въ борьбѣ съ Римомъ за независимость двухъ германскихъ вождей, Германа и Маробуда, получившихъ римское образованіе, знакомыхъ съ военнымъ искусствомъ и съ политикою римлянъ, уже стремившихся объединить и сплотить раздробленныя племена германскія. Братъ Германовъ, Флавій является даже у нихъ горячимъ приверженцемъ римлянъ. Императоръ Августъ окружаетъ себя стражею германскихъ тѣлохранителей, а при его преемникахъ мы находимъ цѣлые легіоны, набранные изъ германцевъ. Во II в. по Р. Х. они рѣшительно начинаютъ свои наступательныя дѣйствія противъ римской имперіи, какъ оно ясно уже выразилось въ двухъ войнахъ маркоманновъ и квадовъ съ Маркомъ Авреліемъ (165—175 и 177—181 гг.). Въ войнахъ этихъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ причины видятъ для Рима начало конца, прибавляя, что послѣ борьбы съ Карѳагеномъ за всемірное господство, Римъ не имѣлъ ни одной войны, равной по своему значенію съ маркоманскою. Каракалла въ 213 г., въ бытность свою въ Майнцѣ, принужденъ принимать посольства различныхъ самыхъ отдаленныхъ германскихъ племенъ, даже съ береговъ Балтійскаго моря и устьевъ Эльбы. Въ 256—258 и 261—268 гг. готы, въ послѣдствіи при Германарихѣ (350—374 гг.), повелѣвавшіе славянами въ нынѣшней малой Руси и разными финнами въ нынѣшней

редней Россіи, предпринимаютъ изъ сѣвернаго Черноморья пустошительные набѣги и походы во Ѳракію, Македонію, Грецію М. Азію. Въ IV—V вв. гонимыя на-западъ гуннами, славянами и голодомъ, увлекаемыя страстью къ грабежамъ и легкостью завоеваній въ дряхлой имперіи, германскія племена торгаются во всѣ ея западныя провинціи, въ самую Италію, утверждаютъ въ нихъ свое господство и, по сверженіи Одоакромъ Ромула Августула (476 г.), кладутъ конецъ западной римской имперіи, основываютъ германскія королевства въ Италіи, Испаніи, Галліи, Британіи, принимаютъ христіанство, имѣютъ (готы) переводъ священнаго писанія.—Въ VI—VIII вв., когда только нѣкоторыя славянскія вѣтви на южныхъ и западныхъ окраинахъ нашего міра, вступаютъ въ ту пору дѣятельности, которая началась для значительной части германцевъ еще во I—III в., германцы управляются своими королями и живутъ въ государствахъ, нерѣдко сильно проникнутыхъ римскимъ духомъ и образованіемъ, имѣютъ свои сборники законовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ каноническаго и римскаго права, и своихъ лѣтописцевъ, болѣе или менѣе подражавшихъ своимъ предшественникамъ римлянамъ-христіанамъ, признаютъ имперію и верховную власть императора въ Константинополѣ. При относительной незначительности территоріи романо-германской, при сравнительномъ удобствѣ, еще въ средніе вѣка, морскихъ и сухопутныхъ сообщеній, открытыхъ и усовершенствованныхъ финикіанами, карѳагенцами, греками и римлянами, свѣдѣнія и идеи высшей римской и христіанской образованности, понемногу вбираемыя германскими племенами въ романизованныхъ земляхъ, или проповѣдуемыя имъ ирландцами, легко передавались нѣмецкимъ племенамъ внутри Германіи.—Первыя сколько нибудь подробныя историческія извѣстія о славянахъ относятся къ половинѣ и концу I вѣка. Іорданисъ, Прокопій, Маврикій, Менандръ и Ѳеофилактъ представляютъ намъ южныя вѣтви славянскія, безъ сомнѣнія наиболѣе ознакомившіяся съ образованностью, совершенно почти на той же степени развитія, на которой находились германцы Тацита. Переторженія и переселенія славянъ, антовъ, хорватовъ, сербовъ въ Мизію, Ѳракію, Македонію, Иллирикъ, Далмацію, Истрію и Италію въ VI—VIII вв. имѣютъ наибольшее сходство и аналогію съ такими происшествіями германской исторіи, которыя предварили ихъ цѣлыми вѣками, а именно съ нападеніемъ кимв-

ровъ и тевтоновъ на римлянъ во II в. до Р. Х., съ движеніями Аріовиста, Германа и Маробуда, также готовъ (въ III в. по Р. Х.).—Славянскій политическій союзъ подъ главенствомъ Само (627—662) представляетъ первую попытку западныхъ славянъ къ образованію государственнаго союза изъ нѣсколькихъ племенъ; аналогическое ему явленіе у германцевъ мы встрѣчаемъ въ херусскомъ союзѣ Германа, въ маркоманскомъ Маробуда, въ готской державѣ Германариха (въ IV в. по Р. Х.). Первые исторически извѣстные морскіе походы славянъ: походы и набѣги стримонцевъ, рунхиновъ — въ Архипелагѣ, неречанъ— на Адріатикѣ и лютичей—въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ въ VII—VIII в. были значительно предварены первыми исторически извѣстными морскими походами германцевъ, именно походами готовъ въ Малую Азію въ 256—258 и 261—268 годахъ.

Огромная часть романо-германскаго міра успѣла пережить вѣкъ Карла В., сплотиться въ величественную монархію, распасться на отдѣльныя государства и главныя національности; при всемъ своемъ несходствѣ, онѣ сохраняютъ однако общія руководящія идеи, начатки теорій папской и императорской власти, въ послѣдствіи развившіяся (въ XI в.) и господствовавшія затѣмъ въ западной Европѣ въ теченіе вѣковъ. Въ это время (въ IX—XI в.) у большинства славянъ:моравянъ, болгаръ, сербовъ, хорватовъ, чеховъ, поляковъ, русскихъ — полагались первые зачатки государственности и совершалось ихъ обращеніе въ христіанство, правда, благодаря дѣятельности свв. солунскихъ братьевъ и основанной ими славянской письменности, болѣе искреннее и прочное, чѣмъ болѣе раннее обращеніе большинства германцевъ (въ V—VI в.).

Вслѣдствіе такой разности историческихъ возрастовъ кельтовъ и германцевъ въ Европѣ и многочисленнѣйшаго и сильнѣйшаго элемента въ греко-славянскомъ мірѣ, т. е. славянъ, у послѣднихъ естественно должно было отставать передъ романо-германцами развитіе государственности и гражданственности, движеніе самобытной образованности. Не превосходству природныхъ дарованій, а гораздо болѣе раннему передъ славянами усвоенію многихъ началъ и результатовъ древней цивилизаціи и христіанскаго просвѣщенія, романо-германцы одолжены многими

своими успѣхами въ слишкомъ тысячелѣтней борьбѣ и соперничествѣ со славянствомъ [1]).

Успѣхи развитія славянской гражданственности, политической независимости и самобытной образованности встрѣтили еще двѣ сильнѣйшія преграды, въ теченіе столѣтій почти незнакомыя романо-германцамъ. Это именно непрерывная, многовѣковая борьба съ азіатскими хищниками и глубокая вѣроисповѣдная рознь, раздѣлившая славянство на два значительно враждебные другъ другу отдѣла. Сильная вѣроисповѣдная рознь явилась въ романо-германскомъ мірѣ только съ протестантствомъ. До начала же XVI в. всѣ главнѣйшія его національности имѣли за собою болѣе девяти вѣковъ общей церковной и культурной жизни. И только въ началѣ среднихъ вѣковъ до обращенія однихъ германскихъ племенъ изъ аріанства, а другихъ изъ язычества къ римскому католицизму, между романцами и германцами и внутри

---

[1]) И кельты и особенно германцы, по вступленіи своемъ на историческое поприще, долго еще, въ теченіе вѣковъ, ничего почти не производили самостоятельнаго, ничего особеннаго не давали для просвѣщенія. Литтре вообще вѣрно замѣтилъ: «Les Gaulois nous sont connus, par les écrivains grecs et latins, environ depuis l'an 600 avant l'ère chrétienne: durant ces six siècles qu'ils passent sous les yeux de l'histoire, jusqu'à leur incorporation dans l'empire romain, rien, à part des compositions druidiques qui, confiées à la mémoire seule, ne deviennent jamais la propriété de l'esprit humain, rien ne sortit de cette vaste multitude, si ce n'est un bruit d'armes et des essaims belliqueux, rien qui enrichit le trésor commun des choses belles et vraies; les aptitudes ne commencèrent à s'exercer que sous la discipline romaine; l'autonomie fut stérile. Un temps non moins long fut accordé aux Germains; l'histoire les connait positivement depuis l'invasion des Cimbres et des Teutons, et surtout depuis que la borne de l'empire fut plantée sur le Rhin; eux aussi, à part des chants qui ne sont pas conservés, n'eurent d'autres occupations que vivre et guerroyer; aucune grande oeuvre n'apparut dans leur domaine, et il fallut que la conquête de Charlemagne fît pour eux ce que la conquête de César avait fait pour le Gaulois. Et pourtant, ni d'un côté, ni de l'autre on n'accusera la race; Gaulois et Germains étaient ariens comme les Grecs et les Latins; leur langues obéissaient au même système grammatical; et d'ailleurs, l'avenir s'est chargé de prouver que les circonstances, non le fond, manquaient au développement. Dans la Gaule et la Germanie, les générations passèrent comme celle des chênes dans leurs forêts; c'était une vie de végétation, une vie de tribu, mais non une vie d'humanité. Tant que le but, si bien exprimé par le poëte romain: «*toti genitum se credere mundo*», ne suscite pas insciemment d'abord, consciemment ensuite, les nations, elles demeurent engourdies et inutiles, mais avides, si elles sont près de la civilisation, de porter les mains sur ses jouissances. Puis finalement, vaincues ou victorieuses, le résultat est le même, et elles sont subjuguées par l'ascendant dont elles deviennent à leur tour un nouvel et puissant organe». Littré, E. Etudes sur les barbares et le moyen âge. Trois éd. Paris. 1874. 87—88.

ихъ народностей не существовало религіознаго общенія и единства. Совершенно иное явленіе замѣчается въ племени славянскомъ. Въ періодъ обращенія его въ христіанство происходитъ отдѣленіе римскаго патріархата отъ единства вселенской церкви, и совершается церковный расколъ, который на тысячелѣтіе разорвавшій христіанское человѣчество на двѣ части, пропитавшій ихъ взаимнымъ недовѣріемъ, внутреннею враждою и часто глубокою ненавистію. Получивъ христіанство изъ Византіи и изъ Рима, кромѣ хорватской Далматіи и Истріи, преимущественно черезъ нѣмцевъ, славянскія народности, вопреки единству своего происхожденія и общности интересовъ по отношенію къ своимъ западнымъ и восточнымъ сосѣдямъ-иноплеменникамъ, раздѣляются почти при самомъ началѣ своей исторіи (съ к. XI в.) на два враждебные стана. Передъ западными славянами: далматинцами, хорватами, словѣнцами, чехами, поляками—чѣмъ болѣе они или удаляются отъ своего первобытнаго язычества или уже обращенные въ христіанство чѣмъ болѣе отступаютъ отъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій и чѣмъ сильнѣе подчиняются вліянію новопреобразованнаго, на основаніи подлоговъ (лжеисидоровыхъ декреталій и пр.), латинства [1]),—восточные ихъ соплеменники—болгаре, сербы, русскіе все рѣзче начинаютъ выступать въ томъ жалкомъ и ненавистномъ видѣ *схизматиковъ*, въ коемъ всегда старалась представлять римская курія непокорныхъ ей христіанъ восточныхъ. Эта церковная рознь оставила понынѣ глубочайшіе слѣды въ политической и культурной жизни славянскихъ народовъ. Она главнѣйше мѣшала столь близкимъ между собою народностямъ южно-славянскимъ, по языку, быту, нравамъ и мѣстамъ жительства—каковы сербы и хорваты,—соединиться въ одно политическое тѣло. Религіозный фанатизмъ нерѣдко обращалъ хорватовъ въ преданнѣйшее орудіе римско-нѣмецкой, іезуитско-австрійской политики противъ самыхъ дорогихъ и священныхъ интересовъ сербской народности. Оттого зачастую и въ новѣйшее время сербское большинство относится съ глубочайшимъ недовѣріемъ къ самымъ примирительнымъ и повидимому вполнѣ искреннимъ предложеніямъ услугъ и взаимо-

---

[1]) См. объ этомъ Döllinger, J. v. Das Papstthum. Neubearbeit von J. Friedrich. München. 1892, Ss. 35—79. Необходимо бы перевести этотъ прекрасный трудъ на польскій, чешскій, хорватскій языки.

твія со стороны тѣхъ или другихъ лицъ хорватскаго про-
жденія. Этотъ же фанатизмъ сквозитъ и во всѣхъ повиди-
чисто національныхъ и политическихъ увлеченіяхъ, кото-
высказывались такъ часто послѣ 1848 г. въ литературѣ и
асѣданіяхъ загребскаго собора представителями крайнихъ
дныхъ партій сербской и хорватской по вопросу, кого счи-
сербами и кого хорватами въ Триединомъ королевствѣ и
. Та же церковная рознь отравила на цѣлые вѣка совер-
ю естественную и законную борьбу двухъ сѣверныхъ сла-
кихъ народностей—русской и польской. Народныя названія:
аль, Москва и *ляхъ, Ляхва, Ляшня*, давно стали ненавист-
и именами для того и другого народа, именно потому,
онѣ издавна стали однозначительны названіямъ *схизма*,
матикъ и *католикъ* (см. «Гайдамаки» Шевченка): въ просто-
и даже на языкѣ общества — одно на Руси (преимуще-
но западной), а другое въ Польшѣ, слова эти имѣютъ обид-
и позорный смыслъ. Въ то время какъ въ литературѣ каж-
славянскаго народа вошло въ обычай, какъ непремѣнное
віе, называть всѣ народы славянскіе ихъ собственными име-
, поляки стали систематически употреблять слова *Rossianin*,
jski для великоруссовъ и слова *Rusin, ruski, Rus* для мало-
въ и бѣлорусовъ. Такое употребленіе возобладало сравни-
но недавно. Еще Мицкевичъ называлъ Петербургъ *русскою*
ицею, а не *россійскою*: «*ruskiej stolicy* jakież są początki»... Въ
в., когда малая и бѣлая Русь была соединена съ Поль-
, поляки могли же называть великую, сѣверную и восточ-
Русь, ея настоящимъ именемъ т. е. *Ruś, Русью* и народъ
uskim. Конечно, этимъ названіемъ rossijski языкъ, народъ
тличіе отъ *ruski*, поляки единства русскаго народа не
оргнутъ и развѣ могутъ вызывать въ насъ лишь извѣстную
ку. Но это все же характерно и рисуетъ отношенія: люди
цаютъ за нами право называть себя нашимъ старымъ обще-
днымъ именемъ.—Въ силу этой церковной розни и связаннаго
ею религіознаго фанатизма, въ сущности понятныя и естест-
ыя стремленія старой Рѣчи-Посполитой къ сліянію Литвы,
ой и Малой Руси съ Польшею и даже къ государственному
усъ Москвою вырождались въ самыя тяжкія преслѣдованія рус-
вѣры и народности, окончившіяся отложеніемъ Малороссіи и
ломъ Польши. Религіозныя страсти и по сіе время мѣшаютъ

главнѣйше полякамъ и русскимъ признать общность взаимныхъ ихъ славянскихъ интересовъ, напр. по отношенію къ германизму. Тѣмъ же фанатизмомъ окрашены, какъ и у сербовъ и хорватовъ, повидимому чисто-національныя и политическія увлеченія крайнихъ патріотовъ русскихъ и польскихъ, изъ коихъ одни высказывали иногда желаніе объ онѣмеченіи всей Польши по Вислу и доходили до отрицанія славянизма ляховъ, а другіе, какъ Духинскій и его послѣдователи, не признаютъ славянизма великорусовъ и требуютъ по этой причинѣ полнаго разрушенія русскаго государства. Въ культурномъ отношеніи эта церковная рознь отразилась на совершенно почти независимомъ другъ отъ друга развитіи славянскихъ письменностей съ латинскою и кирилловскою азбукою. Для восточныхъ славянъ даже въ настоящее время славянскія книги латинской печати, какъ для западныхъ—кирилловской, являются чѣмъ-то противнымъ и непріятнымъ, хотя напр. сербъ въ хорватской книгѣ, особенно нынѣшней, находитъ свой же родной языкъ, а русскій не встрѣчаетъ никакого затрудненія читать французскія, англійскія и нѣмецкія книги; точно также и хорватъ, не читая сербскихъ, а полякъ—русскихъ книгъ... отказываются отъ одного изъ важнѣйшихъ пособій для близкаго познанія своей родины, какъ въ прошломъ, такъ и настоящемъ. — Расколовъ все славянство на двѣ половины, восточную и западную, эта церковная рознь сильно мѣшала быстрому и успѣшному распространенію у славянъ восточныхъ той высшей образованности, что̀ принялась и развилась было у западныхъ славянъ въ XV, XVI, XVII вв. подъ вліяніемъ гуситства, возрожденія наукъ и реформаціи, пока не замерла подъ вліяніемъ іезуитовъ и проведенныхъ реформъ Тридентскаго собора. По сосѣдству народовъ и близости ихъ языковъ, эта образованность легко бы могла быть усвоена ихъ восточными братьями.—Такихъ задерживающихъ и замедляющихъ развитіе просвѣщенія обстоятельствъ не знали почти вовсе романо-германцы въ продолженіе по крайней мѣрѣ семи-восьми столѣтій, ибо сектъ и ересей, бывшихъ за это время довольно много въ западной Европѣ, не мало было и на востокѣ, въ Среднемъ мірѣ.

Къ важнымъ же отличительнымъ особенностямъ греко-славянскаго востока отъ романо-германскаго запада слѣдуетъ отнести и два характерныхъ этнографическихъ явленія. Это

во-первыхъ множество и разнообразіе инородческихъ элементовъ, входящихъ въ составъ греко-славянскаго міра, чего вовсе не замѣчается въ историческое время въ романо-германской Европѣ и что имѣется лишь у романо-германцевъ Новаго Свѣта, а также въ Азіи и Африкѣ, и во-вторыхъ крайняя неравномѣрность естественныхъ составныхъ частей, на которыя распадается, въ совершенную противоположность западу, господствующая племенная стихія на нашемъ востокѣ. На западѣ господствуютъ два племени: романское и германское, каждое приблизительно считаетъ по 95—100 милл. душъ и распадается на 3 довольно равномѣрныя группы: романцы на французовъ—38 милліоновъ, итальянцевъ—30 милліоновъ слишкомъ, испанцы—17½ милл. слишкомъ, португальцы—около 5 милл., германцы на нѣмцевъ—50 милл., великобританцевъ—35 слишкомъ милл. и скандинавовъ—9 милл. Видимая невыгода скандинавовъ значительно ослабляется обширностью занимаемой ими территоріи (803,989 квдр. кил.), которая слишкомъ въ 2½ раза болѣе территоріи Великобританіи, значительно превосходитъ и территорію германской имперіи (540,514 квадратныхъ кил.). Нидерланды и фламандская часть Бельгіи составляютъ столь же независимыя отъ Германіи въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ величины, какъ и скандинавскія земли, и скорѣе могутъ быть относимы къ одному порядку съ послѣдними. Такимъ образомъ получимъ на 50 милл. нѣмцевъ — 4.500,000 слишкомъ голландцевъ, свыше 3.000,000 бельгійскихъ фламандцевъ и 9 слишкомъ милл. скандинавовъ, всего до 17 милл. скандинавовъ и нижнихъ нѣмцевъ. Приложивъ къ 803,989 квадр. кил. скандинавской территоріи слишкомъ 32,841 квадр. кил. голландской территоріи и принявъ въ разсчетъ обширныя, не малонадежныя, не проблематическія, голландскія и небольшія датскія колоніи и всякое почти отсутствіе настоящихъ, вѣрныхъ, прочныхъ колоній у Германіи, мы получимъ довольно равномѣрное распредѣленіе составныхъ частей германскаго племени, сравнительно съ романскимъ.

Совершенно иныя отношенія замѣчаются внутри славянскаго племени, которое одно составляетъ рѣшительно преобладающій и господствующій этническій элементъ въ мірѣ греко-славянскомъ. Тутъ мы имѣемъ: до 12 милл. поляковъ, до 6 милліоновъ чехоморавянъ (съ серболужичанами), 7 милл. слишкомъ сербовъ и хор-

ватовъ, до 5 милл. болгаръ, до 2 милл. словаковъ, 1.500,000 словѣнцевъ и до 70 милл. русскихъ. За изъятіемъ 3 милл. своихъ галицкихъ, угорскихъ и буковинскихъ братьевъ, находящихся въ самомъ печальномъ, угнетенномъ положеніи (отъ поляковъ, мадьяръ, нѣмцевъ, евреевъ), русскій народъ образуетъ собою господствующаго движителя и распорядителя судебъ великой міровой державы въ 22.639,001 квадр. кил. и съ 115—120 милл. жителей, а всѣ прочіе славяне, за исключеніемъ развѣ 2 милл. сербовъ въ королевствѣ, 180 тыс. черногорцевъ и 2-хъ слишкомъ милліоновъ болгаръ въ своихъ княжествахъ, находятся въ болѣе или менѣе тяжелой зависимости политической и культурной отъ нѣмцевъ, итальянцевъ, мадьяръ и турокъ. Народности чешская, польская, сербохорватская имѣютъ правда обработанные литературные языки и въ извѣстной степени далеко не бѣдныя словесности, но, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, а также своей малочисленности, отчасти и болѣе слабой культуры, онѣ поставлены въ невыгоднѣйшее положеніе, чѣмъ самыя малыя національности романо-германскія, напр. голландская, шведская, датская и португальская, или нѣкоторыя иноплеменныя народности въ мірѣ греко-славянскомъ, какъ мадьяры, румыны, греки. Языки: польскій, чешскій, сербо-хорватскій не могутъ съ успѣхомъ бороться, первый противъ языковъ: нѣмецкаго (въ Пруссіи и даже въ Австріи), чешскій противъ нѣмецкаго, сербо-хорватскій противъ нѣмецкаго, итальянскаго (въ Горицкомъ графствѣ, Истріи, Далматіи и въ видемскомъ округѣ сѣв. Италіи) и мадьярскаго. Еще несравненно невыгоднѣе положеніе нарѣчій болгарскаго, словѣнскаго и словенскаго (словацкаго). Литературная обработка этихъ бѣдныхъ словесностями нарѣчій приноситъ конечно большую пользу въ смыслѣ пробужденія славянскаго самосознанія въ массахъ народныхъ, но не даетъ возможности отдѣльнымъ образованнымъ людямъ изъ среды этихъ народностей обходиться въ ежедневной практической и теоретической дѣятельности безъ языковъ итальянскаго и особенно нѣмецкаго. Всѣ не-русскіе славяне безъ исключенія, если сколько нибудь примыкаютъ къ такъ называемой интеллигенціи, принуждены быть, какъ говорилось у римлянъ, bilingues или trilingues. Не владѣя совершенно свободно, устно и письменно, однимъ или двумя иностранными языками, эти славяне не могутъ ни достичь сколько нибудь высшаго образованія, ни употребить своихъ способностей на

какомъ нибудь поприщѣ, мало-мальски возвышающемся надъ поприщемъ простого селянина или ремесленника, мелкаго торговца, деревенскаго учителя и причетника. При общей воинской повинности и при необходимости искать заработковъ въ нѣмецкихъ городахъ и провинціяхъ Австріи, нѣмецкая рѣчь неудержимо распространяется и въ славянскомъ простонародьѣ Австро-Венгріи.

И только у сербовъ, болгаръ и русскихъ поляковъ, знающихъ въ совершенствѣ по-русски, этотъ второй, усвоенный, какъ родной, языкъ — есть языкъ славянскій; для большинства же славянъ этотъ второй, а нерѣдко и третій языкъ (нѣмецкій и итальянскій, нѣмецкій и мадьярскій, греческій, турецкій, румынскій (для турецкихъ и румынскихъ болгаръ) обыкновенно принадлежитъ той національности, которая тѣснитъ и давитъ его родную, славянскую народность. Такое усвоеніе нѣмецкаго языка прусскими и австрійскими поляками, чехами, словѣнцами, итальянскаго—словѣнцами и сербо-хорватами въ Истріи и Далмаціи, мадьярскаго—словаками, сербами и хорватами въ Венгріи, также греческаго и турецкаго болгарами въ Турціи или румынскаго въ Румыніи—есть чаще всего усвоеніе недобровольное, а принудительное, не свободное, а обязательное. Такое обязательное усвоеніе чужого языка, не будучи обоюднымъ, обличаетъ прямую подчиненность и зависимость одной народности отъ другой. Одни въ цѣломъ славянствѣ мы, русскіе, въ изученіи иностранныхъ языковъ пользуемся полною свободою избирать себѣ по вкусу и произволу усвоеніе того или другого, или третьяго изъ богатыхъ европейскихъ языковъ (англійскаго, французскаго, или нѣмецкаго), или всѣхъ трехъ языковъ вмѣстѣ. Кромѣ владычества капризной и вѣчно мѣняющейся моды или собственнаго нашего желанія, ничто не обязываетъ насъ гоняться за изящностью иностраннаго выговора, за чистотою и красотою выраженій. Огромнѣйшее большинство истинно-образованныхъ русскихъ людей, настоящей умственной аристократіи Россіи, что̀ богатитъ русскую литературу и созидаетъ русскую науку,—выучивается новѣйшимъ языкамъ не у иностранныхъ боннъ, гувернантокъ и гувернеровъ, не въ раннемъ дѣтствѣ, а въ поздніе годы, часто во время ученыхъ занятій своихъ въ иностранныхъ университетахъ, рѣдко отличается чистотою произношенія, да еще рѣже усваиваетъ себѣ иностранные

языки насколько, чтобъ умѣть свободно говорить и писать на нихъ. Словомъ, огромнѣйшее большинство русскихъ образованныхъ людей изучаетъ новѣйшіе иностранные языки главнѣйше, если не исключительно, какъ языки мертвые, для ознакомленія съ ихъ богатыми литературами и для чтенія въ подлинникахъ замѣчательныхъ произведеній ихъ словесностей и науки. Въ этой обязательности усвоенія нами языковъ иностранныхъ нѣтъ ничего внѣшне-принудительнаго. Тутъ нѣтъ ничего сходнаго съ изученіемъ нѣмецкаго языка австрійскимъ или прусскимъ славянином. Тотъ долженъ, по законамъ страны, волею-неволею изучать языкъ нѣмецкій, и прежде всего какъ языкъ государственный, какъ языкъ правительственный и оффиціальный, на которомъ говорятъ съ его народомъ органы власти и всѣ высшія государственныя учрежденія. Тутъ богатство литературы и культурное значеніе языка является уже на второмъ планѣ. Такъ для славянъ венгерскихъ и турецкихъ становится все болѣе обязательнымъ изученіе языковъ мадьярскаго и турецкаго, что лишены большаго культурнаго значенія и сами по себѣ любопытны только для немногихъ ученыхъ спеціалистовъ. Только для славянина русскаго его родной, славянскій языкъ есть вмѣстѣ и языкъ культурный и языкъ государственный. Языкъ верховной власти и двора, правительства и государственныхъ учрежденій, суда, арміи, флота, русскій языкъ самъ обязателенъ для усвоенія милліонамъ инородческихъ подданныхъ русской имперіи, представителей самыхъ разнообразныхъ племенъ. Нѣмецъ, литовецъ, румынъ, грекъ, финнъ, калмыкъ, татаринъ, армянинъ, грузинъ, черкесъ, осетинъ, киргизъ, бурятъ, тунгусъ — всѣ эти разноплеменные подданные русскаго государства, пройдя черезъ русскую школу, усвоивъ себѣ русскій языкъ, пріобрѣтаютъ себѣ общій органъ взаимнаго пониманія, получаютъ средства дѣйствовать на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ громадной міровой державы, шестой части свѣта. Въ это время родственные русскому языки славянскіе, за исключеніемъ Сербіи, Черногоріи, Болгаріи, отчасти Хорватіи и Славоніи, не пользуются даже на своихъ небольшихъ территоріяхъ полными правами гражданства, какими обладаютъ, напр., на западѣ, народности самыя малочисленныя: португальцы, голландцы, датчане... Таково неравенство отношеній между русскими и прочими славянами. Въ этомъ случаѣ сла-

янство не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ племенами оманскимъ и германскимъ. Романское племя походило бы тогда ишь на славянство, когда бы, напримѣръ, при современной ранціи, вмѣсто Италіи и Испаніи, было шесть, семь Португалій или Бельгій, съ особыми нарѣчіями и словесностями, съ акими же, какъ и у славянъ, иноплеменными клиньями, и съ акою же неровною борьбою противъ шести враждебныхъ или оперническихъ племенъ (нѣмцы, итальянцы, мадьяры, румыны, реки, турки). Точно также и германское племя только бы огда походило въ этомъ отношеніи на славянство, когда бы, напримѣръ, не было вовсе англо-саксовъ, а были бы одни нынѣшніе нѣмцы сильной германской имперіи, и она была бы кружена шестью Швеціями, Даніями, Голландіями, и не въ ихъ астоящихъ условіяхъ, а въ похожихъ на современные порядки западныхъ и южныхъ славянъ. Еще также можно бы было приравнивать положеніе германскаго племени къ положенію славянскаго, если бы существовало одно сильное англо-саксонское племя, а вмѣсто нынѣшней Германіи было бы шесть различныхъ племенъ, въ родѣ норвежцевъ, шведовъ и датчанъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе сильными и враждебными иноплеменниками.

Нельзя не отмѣтить еще слѣдующей въ высшей степени важной въ культурномъ отношеніи разницы между составными, преобладающими и заправляющими элементами на романо-германскомъ западѣ и на греко-славянскомъ востокѣ. Какъ новая итальянская народность и ея языкъ представляютъ собою прямого потомка древнихъ латинянъ и римлянъ республики и первыхъ вѣковъ имперіи, такъ новогреческая народность и ея языкъ—потомковъ древнихъ эллиновъ. Если новые греки болѣе или менѣе смѣшались со славянами и албанцами, то новые итальянцы еще болѣе приняли въ себя элементовъ германскихъ (готы, лангобарды и пр.). Но не всѣ итальянцы происходятъ отъ древнихъ италиковъ, ближайшихъ сродниковъ древнимъ латинамъ и римлянамъ, а не немногіе изъ нихъ ведутъ свой родъ отъ кельтовъ и отъ иллировъ (венетовъ?). Итальянцы по своему языку уже втеченіе слишкомъ тысячи лѣтъ такіе же романцы, какъ испанцы, французы, романцы, и къ нимъ они стали ближе, съ ними даже сроднѣе, чѣмъ съ древними римлянами, а эти испанцы, французы — олатиненные иберы, галлы, съ сильными примѣсями германскими. Новые же греки исключительно, всецѣло, чище представляютъ собою сохранившуюся

[illegible] —Сла-[illegible] собою такой [illegible] элементъ. [illegible] почти [illegible] роман-[illegible] часть сред-ней и [illegible] Европы. а германцы—часть средней и весь европейскій сѣверъ, вообще гораздо болѣе умѣренный, болѣе теплый и несравненно болѣе культурный, чѣмъ сѣверъ греко-славянскій. И такъ романцы—преимущественно южане и частью средне-европейцы, германцы-же—преимущественно сѣверяне и частью средне-европейцы. Славяне же не только сѣверяне, и притомъ въ несравненно болѣе строгомъ смыслѣ слова, чѣмъ сѣверные европейцы (германцы). но и также, какъ среднiе германцы и отчасти романцы (французы), жители среднихъ умѣренныхъ странъ, и какъ одни романцы (итальянцы, испанцы) также чистые южане (въ южной Далматіи. Герцоговинѣ, Черной Горѣ, въ южной Болгаріи, въ турецкой Ѳракіи и Македоніи и въ южныхъ краяхъ Россіи, европейской и азіатской).

Русскій народъ и его языкъ преобладаетъ численно, пространственно и духовно не только въ племени славянскомъ, но и въ цѣломъ греко-славянскомъ мірѣ, не только между родственными ему народами и языками, но и всѣми единовѣрческими и иновѣрческими инородцами, живущими въ предѣлахъ, нашего міра. Разумѣемъ грековъ, албанцевъ, румынъ, армянъ, грузинъ, различныя кавказскія племена, нѣмцевъ, литовцевъ, латышей, мадьяръ, турокъ, различныя иранскія, финскія, татар-

скія и турецкія племена, вошедшія въ составъ русской имперіи или живущія рядомъ со славянами и греками въ предѣлахъ нынѣшнихъ Австро-Венгріи, Турціи, Болгаріи, Греціи. Съ развитіемъ русской образованности, съ увеличеніемъ желѣзныхъ дорогъ и усиленіемъ внѣшней и внутренней торговли Россіи, знаніе русскаго языка все болѣе и болѣе должно распространяться у всѣхъ этихъ племенъ, и безъ сомнѣнія все глубже будетъ проникать на западъ, въ Европу, и на югъ и востокъ въ нынѣшнюю Азіатскую Турцію, Персію, Авганистанъ, вост. Туркестанъ, Китай и Японію. Но и въ настоящее время, при всемъ этомъ пестромъ разнообразіи племенъ, въ мірѣ греко-славянскомъ все таки преобладаетъ общее надъ частнымъ, начало единства надъ началомъ разнообразія. Носитель начала общаго и единства, славянство, особенно въ лицѣ русскаго народа, представляетъ собою какъ бы громадный крѣпкій кряжъ или стволъ, а всѣ прочія инородческія племена нашего міра являются какъ бы его вѣтвями. Численно, пространственно и духовно преобладаетъ въ мірѣ греко-славянскомъ одно племя славянское, а въ немъ и черезъ него—одинъ народъ и языкъ русскій. Напротивъ того, въ мірѣ романо-германскомъ равно господствуютъ два племени: романское и германское, а въ каждомъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ по два народа и языка пользуются всемірно-историческимъ значеніемъ: французы и испанцы съ своими колоніями въ Новомъ Свѣтѣ, нѣмцы и англичане съ ихъ языками и литературами. Въ нашемъ грекославянскомъ мірѣ нѣтъ и на цѣлые вѣка не можетъ явиться даже той двойственности, что была въ римской имперіи и выражалась въ ней господствомъ греческаго языка и образованности на востокѣ, латинскаго на западѣ. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ такой національности и образованности, нѣтъ такого языка, что могли бы теперь и въ болѣе или менѣе далекомъ, сколько нибудь предвидимомъ или вообразимомъ будущемъ оспаривать первенство, преобладаніе и господство у русской національности и образованности, у русскаго языка.

Таковы главнѣйшія отличительныя особенности міра грекославянскаго отъ міра романо-германскаго или собственной Европы. Если послѣдній справедливо можетъ быть названъ по преимуществу міромъ настоящаго, міромъ наличнаго могущества и величія, міромъ зрѣлаго мужества и отчасти гдѣ наступающей, гдѣ по видимому наступившей уже старости, въ отли-

чіе отъ міра собственно-азіатскаго, этого міра прдошешаго по преимуществу, міра дряхлой древности, политической и культурной зависимости, то міръ греко-славянскій, въ отличіе отъ этихъ обоихъ міровъ, часто называется, наравнѣ съ англо-саксонскимъ міромъ Новаго Свѣта, міромъ будущаго по преимуществу, или быть можетъ правильнѣе названъ міромъ болѣе или менѣе горькаго и непригляднаго настоящаго, исполненнымъ однако надеждъ, чаяній и упованій, далеко не безъосновательныхъ, но всячески трудно осуществимыхъ, при извѣстныхъ лишь, внутреннихъ и внѣшнихъ, вообще не простыхъ, а довольно сложныхъ и частью даже весьма тяжкихъ, условіяхъ.

Въ заключеніе попытаемся оправдать принятое нами дѣленіе азійско-европейскаго материка, сличеніемъ нашего съ другими наличными дѣленіями, не скроемъ наконецъ и тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, коими обставлена вся тягость перехода нашего міра изъ нынѣшняго полумрака въ возможное свѣтлое будущее.

Вѣрность принятаго нами дѣленія азійско-европейскаго материка или исторіи древней, средней и отчасти новой (ибо въ новую исторію привходитъ уже колоніальный міръ Новаго Свѣта)— подтверждается сравненіемъ этого дѣленія съ другими обиходными и употребительными дѣленіями, гораздо менѣе удовлетворительными. Тутъ заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ три воззрѣнія, что одинаково признаютъ въ ней не тройственность, а двойственность, согласно отрицая, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія, самостоятельность выдвигаемаго нами третьяго, Средняго міра, названнаго нами греко-славянскимъ.

Первое воззрѣніе, глубоко распространенное въ Европѣ и легшее въ основу цѣлыхъ историческихъ курсовъ, считаетъ прямою противуположностью собственной Азіи и настоящимъ ея антагонистомъ — одинъ только міръ романо-германскій. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, ново-европейская образованность, основанная на началахъ христіанскихъ и древне-классическихъ, есть исключительное созданіе народностей романо-германскихъ. Греки среднихъ вѣковъ и славяне не принимали де въ ней дѣятельнаго участія. Они де не представляютъ собою ничего самобытнаго и опредѣленнаго и, по своей исторической жизни, принадлежатъ то къ Востоку, то къ Западу, подчиняясь политически и культурно то Азіи, то Европѣ.

Если первое воззрѣніе утвердилось наиболѣе въ Германіи, особенно протестантской, то второе распространено наиболѣе во Франціи и вообще въ странахъ романскихъ. По этому второму воззрѣнію необходимо выдѣлять грековъ и славянъ восточныхъ отъ славянъ западныхъ, принявшихъ римское католичество. Одни принадлежатъ къ востоку, вслѣдствіе де всецѣлаго возобладанія въ ихъ искаженномъ, схизматическомъ христіанствѣ началъ и формъ азіатскаго деспотизма. Другіе же, т. е. западные славяне, вѣрныя чада римской церкви принадлежатъ Западу и Европѣ. Пріобщась ея благодати, они участвовали въ развитіи ея образованности. Съ этимъ воззрѣніемъ тѣсно связаны успѣхи въ Европѣ новѣйшаго ученія Духинскаго о туранствѣ великорусовъ.

Третье воззрѣніе значительно рознится отъ предыдущихъ. Оно тоже принимаетъ двойственное дѣленіе азійско-европейскаго человѣчества на Востокъ и Западъ, но въ отличіе отъ двухъ первыхъ сильно распространяетъ понятіе Запада, включая въ него цѣлые отдѣлы міра собственно азіатскаго. Это воззрѣніе высказано было знаменитымъ нашимъ синологомъ, высокодаровитымъ, глубоко-ученымъ профессоромъ В. П. Васильевымъ. По его мнѣнію, азійско-европейскій материкъ раздѣляется почти на двѣ равныя части, «жившія до новѣйшаго времени своею особенною жизнью, рѣдко между собою сталкивавшіяся, но зато въ своихъ столкновеніяхъ проявлявшія истинно міровыя событія». Востокомъ-де слѣдуетъ называть собственно страны, лежащія за Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Индомъ. Такимъ образомъ не только древніе египтяне, финикіяне, вавилоняне и евреи, но и средневѣковые арабы, и весь новѣйшій мусульманскій міръ принадлежатъ не къ Востоку, а къ Западу. Отличительною культурною особенностью Запада отъ Востока является религіозный фанатизмъ. Онъ «конечно есть недостатокъ Запада, но онъ же поддерживаетъ и духъ на извѣстной степени напряженія, и этому-то напряженію западъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ». «Вооруженный фанатизмъ до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ религіямъ Востока» [1]).

Не отрицаемъ, что собственная Азія въ свою очередь раздѣ-

---

[1]) Религіи Востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. В. П. Васильева. (Ж. М. Нар. Пр. Чч. CLXVI—CLXVII. 1873. С. 246 и сл.).

лена быть можетъ и даже должна (до III—IV в. до Р. Х. по крайности) на два отдѣла или міра, юго-западный и восточный и средній.

Если браманизмъ отличался фанатизмомъ, то едва ли можно въ немъ уличить буддизмъ, «*западную*» же религію.

Да и настоящему христіанству, ученію Христа, апостоловъ и ихъ вѣрныхъ послѣдователей—фанатизмъ религіозный глубоко противенъ; въ этомъ отношеніи оно рѣзко отличается отъ магометанства.

Есть еще четвертое воззрѣніе, отличное отъ трехъ предъидущихъ. Оно принимаетъ не двойственное, а тройственное дѣленіе азійско-европейскаго материка. Оно принадлежитъ извѣстному даровитому нѣмецкому ученому Шлецеру, занимающему такое видное мѣсто въ русской исторіографіи. Отдѣляя Востокъ отъ Запада, Азію отъ Европы и взявъ за граничную черту рѣки Эльбу и Дунай, Шлецеръ признаетъ необходимымъ раздѣлять собственно европейскій міръ на двѣ части, на южную, по ту, и на сѣверную, по эту сторону этихъ рѣкъ. «Такое дѣленіе европейской исторіи, по словамъ Шлецера, имѣетъ свою пользу и основаніе, во первыхъ въ хронологіи, ибо тутъ именно кончался міръ, извѣстный древнимъ, и во вторыхъ въ этнографіи, ибо на этомъ обширномъ пространствѣ, отъ устьевъ Травны почти непрерывно до устьевъ Дуная, жилъ народъ одного племени, славяне или венды, хотя съ теченіемъ времени они перемѣнили свои жилища, подвинулись далѣе на югъ за Дунай, и въ Иллиріи, Далматіи, Хорватіи, Босніи и пр. образовали государства, но на сѣверѣ нѣмцами были далеко оттѣснены за Эльбу и даже истреблены. Эти славяне безспорно народъ сѣверный. И какъ метода требовала разсмотрѣнія всѣхъ вѣтвей одного племени въ совокупности, то поэтому не только Венгрія, но и разныя другія, болѣе южныя славянскія земли, нѣкогда независимыя, а потомъ присоединенныя къ венгерскому, турецкому и венеціанскому государствамъ, одинаково принадлежатъ къ сѣверной исторіи (?). Хотя въ этихъ странахъ воздухъ и климатъ южные, но жители ихъ сѣверяне (?), и обстоятельства ихъ жизни болѣе связаны съ сѣверною (съ Византіею?), чѣмъ съ южною европейскою исторіею; изъ подобныхъ же причинъ отчасти очень сѣверная Британія остается въ отдѣлѣ южной исторіи» (?).—«Относительно объема сѣверной исторіи, я рѣшился, говоритъ Шлецеръ на одно нововведеніе, облегченное мнѣ новѣйшими открытіями

русскихъ и французскихъ ученыхъ: я включилъ въ нее Сибирь, азіатскій сѣверъ. Полнота системы требовала, по моему, такого нововведенія. Европейскій сѣверъ населенъ такими племенами, которыя, какъ финны и самоѣды, далеко простираются въ Азію. Въ средніе вѣка онъ получалъ множество переселенцевъ изъ Азіи, испыталъ перевороты, ближайшіе поводы или отдаленнѣйшія причины которыхъ заключаются далеко внѣ его границъ и отмѣчены въ азіатскихъ лѣтописяхъ. Иначе сѣверная исторія оканчивалась бы Дономъ и Ураломъ, теперь же она простирается за Каспійское море до Монголіи и предѣловъ Китая». Шлецеръ отмѣтилъ также, что главный народъ этой сѣверной части Европы славяне. «Славянская исторія огромнаго объема, начинается въ V в. по Р. Х. и непрерывно продолжается до нашего времени, перекрещиваетъ значительную часть прочей европейской и азіатской исторіи и, по нынѣшней системѣ государствъ, составляетъ самую занимательную часть сѣверной исторіи. Послѣ арабовъ, господствовавшихъ отъ Малакки до Лиссабона, я не знаю другого народа, который бы такъ далеко распространилъ свое могущество и свои колоніи. Отъ Дубровника на Адріатическомъ морѣ на сѣверъ до моря Ледовитаго, направо до Камчатки, въ сосѣдствѣ Японіи, и налѣво до Балтики, вездѣ находимъ славянскіе народы частью господствующими, частью служащими другимъ народамъ» [1]).

Отмѣтимъ вкратцѣ тѣ существенные и строгіе признаки, что́ не позволяютъ смѣшивать съ собственно-азіатскимъ міромъ ни части, ни всего міра греко-славянскаго, какъ это ошибочно до-

---

[1]) Не считаемъ нужнымъ останавливаться на явно ложномъ мнѣніи Реклю (Геогр. Евр., Грецiя) и нѣк. другихъ французовъ, соединяющихъ грековъ въ одинъ міръ съ латинскою расою. И въ древности и, тѣмъ болѣе еще, въ средніе вѣка и въ новое время греки составляютъ во многомъ рѣзкую противуположность съ римлянами, а затѣмъ съ латинами: итальянцами, французами и испанцами. Для сего довольно вспомнить отношеніе грековъ къ папскому Риму, латинскую имперію въ Константинополѣ, различныя венеціанскія и другія латинскія владѣнія въ земляхъ греческихъ. Главнѣйшіе успѣхи турокъ османовъ на такъ называемомъ у латинянъ Левантѣ объясняются именно народною и религіозною враждою грековъ къ латинскому духовенству, дворянству и купечеству. См. нашу книгу: Secrets d'état de la république de Venise. S. Pétersbourg. 1883. Вообще грековъ нельзя отдѣлять ни въ средней, ни въ новой исторіи отъ славянъ. Какъ романцы съ германцами, такъ греки со славянами составляютъ особые міры особые отдѣлы арійско-христіанскаго человѣчества.

пускаютъ два первыхъ воззрѣнія, ни простирать границы запада такъ далеко на востокъ, какъ это дѣлаетъ проф. Васильевъ. Онъ впадаетъ въ противуположную крайность двумъ первымъ воззрѣніямъ, что́ слишкомъ стѣсняютъ предѣлы и дѣятельность арійско-христіанскаго человѣчества и простираютъ границы собственной Азіи слишкомъ далеко на Западъ.

Соединяя или смѣшивая греко-славянскій Востокъ съ азіатскимъ, смѣшиваютъ двухъ стародавнихъ противниковъ не въ частностяхъ, а по существу, два разные культурно-историческіе міра. Ихъ упорная борьба является въ исторіи съ чертами, можетъ быть еще болѣе крупными и величавыми, чѣмъ борьба романо-германцевъ съ азіатами. Безъ Византіи Юстиніана I или Велисарія, Ираклія, императоровъ-иконоборцевъ, Никифора Фоки, Цимисхія, Василія Бомаробойцы и Комниновъ, безъ древней и новой Россіи, какъ съузился бы театръ борьбы запада съ востокомъ, христіанства съ Азіею, какъ бы проиграла и умалилась въ своемъ значеніи дѣйствительно величавая и многознаменательная борьба христіанско-арійскаго человѣчества съ мусульманствомъ и съ азіатскимъ хищничествомъ. Безъ исторіи восточной церкви съ ея ученіемъ, сектами, расколами, съ ея нравственными идеалами и образцами подвижничества, съ ея проповѣдью и вліяніемъ на образованность и гражданственность цѣлыхъ странъ и народовъ, исторія европейской образованности, существенно христіанской, должна страшно оскудѣть и представить ничѣмъ незамѣнимые пробѣлы. Отдѣляя славянъ западныхъ отъ восточныхъ, искажаютъ всю исторію славянъ и романо-германцевъ, опускаютъ вовсе изъ виду или представляютъ совершенно въ ложномъ свѣтѣ какъ исторію отношеній романо-германцевъ къ славянству, такъ и исторію взаимныхъ отношеній славянъ восточныхъ и западныхъ. Давно принято, и совершенно справедливо, отводить почетное мѣсто въ исторіи европейской образованности борьбѣ венеціанской республики, Венгріи, Польши, габсбургской монархіи съ турками-османами, а въ этой длинной цѣпи безпрерывныхъ войнъ съ конца XIV по конецъ XVIII в., затрогивавшихъ самые дорогіе интересы христіанъ арійцевъ, греко-славянскія земли и народности несравненно болѣе романо германскихъ приносили пожертвованій жизнью и достояніемъ. И тутъ прославились на вѣчныя времена не одни западные славяне-поляки, съ своими двумя

вянство не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ племенами романскимъ и германскимъ. Романское племя походило бы тогда лишь на славянство, когда бы, напримѣръ, при современной Франціи, вмѣсто Италіи и Испаніи, было шесть, семь Португалій или Бельгій, съ особыми нарѣчіями и словесностями, съ такими же, какъ и у славянъ, иноплеменными клиньями, и съ такою же неровною борьбою противъ шести враждебныхъ или соперническихъ племенъ (нѣмцы, итальянцы, мадьяры, румыны, греки, турки). Точно также и германское племя только бы тогда походило въ этомъ отношеніи на славянство, когда бы, напримѣръ, не было вовсе англо-саксовъ, а были бы одни нынѣшніе нѣмцы сильной германской имперіи, и она была бы окружена шестью Швеціями, Даніями, Голландіями, и не въ ихъ настоящихъ условіяхъ, а въ похожихъ на современные порядки у западныхъ и южныхъ славянъ. Еще также можно бы было приравнивать положеніе германскаго племени къ положенію славянскаго, если бы существовало одно сильное англо-саксонское племя, а вмѣсто нынѣшней Германіи было бы шесть различныхъ племенъ, въ родѣ норвежцевъ, шведовъ и датчанъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе сильными и враждебными иноплеменниками.

Нельзя не отмѣтить еще слѣдующей въ высшей степени важной въ культурномъ отношеніи разницы между составными, преобладающими и заправляющими элементами на романо-германскомъ западѣ и на греко-славянскомъ востокѣ. Какъ новая итальянская народность и ея языкъ представляютъ собою прямого потомка древнихъ латинянъ и римлянъ республики и первыхъ вѣковъ имперіи, такъ новогреческая народность и ея языкъ—потомковъ древнихъ эллиновъ. Если новые греки болѣе или менѣе смѣшались со славянами и албанцами, то новые итальянцы еще болѣе приняли въ себя элементовъ германскихъ (готы, лангобарды и пр.). Но не всѣ итальянцы происходятъ отъ древнихъ италиковъ, ближайшихъ сродниковъ древнимъ латинамъ и римлянамъ, а не немногіе изъ нихъ ведутъ свой родъ отъ кельтовъ и отъ иллировъ (венетовъ?). Итальянцы по своему языку уже втеченіе слишкомъ тысячи лѣтъ такіе же романцы, какъ испанцы, французы, романцы, и къ нимъ они стали ближе, съ ними даже сроднѣе, чѣмъ съ древними римлянами, а эти испанцы, французы — олатиненные иберы, галлы, съ сильными примѣсями германскими. Новые же греки исключительно, всецѣло, чище представляютъ собою сохранившуюся

до нашихъ дней эллинскую народность.—Румыны и языкъ ихъ при всемъ сродствѣ съ итальянцами, французами, испанцами, рѣзко отличаются отъ нихъ своею сильною примѣсью славянскою. Изо всѣхъ западныхъ романцевъ только часть восточныхъ итальянцевъ приняла въ себя элементы славянскіе (въ какой степени—имѣютъ рѣшить будущія, столь желательныя, изслѣдованія). Одни румыны изо всѣхъ романцевъ принадлежатъ къ восточной церкви и съ VI—VII в. находятся въ тѣснѣйшемъ историческомъ, политическомъ и культурномъ общеніи съ греками и славянами и связаны съ ними всѣми своими судьбами. Наконецъ огромное большинство румынъ—прямые потомки ѳракійцевъ, олатиненныхъ и съ сильною примѣсью славянскою, тогда какъ въ западныхъ романцахъ нѣтъ, говоря строго, ни капли ѳракійской крови.—Славяне на греко-славянскомъ востокѣ представляютъ собою такой же главный, территоріально и численно, господствующій элементъ, какой на романо-германскомъ западѣ представленъ двумя, почти равносильными, территоріально и численно, племенами: романскимъ и германскимъ, причемъ романцы занимаютъ часть средней и весь югъ собственной Европы, а германцы—часть средней и весь европейскій сѣверъ, вообще гораздо болѣе умѣренный, болѣе теплый и несравненно болѣе культурный, чѣмъ сѣверъ греко-славянскій. И такъ романцы—преимущественно южане и частью средне-европейцы, германцы-же—преимущественно сѣверяне и частью средне-европейцы. Славяне же не только сѣверяне, и притомъ въ несравненно болѣе строгомъ смыслѣ слова, чѣмъ сѣверные европейцы (германцы), но и также, какъ средніе германцы и отчасти романцы (французы), жители среднихъ умѣренныхъ странъ, и какъ одни романцы (итальянцы, испанцы) также чистые южане (въ южной Далматіи, Герцоговинѣ, Черной Горѣ, въ южной Болгаріи, въ турецкой Ѳракіи и Македоніи и въ южныхъ краяхъ Россіи, европейской и азіатской).

Русскій народъ и его языкъ преобладаетъ численно, пространственно и духовно не только въ племени славянскомъ, но и въ цѣломъ греко-славянскомъ мірѣ, не только между родственными ему народами и языками, но и всѣми единовѣрческими и иновѣрческими инородцами, живущими въ предѣлахъ, нашего міра. Разумѣемъ грековъ, албанцевъ, румынъ, армянъ, грузинъ, различныя кавказскія племена, нѣмцевъ, литовцевъ, латышей, мадьяръ, турокъ, различныя иранскія, финскія, татар-

скія и турецкія племена, вошедшія въ составъ русской имперіи или живущія рядомъ со славянами и греками въ предѣлахъ нынѣшнихъ Австро-Венгріи, Турціи, Болгаріи, Греціи. Съ развитіемъ русской образованности, съ увеличеніемъ желѣзныхъ дорогъ и усиленіемъ внѣшней и внутренней торговли Россіи, знаніе русскаго языка все болѣе и болѣе должно распространяться у всѣхъ этихъ племенъ, и безъ сомнѣнія все глубже будетъ проникать на западъ, въ Европу, и на югъ и востокъ въ нынѣшнюю Азіатскую Турцію, Персію, Авганистанъ, вост. Туркестанъ, Китай и Японію. Но и въ настоящее время, при всемъ этомъ пестромъ разнообразіи племенъ, въ мірѣ греко-славянскомъ все таки преобладаетъ общее надъ частнымъ, начало единства надъ началомъ разнообразія. Носитель начала общаго и единства, славянство, особенно въ лицѣ русскаго народа, представляетъ собою какъ бы громадный крѣпкій кряжъ или стволъ, а всѣ прочія инородческія племена нашего міра являются какъ бы его вѣтвями. Численно, пространственно и духовно преобладаетъ въ мірѣ греко-славянскомъ одно племя славянское, а въ немъ и черезъ него—одинъ народъ и языкъ русскій. Напротивъ того, въ мірѣ романо-германскомъ равно господствуютъ два племени: романское и германское, а въ каждомъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ по два народа и языка пользуются всемірно-историческимъ значеніемъ: французы и испанцы съ своими колоніями въ Новомъ Свѣтѣ, нѣмцы и англичане съ ихъ языками и литературами. Въ нашемъ грекославянскомъ мірѣ нѣтъ и на цѣлые вѣка не можетъ явиться даже той двойственности, что была въ римской имперіи и выражалась въ ней господствомъ греческаго языка и образованности на востокѣ, латинскаго на западѣ. Въ нашемъ мірѣ нѣтъ такой національности и образованности, нѣтъ такого языка, что могли бы теперь и въ болѣе или менѣе далекомъ, сколько нибудь предвидимомъ или вообразимомъ будущемъ оспаривать первенство, преобладаніе и господство у русской національности и образованности, у русскаго языка.

Таковы главнѣйшія отличительныя особенности міра грекославянскаго отъ міра романо-германскаго или собственной Европы. Если послѣдній справедливо можетъ быть названъ по преимуществу міромъ настоящаго, міромъ наличнаго могущества и величія, міромъ зрѣлаго мужества и отчасти гдѣ наступающей, гдѣ по видимому наступившей уже старости, въ отли-

чіе отъ міра собственно-азіатскаго, этого міра прдошедшаго по преимуществу, міра дряхлой древности, политической и культурной зависимости, то міръ греко-славянскій, въ отличіе отъ этихъ обоихъ міровъ, часто называется, наравнѣ съ англо-саксонскимъ міромъ Новаго Свѣта, міромъ будущаго по преимуществу, или быть можетъ правильнѣе названъ міромъ болѣе или менѣе горькаго и непригляднаго настоящаго, исполненнымъ однако надеждъ, чаяній и упованій, далеко не безъосновательныхъ, но всячески трудно осуществимыхъ, при извѣстныхъ лишь, внутреннихъ и внѣшнихъ, вообще не простыхъ, а довольно сложныхъ и частью даже весьма тяжкихъ, условіяхъ.

Въ заключеніе попытаемся оправдать принятое нами дѣленіе азійско-европейскаго материка, сличеніемъ нашего съ другими наличными дѣленіями, не скроемъ наконецъ и тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, коими обставлена вся тягость перехода нашего міра изъ нынѣшняго полумрака въ возможное свѣтлое будущее.

Вѣрность принятаго нами дѣленія азійско-европейскаго материка или исторіи древней, средней и отчасти новой (ибо въ новую исторію привходитъ уже колоніальный міръ Новаго Свѣта)— подтверждается сравненіемъ этого дѣленія съ другими обиходными и употребительными дѣленіями, гораздо менѣе удовлетворительными. Тутъ заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ три воззрѣнія, что одинаково признаютъ въ ней не тройственность, а двойственность, согласно отрицая, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія, самостоятельность выдвигаемаго нами третьяго, Средняго міра, названнаго нами греко-славянскимъ.

Первое воззрѣніе, глубоко распространенное въ Европѣ и легшее въ основу цѣлыхъ историческихъ курсовъ, считаетъ прямою противуположностью собственной Азіи и настоящимъ ея антагонистомъ — одинъ только міръ романо-германскій. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, ново-европейская образованность, основанная на началахъ христіанскихъ и древне-классическихъ, есть исключительное созданіе народностей романо-германскихъ. Греки среднихъ вѣковъ и славяне не принимали де въ ней дѣятельнаго участія. Они де не представляютъ собою ничего самобытнаго и опредѣленнаго и, по своей исторической жизни, принадлежатъ то къ Востоку, то къ Западу, подчиняясь политически и культурно то Азіи, то Европѣ.

Если первое воззрѣніе утвердилось наиболѣе въ Германіи, особенно протестантской, то второе распространено наиболѣе во Франціи и вообще въ странахъ романскихъ. По этому второму воззрѣнію необходимо выдѣлять грековъ и славянъ восточныхъ отъ славянъ западныхъ, принявшихъ римское католичество. Одни принадлежатъ къ востоку, вслѣдствіе де всецѣлаго возобладанія въ ихъ искаженномъ, схизматическомъ христіанствѣ началъ и формъ азіатскаго деспотизма. Другіе же, т. е. западные славяне, вѣрныя чада римской церкви принадлежатъ Западу и Европѣ. Пріобщась ея благодати, они участвовали въ развитіи ея образованности. Съ этимъ воззрѣніемъ тѣсно связаны успѣхи въ Европѣ новѣйшаго ученія Духинскаго о туранствѣ великорусовъ.

Третье воззрѣніе значительно рознится отъ предыдущихъ. Оно тоже принимаетъ двойственное дѣленіе азійско-европейскаго человѣчества на Востокъ и Западъ, но въ отличіе отъ двухъ первыхъ сильно распространяетъ понятіе Запада, включая въ него цѣлые отдѣлы міра собственно азіатскаго. Это воззрѣніе высказано было знаменитымъ нашимъ синологомъ, высокодаровитымъ, глубоко-ученымъ профессоромъ В. П. Васильевымъ. По его мнѣнію, азійско-европейскій материкъ раздѣляется почти на двѣ равныя части, «жившія до новѣйшаго времени своею особенною жизнью, рѣдко между собою сталкивавшіяся, но зато въ своихъ столкновеніяхъ проявлявшія истинно міровыя событія». Востокомъ-де слѣдуетъ называть собственно страны, лежащія за Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Индомъ. Такимъ образомъ не только древніе египтяне, финикіяне, вавилоняне и евреи, но и средневѣковые арабы, и весь новѣйшій мусульманскій міръ принадлежатъ не къ Востоку, а къ Западу. Отличительною культурною особенностью Запада отъ Востока является религіозный фанатизмъ. Онъ «конечно есть недостатокъ Запада, но онъ же поддерживаетъ и духъ на извѣстной степени напряженія, и этому-то напряженію западъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ». «Вооруженный фанатизмъ до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ религіямъ Востока» [1]).

Не отрицаемъ, что собственная Азія въ свою очередь раздѣ-

---

[1]) Религіи Востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. В. П. Васильева. (Ж. М. Нар. Пр. Чч. CLXVI—CLXVII. 1873. С. 246 и сл.).

лена быть можетъ и даже должна (до III—IV в. до Р. Х. по крайности) на два отдѣла или міра, юго-западный и восточный и средній.

Если браманизмъ отличался фанатизмомъ, то едва ли можно въ немъ уличить буддизмъ, «*западную*» же религію.

Да и настоящему христіанству, ученію Христа, апостоловъ и ихъ вѣрныхъ послѣдователей—фанатизмъ религіозный глубоко противенъ; въ этомъ отношеніи оно рѣзко отличается отъ магометанства.

Есть еще четвертое воззрѣніе, отличное отъ трехъ предъидущихъ. Оно принимаетъ не двойственное, а тройственное дѣленіе азійско-европейскаго материка. Оно принадлежитъ извѣстному даровитому нѣмецкому ученому Шлецеру, занимающему такое видное мѣсто въ русской исторіографіи. Отдѣляя Востокъ отъ Запада, Азію отъ Европы и взявъ за граничную черту рѣки Эльбу и Дунай, Шлецеръ признаетъ необходимымъ раздѣлять собственно европейскій міръ на двѣ части, на южную, по ту, и на сѣверную, по эту сторону этихъ рѣкъ. «Такое дѣленіе европейской исторіи, по словамъ Шлецера, имѣетъ свою пользу и основаніе, во первыхъ въ хронологіи, ибо тутъ именно кончался міръ, извѣстный древнимъ, и во вторыхъ въ этнографіи, ибо на этомъ обширномъ пространствѣ, отъ устьевъ Травны почти непрерывно до устьевъ Дуная, жилъ народъ одного племени, славяне или венды, хотя съ теченіемъ времени они перемѣнили свои жилища, подвинулись далѣе на югъ за Дунай, и въ Иллиріи, Далматіи, Хорватіи, Босніи и пр. образовали государства, но на сѣверѣ нѣмцами были далеко оттѣснены за Эльбу и даже истреблены. Эти славяне безспорно народъ сѣверный. И какъ метода требовала разсмотрѣнія всѣхъ вѣтвей одного племени въ совокупности, то поэтому не только Венгрія, но и разныя другія, болѣе южныя славянскія земли, нѣкогда независимыя, а потомъ присоединенныя къ венгерскому, турецкому и венеціанскому государствамъ, одинаково принадлежатъ къ сѣверной исторіи (?). Хотя въ этихъ странахъ воздухъ и климатъ южные, но жители ихъ сѣверяне (?), и обстоятельства ихъ жизни болѣе связаны съ сѣверною (съ Византіею?), чѣмъ съ южною европейскою исторіею; изъ подобныхъ же причинъ отчасти очень сѣверная Британія остается въ отдѣлѣ южной исторіи» (?).—«Относительно объема сѣверной исторіи, я рѣшился, говоритъ Шлецеръ на одно нововведеніе, облегченное мнѣ новѣйшими открытіями

русскихъ и французскихъ ученыхъ: я включилъ въ нее Сибирь, азіатскій сѣверъ. Полнота системы требовала, по моему, такого нововведенія. Европейскій сѣверъ населенъ такими племенами, которыя, какъ финны и самоѣды, далеко простираются въ Азію. Въ средніе вѣка онъ получалъ множество переселенцевъ изъ Азіи, испыталъ перевороты, ближайшіе поводы или отдаленнѣйшія причины которыхъ заключаются далеко внѣ его границъ и отмѣчены въ азіатскихъ лѣтописяхъ. Иначе сѣверная исторія оканчивалась бы Дономъ и Ураломъ, теперь же она простирается за Каспійское море до Монголіи и предѣловъ Китая». Шлецеръ отмѣтилъ также, что главный народъ этой сѣверной части Европы славяне. «Славянская исторія огромнаго объема, начинается въ V в. по Р. Х. и непрерывно продолжается до нашего времени, перекрещиваетъ значительную часть прочей европейской и азіатской исторіи и, по нынѣшней системѣ государствъ, составляетъ самую занимательную часть сѣверной исторіи. Послѣ арабовъ, господствовавшихъ отъ Малакки до Лиссабона, я не знаю другого народа, который бы такъ далеко распространилъ свое могущество и свои колоніи. Отъ Дубровника на Адріатическомъ морѣ на сѣверъ до моря Ледовитаго, направо до Камчатки, въ сосѣдствѣ Японіи, и налѣво до Балтики, вездѣ находимъ славянскіе народы частью господствующими, частью служащими другимъ народамъ» [1]).

Отмѣтимъ вкратцѣ тѣ существенные и строгіе признаки, что не позволяютъ смѣшивать съ собственно-азіатскимъ міромъ ни части, ни всего міра греко-славянскаго, какъ это ошибочно до-

---

[1]) Не считаемъ нужнымъ останавливаться на явно ложномъ мнѣніи Реклю (Геогр. Евр., Греція) и нѣк. другихъ французовъ, соединяющихъ грековъ въ одинъ міръ съ латинскою расою. И въ древности и, тѣмъ болѣе еще, въ средніе вѣка и въ новое время греки составляютъ во многомъ рѣзкую противуположность съ римлянами, а затѣмъ съ латинами: итальянцами, французами и испанцами. Для сего довольно вспомнить отношеніе грековъ къ папскому Риму, латинскую имперію въ Константинополѣ, различныя венеціанскія и другія латинскія владѣнія въ земляхъ греческихъ. Главнѣйшіе успѣхи турокъ османовъ на такъ называемомъ у латинянъ Левантѣ объясняются именно народною и религіозною враждою грековъ къ латинскому духовенству, дворянству и купечеству. См. нашу книгу: Secrets d'état de la république de Venise. S. Pétersbourg. 1883. Вообще грековъ нельзя отдѣлять ни въ средней, ни въ новой исторіи отъ славянъ. Какъ романцы съ германцами, такъ греки со славянами составляютъ особые міры особые отдѣлы арійско-христіанскаго человѣчества.

пускаютъ два первыхъ воззрѣнія, ни простирать границы запада такъ далеко на востокъ, какъ это дѣлаетъ проф. Васильевъ. Онъ впадаетъ въ противуположную крайность двумъ первымъ воззрѣніямъ, что́ слишкомъ стѣсняютъ предѣлы и дѣятельность арійско-христіанскаго человѣчества и простираютъ границы собственной Азіи слишкомъ далеко на Западъ.

Соединяя или смѣшивая греко-славянскій Востокъ съ азіатскимъ, смѣшиваютъ двухъ стародавнихъ противниковъ не въ частностяхъ, а по существу, два разные культурно-историческіе міра. Ихъ упорная борьба является въ исторіи съ чертами, можетъ быть еще болѣе крупными и величавыми, чѣмъ борьба романо-германцевъ съ азіатами. Безъ Византіи Юстиніана I или Велисарія, Ираклія, императоровъ-иконоборцевъ, Никифора Фоки, Цимисхія, Василія Бомаробойцы и Комниновъ, безъ древней и новой Россіи, какъ съузился бы театръ борьбы запада съ востокомъ, христіанства съ Азіею, какъ бы проиграла и умалилась въ своемъ значеніи дѣйствительно величавая и многознаменательная борьба христіанско-арійскаго человѣчества съ мусульманствомъ и съ азіатскимъ хищничествомъ. Безъ исторіи восточной церкви съ ея ученіемъ, сектами, расколами, съ ея нравственными идеалами и образцами подвижничества, съ ея проповѣдью и вліяніемъ на образованность и гражданственность цѣлыхъ странъ и народовъ, исторія европейской образованности, существенно христіанской, должна страшно оскудѣть и представить ничѣмъ незамѣнимые пробѣлы. Отдѣляя славянъ западныхъ отъ восточныхъ, искажаютъ всю исторію славянъ и романо-германцевъ, опускаютъ вовсе изъ виду или представляютъ совершенно въ ложномъ свѣтѣ какъ исторію отношеній романо-германцевъ къ славянству, такъ и исторію взаимныхъ отношеній славянъ восточныхъ и западныхъ. Давно принято, и совершенно справедливо, отводить почетное мѣсто въ исторіи европейской образованности борьбѣ венеціанской республики, Венгріи, Польши, габсбургской монархіи съ турками-османами, а въ этой длинной цѣпи безпрерывныхъ войнъ съ конца XIV по конецъ XVIII в., затрогивавшихъ самые дорогіе интересы христіанъ арійцевъ, греко-славянскія земли и народности несравненно болѣе романо германскихъ приносили пожертвованій жизнью и достояніемъ. И тутъ прославились на вѣчныя времена не одни западные славяне-поляки, съ своими двумя

Владиславами (при Варнѣ 1444 г. и Хотинѣ 1619 г.), Ходкѣвичемъ, Тарновскимъ и Собѣсскимъ, хорваты съ своими Франкопанами, Бериславами и Зринскими, далматинцы съ своимъ сильнымъ участіемъ во всѣхъ военныхъ подвигахъ венеціанскаго флота. Вмѣстѣ съ далматинцами и, еще болѣе ихъ, греки Мореи, Крита, Кипра, Іонійскихъ острововъ и пр. составляли почти всецѣло главную силу во флотѣ республики св. Марка, бывшей въ теченіи XIII, XIV и XV вв. первою морскою державою въ Европѣ, и даже въ послѣднія три столѣтія своей жизни пользовавшейся доброю славою за свое искусство и опытность въ морскомъ дѣлѣ. Венгрія Гуніада и Матѳѣя Корвина, монархія Леопольда I, Карла VI, Маріи-Терезы и Іосифа II обязаны значительною долею своихъ блестящихъ успѣховъ надъ Портою геройской храбрости православныхъ сербовъ. Точно также на русскія земли и на православное ихъ населеніе выпадали главнѣйшія тягости и главнѣйшая честь всѣхъ войнъ старой Польши съ турками. Преимущественно же помощи своего литовско-русскаго населенія обязана была Польша своими лучшими успѣхами въ борьбѣ съ прусско-нѣмецкимъ орденомъ. Да и вообще безъ пріобрѣтеній Казиміра В. и Ягайловичей на русскомъ югѣ и востокѣ, Польша никогда бы не вышла изъ того состоянія политической слабости и незначительности въ Европѣ, въ которомъ она большей частью маялась со смерти Болеслава Храбраго почти до половины XIV в. Да и не на одной Польшѣ многократно и значительно сказывалось вліяніе восточной части греко-славянскаго міра на политическую и культурную жизнь романо-германской Европы, прямымъ образомъ черезъ грековъ по преимуществу, и косвеннымъ, черезъ славянъ восточныхъ, посредствомъ ихъ прямого давленія на западныхъ ихъ родичей. Самое существованіе цѣлаго христіанскаго міра, не признававшаго самовластія римскаго епископа и смѣло отвергавшаго всѣ его деспотическія притязанія, признававшаго большое участіе мірянъ и соборное начало въ управленіи церковномъ, бракъ бѣлаго духовенства и употребленіе народнаго языка въ богослуженіи, бытіе такого христіанскаго общества рядомъ съ римско-католическимъ міромъ, преобразованнымъ папами Николаемъ I, Григоріемъ VII и Иннокентіемъ III, имѣло огромное вліяніе на внутреннюю жизнь романо-германскаго запада. Всѣ лучшіе его люди, смѣло вооружавшіеся съ половины IX в. вплоть до Виклефа и Гуса

противъ искаженій и злоупотребленій Рима, не переставали въ подтвержденіе того или другого своего мнѣнія указывать на грековъ и восточную церковь, какъ на хранительницу высшихъ христіанскихъ идеаловъ и лучшаго строя церковной жизни. Рѣчи и подвиги Я. Гуса и Іеронима Пражскаго и начавшееся послѣ сожженія ихъ, въ Констанцѣ, народное движеніе чеховъ безспорно имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи европейской образованности. Гуситство же имѣло характеръ не только религіозный, но и національно-политическій. То было возстаніемъ славянъ западныхъ не только противъ папства, но и противъ феодализма и имперіи, противъ Германіи и проводимаго ею онѣмеченія славянства. Гуситы продолжали съ усиленною лишь энергіею дѣло прежнихъ поколѣній славянскихъ, отстаивавшихъ противъ Рима и нѣмцевъ свою національную, государственную и церковную независимость. Положимъ, устныя и письменныя преданія о проповѣди Константина и Меѳодія сохраняли въ Чехіи конца XIV вѣка память о бывшей у нихъ нѣкогда церкви славянской, но безъ живого примѣра славянъ восточныхъ, продолжавшихъ оберегать и развивать насажденія славянскихъ апостоловъ, это воспоминаніе чеховъ во время Гуса и Іеронима не превышало бы значенія археологическаго свѣдѣнія, безсильнаго одушевлять народъ. Данное папою Иннокентіемъ IV въ 1248 г. разрѣшеніе католикамъ хорватамъ употреблять въ церкви славянскій языкъ и глаголическое письмо представляетъ собою совершенно небывалое и, такъ сказать, аномальное явленіе въ латинствѣ, обыкновенно строго преслѣдовавшемъ, особенно въ то время, народные языки въ богослуженіи и переводы священнаго писанія. Обыкновенно строго послѣдовательный, мало уступчивый Римъ былъ вынужденъ къ такой уступкѣ изъ страха передъ стоявшими за спиною хорватовъ православными сербами. Государственный ростъ Россіи съ Алексѣя Михайловича и успѣхи русской политики и гражданственности при Петрѣ В. и его преемникахъ произвели поразительное дѣйствіе на пробужденіе раздавленныхъ въ XVII в. Римомъ, нѣмцами и турками народностей славянскихъ въ Германіи, Австріи и Турціи. Извѣстнѣйшіе дѣятели западнаго славянства въ нынѣшнемъ столѣтіи Пухмиръ, Юнгманъ, Марекъ, Водникъ, Лингардъ, Коларъ, Челяковскій, Штуръ и пр. сами засвидѣтельствовали о томъ громадномъ

вліяніи, какое имѣла Россія на всю ихъ дѣятельность и вообще на развитіе такъ называемыхъ панславистическихъ идей.

Такъ одинаково ошибочны оба воззрѣнія, смѣшивающія все славянство или восточный отдѣлъ его съ азіатствомъ. Не вѣрнѣе и воззрѣніе проф. Васильева, смѣшивающаго западныхъ азіатовъ съ романо-германскимъ западомъ и греко-славянскимъ востокомъ. Два послѣдніе міра имѣютъ нѣсколько такихъ общихъ и строго-опредѣленныхъ признаковъ, которые не имѣются ни у западныхъ, ни у восточныхъ и среднихъ азіатовъ. Эти признаки проводятъ весьма рѣзкую границу между собственно-азіатскимъ міромъ и арійско-христіанскимъ человѣчествомъ, распадающимся, какъ вѣрно замѣчалъ Шлецеръ, на двѣ половины, въ одной изъ коихъ преимущественно преобладаетъ одна племенная стихія—славянская. Но Шлецеръ славянъ южныхъ напрасно причислялъ къ сѣверу, а скандинавовъ отрывалъ отъ германцевъ и присоединялъ къ славянамъ: нѣсколько тысячъ варяговъ и 5, 6 норманскихъ князей съ ихъ дружиною въ Ладогѣ, Новѣгородѣ, Полоцкѣ, Кіевѣ (въ продолженіи 100—150 лѣтъ) еще не оправдываютъ такого отдѣленія скандинавовъ отъ остальныхъ германцевъ или такого же неестественнаго ихъ соединенія со славянами. Во многихъ историческихъ обзорахъ и по сіе время совершенно напрасно исторію сѣверныхъ государствъ (скандинавскихъ) почти соединяютъ съ исторіею русскою.

Въ противуположность собственной Азіи и всѣмъ другимъ отдѣламъ человѣчества, греко-славянскій и романо-германскій міръ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта имѣютъ слѣдующіе, исключительно ему принадлежащіе признаки: просвѣтительное начало—христіанство; великое образовательное вліяніе и *классическое* значеніе языковъ и литературъ древне-греческой и древне-римской; принятіе въ письменное законодательство и свою науку права многихъ началъ, опредѣленій и цѣлыхъ постановленій римскаго права; наконецъ усвоеніе преданій римской имперіи, какъ міровой державы, и постоянное, неудержимое стремленіе продлить и развивать ея существованіе, обновляя и расширяя ея содержаніе и задачи, видоизмѣняя ея формы, перемѣщая ея центры, но всегда охраняя непрерывность идеи имперіи, царства, міровой державы (напр. Великобританія, Соединенные Штаты въ Америкѣ...) и отстаивая ея права на несокрушимость и вѣчность.

Христіанство проникало и распространялось въ разныя вре-

мена и въ разныхъ странахъ міра, но нигдѣ оно такъ не принялось, не утвердилось и не сдѣлалось тою творческою и руководящею силою, какою оно было въ теченіи вѣковъ и понынѣ остается у народовъ греко-славянскаго и романо-германскаго міровъ Стараго и Новаго Свѣта. Напротивъ, у культурныхъ народовъ собственной Азіи господствуютъ цѣлыя столѣтія иныя просвѣтительныя начала: буддизмъ, конфуціанизмъ, даосизмъ, исламизмъ; ученія эти весьма мало принимаются и уже вовсе не развиваются у народовъ обоихъ нашихъ міровъ, хотя и имѣли на нихъ частныя, болѣе или менѣе глубокія, вліянія. У народовъ, исповѣдующихъ упомянутыя религіи, есть *свои древніе, классическіе* языки и памятники письменности. На воспитаніе и образованность народовъ Азіи эти *классическіе* языки и ихъ письменности имѣли такое же глубокое вліяніе, какое языки еврейскій, греческій и латинскій и ихъ литературы имѣли и имѣютъ на народы обоихъ нашихъ міровъ. Какъ-бы мы ни преувеличивали вліянія древне-греческой образованности на собственно-азіатскія страны и племена, однако ни греческій, ни римскій языки съ ихъ литературами никогда не имѣли на нихъ того сильнаго, всепроницающаго вліянія, какому подвергались народы нашихъ міровъ. Арабы въ средніе вѣка наиболѣе изо всѣхъ собственныхъ азіатовъ являются послушными учениками и подражателями грековъ; но и они восприняли въ себя, и не такъ глубоко, и далеко не всѣ существенныя стороны древне-греческой и тѣмъ болѣе римской образованности, какъ это должно сказать про народы романо-германскіе или греко-славянскіе. Такъ арабамъ остались совершенно чужды и греческая скульптура, и живопись, и греческая поэзія и римское право. Ни обычное, ни письменное право народовъ собственной Азіи вовсе не вступало въ такія тѣсныя, дружественныя или враждебныя, соприкосновенія съ римскимъ правомъ, какъ это видимъ въ продолженіи вѣковъ у народовъ романо-германскихъ или греко-славянскихъ. Съ III в. нашей эры по настоящее время въ собственной Азіи, которая въ тѣ столѣтія, и въ средніе вѣка, даже въ новой исторіи простиралась гораздо далѣе на западъ, чѣмъ въ настоящее время, не въ предѣлахъ двухъ нашихъ міровъ, а иногда и внутри ихъ, на ихъ обломкахъ, возникаютъ, растутъ и надолго утверждаются великія монархіи или державы Сассанидовъ, Омаядовъ, Аббассидовъ, Фатимидовъ, разныхъ династій тур-

ко-сельджукской, монгольскихъ, татарскихъ и турко-османскихъ.

Нѣкоторые изъ ихъ повелителей питаютъ глубокое уваженіе къ памяти и подвигамъ Александра Македонскаго и Юлія Цезаря, даже не разъ, какъ напр. Магометъ II и нѣкоторые его преемники, выражаютъ рѣшительное желаніе слѣдовать по стопамъ двухъ великихъ властителей греко-римскаго міра, овладѣть Константинополемъ, какъ это не разъ хотѣли персы, турки сельджуки, гунны, авары, монголы, какъ это и удалось наконецъ туркамъ-османамъ, овладѣть и Римомъ и возстановить имперію Августа и Константина. Но всѣ эти попытки ограничиваются чисто внѣшнимъ подражаніемъ или слабымъ подобіемъ римской имперіи. Всѣ эти обширныя монархіи Азіи и Африки являются болѣе или менѣе прямыми преемницами тѣхъ восточныхъ царствъ, борьбу съ которыми поставляли себѣ за величайшую честь и славу греки и римляне временъ республикъ, македонской монархіи и римской имперіи, и въ побѣдахъ надъ которыми они видѣли торжество европейской свободы, анализа, трезвости и энергіи надъ азіатскимъ деспотизмомъ, синтезомъ, увлеченіемъ и застоемъ. Персы Сассанидовъ, арабы, турки сельджуки и османы, не говоря уже о гуннахъ, аварахъ, печенѣгахъ, половцахъ, монголахъ, татарахъ, съ своими державами, вторженіями и войнами являются не продолжателями и преемниками Александра Македонскаго, Цезаря, Августа и Константина В., а напротивъ разрушителями и исказителями ихъ созданій, мстителями за пораженія при Марѳонѣ, Платеѣ, Саламинѣ, при Граникѣ, Иссѣ и Гаугамелѣ, за побѣды Августа, Траяна, М. Аврелія надъ парѳянами. Точно также и всѣ средневѣковыя и новыя войны и битвы романо-германцевъ и греко-славянскихъ народностей съ этими азіатами отъ Аэція и Велисарія, императоровъ Ираклія и иконоборцевъ на востокѣ, Карла Мартелла, Карла В. и Оттона I на западѣ, до послѣднихъ хивинской, геокъ-тепеской, бирманской экспедицій, всѣ онѣ въ прямомъ преемствѣ продолжаютъ дѣло Мильтіада, Ѳемистокла, Александра Македонскаго, Августа, Траяна, М. Аврелія и Константина В. Какъ римская культура не уничтожала, а воспринимала и усвоивала, по большей части хранила и оберегала какъ умѣла, предупредившую ее греческую образованность, такъ точно и римская республика и имперія не разрушали, а защищали отъ потомковъ

Дарія III и другихъ азіатовъ пріобрѣтенія Александра Македонскаго въ Азіи и Африкѣ. Точно также и новыя племена европейской исторіи кельты, германцы, славяне, получивъ отъ грековъ и римлянъ христіанство и письменность, увѣрившись въ величіи греческой и римской образованности, становятся горячими защитниками и распространителями римской имперіи. Русская церковь празднуетъ, какъ собственное торжество, побѣду Цареграда надъ безбожною, т. е. языческою Русью. Карлъ В., считая себя законнымъ преемникомъ Цезаря, Августа, Траяна, беретъ въ свои руки неоконченную задачу борьбы Рима съ Германіею и въ ожесточенныхъ войнахъ съ саксами, продолжающими, собственно говоря, дѣло херусковъ Германа, мститъ за пораженіе легіоновъ Вара. Вѣра въ необходимость римской имперіи и мысль о непрерывности ея развитія и о перенесеніи ея отъ упадшихъ и истощенныхъ грековъ и римлянъ къ новымъ народамъ составляетъ такую же характерную историческую особенность жизни народовъ романо-германскихъ и греко-славянскихъ, въ отличіе отъ міра собственно азіатскаго, какъ и христіанство, классическое значеніе греческаго и римскаго языковъ и ихъ литературъ, болѣе или менѣе важное теоретическое и практическое значеніе римскаго права.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Budućnost će biti dobra mati
Našem puku — već je kocka pala
Nieg've sreće — sama ćeš spoznati,
Kad razriešim tebi tajne ove:
Vidiš svuda po tih poljih cvati,
Ko da zemljom neba zviezde plove,
Množtvo cvieća različne liepote,
Za vrstima uviek vrsti nove,
A čim dalje, tim veće krasote
Pogled javlja udivljenom oku...
. . . . . .
Sve to cvieće to su sve radosti
Proniknule iz slavjanskog truda,
Al prie mnoge smrvit će se kosti,
Iztrunuti mnoga srca tuda,
Usahnuti mnogo krvi srodne,
Dok sadašnja Slavska zemlja huda
Pretvori se u te njive plodne!

P. Preradović.

Каковы же эти внутреннія и внѣшнія условія, необходимыя для выхода греко-славянскаго или славяно-греческаго міра изъ его во многихъ отношеніяхъ далеко непригляднаго настоящаго въ лучшее, свѣтлое будущее?

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ, положа руку на сердце, можетъ, рѣшится сказать, что все въ нашемъ мірѣ обстоитъ благополучно и ничего особеннаго намъ не требуется? Напротивъ, у грековъ, у румынъ, у всѣхъ славянъ на югѣ и западѣ, наконецъ въ Россіи, въ духовномъ просвѣщеніи, въ образованности, въ общежитіи, въ сферѣ государственной замѣчается такое множество грѣховъ, недостатковъ, прорѣхъ и изъяновъ,

всѣческихъ непорядковъ и недоразумѣній, что вообще и строго говоря нашъ міръ далеко еще не заслуживаетъ названій просвѣщеннаго, образованнаго, благоустроеннаго. Болѣе милліона мусульманъ имѣется въ самомъ славянствѣ, среди сербовъ и болгаръ, нѣсколько десятковъ тысячъ — среди грековъ, на островѣ Критѣ, не одна сотня тысячъ—среди албанцевъ. Какъ слабо еще утвердилось христіанство среди множества крещенныхъ инородцевъ нашихъ и какою еще нерѣдко вещественностью отличается господствующія воззрѣнія на христіанство, на вѣру, на церковь какъ среди интеллигенціи, отъ церкви отвернувшейся, и ей преданной, такъ и въ милліонахъ простыхъ православныхъ людей, русскихъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, грузинъ, албанцевъ, сирійцевъ? Какъ сильно еще ультрамонтанство, какою еще властью и вліяніемъ обладаютъ іезуиты въ славянскихъ католическихъ земляхъ? Въ Австро-Венгріи, особенно въ Цислейтаніи, династія и центральное правительство видятъ въ іезуитахъ главную себѣ опору и оказываютъ имъ свое покровительство. Въ этомъ отношеніи противъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, когда у поляковъ видимъ—Конарскаго, Сташица, Красицкаго, Коллонтая, у чеховъ — Добровскаго, Прайзку, Гая и Гуссинца (объ епископѣ), Дурина, Пухмайра, Марка, Фесси, Больцано, Канарита и пр. и пр., нынѣ имѣемъ не очень, а нѣсколько шагомъ назадъ. Какъ велика еще безграмотность среди большей части нашихъ народовъ! Какъ вообще еще мало у насъ школъ, и гдѣ ихъ открытіе число и гдѣ большая часть изъ нихъ лучше заведены, какъ напр. у чеховъ, какъ тутъ обезпечено сословіе учительское! Какъ вообще еще плохо стоитъ наше школьное, низшее, среднее и высшее! Какъ бѣденъ еще литературу—народную, общеобразовательную и научную у насъ, русскихъ, у всѣхъ славянъ за исключеніемъ чеховъ! У всѣхъ славянъ отсутствуетъ народная литература, которая могла бы насъ отвлечь отъ [illegible] у румынъ, у грековъ. Какъ еще слабо у всѣхъ насъ развитіе народное самобытное! Какъ еще мало мы знаемъ свое прошлое, настоящее нашихъ [illegible] и ихъ взаимныя отношенія. Наши [illegible] и какъ [illegible] за весь не [illegible] Какая еще въ огромнѣйшей части нашего міра господствуетъ смерт-

ность дѣтей, какая безпомощность противъ частыхъ всякаго рода повальныхъ болѣзней на людей и на скотъ, какія ежегодно почти происходятъ потери народныхъ силъ и имуществъ отъ пьянства, пожаровъ, саранчи, сусликовъ, филоксеры, отъ дикаго истребленія лѣсовъ, отъ засухъ и голодовокъ, разливовъ и обмеленія рѣкъ, отъ бездорожья и всяческихъ безпорядковъ на нашихъ земляныхъ и водяныхъ путяхъ сообщеній, столь дорого стоющихъ государствамъ и народамъ? Гдѣ такая дорогая администрація съ такимъ множествомъ неспособныхъ, несвѣдущихъ и недобросовѣстныхъ исполнителей и всякаго рода пустыхъ формальностей, что задерживаютъ ходъ всякаго дѣла и не избавляютъ часто ни отъ какихъ злоупотребленій, гдѣ, какъ не въ нашемъ же мірѣ, будь то въ конституціонныхъ (Венгрія, Румынія, Греція, Сербія) или неконституціонныхъ государствахъ?

Къ числу крупныхъ историческихъ событій XIX в., въ нашемъ греко-славянскомъ мірѣ, принадлежитъ освобожденіе двухъ единовѣрныхъ и двухъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ Россіи народовъ и образованіе пяти государствъ, изъ коихъ одно не вполнѣ независимое (Болгарія), королевствъ: греческаго, румынскаго, сербскаго, княжествъ: черногорскаго и болгарскаго. Вліятельное участіе Россіи въ этихъ событіяхъ слишкомъ извѣстно.

Менѣе замѣтно, но немалозначительно было ея вліяніе, хотя и нѣсколько безсознательное, на выдѣленіе въ 1867 году Венгріи съ Хорватіею и Славоніею почти въ самостоятельное государство. Правительству австрійскому не осталось безъизвѣстнымъ, какъ различны были отношенія въ 1849 г. венгерской революціонной арміи и огромнаго большинства венгерскаго населенія къ русской и австрійской арміи, къ русскимъ и австрійскимъ властямъ. О тогдашнихъ, добрыхъ, сочувственныхъ отношеніяхъ мадьяръ къ русскимъ и о надеждахъ мадьярскихъ на Россію мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства какъ мадьярскихъ (недавно изданныя записки Гёргея), такъ и русскихъ участниковъ кампаніи 1849 г. Этотъ фактъ одинаково выступаетъ и въ устныхъ разсказахъ русскихъ военныхъ людей и многихъ венгерцевъ, любящихъ объ этомъ вспоминать въ бесѣдахъ съ русскими туристами, посѣщающими Венгрію или встрѣчающимися съ венгерцами на чужбинѣ. Въ Австріи, особенно въ Вѣнѣ, хорошо извѣстно, какъ тогда и раньше и позже относи-

лись къ Россіи и къ русскимъ румыны въ Трансильваніи и восточной Венгріи, русскіе и словаки въ сѣверной, сербы и хорваты въ южной Венгріи. Въ Вѣнѣ хорошо помнили и знаютъ объ отношеніяхъ къ Россіи большинства венгерскаго населенія, не только румынскаго и славянскаго, но и мадьярскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ Венгріи супругу палатина Іосифа, Александру Павловну, громко величали королевою венгерскою, что и возбудило къ ней въ Вѣнѣ глубокую ненависть и было причиною страданій и преждевременной смерти этой несчастной молодой женщины. Исторія русская, венгерская и австрійская хранитъ память и о тайныхъ сношеніяхъ князя Ракоція съ Петромъ В., когда князь посылалъ къ Петру венгерско-русскаго мукачевскаго епископа, для переговоровъ о поступленіи подъ верховное покровительство русскаго царя [1].

Послѣ Билагоша Австрія стала серьезно опасаться русскаго вліянія въ Венгріи, не на однихъ румынъ и сербовъ, или русскихъ, словаковъ и хорватовъ, но и на мадьяръ. Вслѣдствіе поведенія Австріи въ крымскую войну, отношенія къ ней русскаго кабинета послѣ парижскаго мира, естественно, не могли быть дружелюбны. При всемъ нейтралитетѣ Россіи въ франко-австрійскую и прусско-австрійскую войны, русское государство явно, недвусмысленно благопріятствовало Франціи, Пьемонту и Пруссіи

[1] См. Памятники новой русской исторіи Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1872. т. II, с. 47—67 нашу статью «Требованіе земли отъ имп. Александра Павловича въ Угріи» 1799—1801. О сношеніяхъ Ф. Ракоци съ Петромъ см. Fessler Acten-stücke zur Gesch. Pr. Ess. — въ Font. rer. Austr. pars IX—XVII. Соловьевъ—Ист. Россіи. XV с. 210 и сл. Воспоминанія графа Бет. изд. 1843 г. А. М. Фатѣева—Русск. Бес. 1856 г. I кн. 2, Москвитян. 1856. Въ первую эпоху вліянія Франціи. Рус. Луч. называлъ себя «Русскіе во всемъ этомъ (въ чемъ?) могли быть благодарны, что они видѣли все только не чувство мѣры. Хотѣть сѣять вражду между Россіей, что они умѣли съ такимъ искусствомъ между Царемъ и венгерскими мятежниками до того дошли и поступили на службу къ русскому царю. И австрійское правительство тогда серьезно предостерегало Англію по поводу бѣгства русскихъ и венгерскихъ офицеровъ. Если въ это время тѣснились въ Венгріи люди, то исключительно противъ Австріи, ненавидѣвшей тогда не столько положившихъ оружіе передъ русскими, но и передавшихся ему самому. Если въ Венгріи и тогда какая-то русская, то мадьярская ненависть къ русскимъ къ 48 Австріи должна быть отнесена за обидѣ погибшихъ своей. Предполагаемое затѣмъ и впослѣдствіи этой вины посылкою войскъ царя Спасала Австрію (Зап. Зав. 1888 № 2 [illegible]

и тѣмъ не мало содѣйствовало пораженіямъ Австріи при Сольферино, Садовой и Кенигсгрецѣ. Значительно въ то время освобожденная, русская печать, на которую уже начали обращать вниманіе и за границею, принимала живѣйшее участіе въ наступившей, послѣ Виллафранкскаго мира, борьбѣ Венгріи съ Вѣною за автономію и историческое право. Наша печать громко и рѣшительно высказывала тогда свое сочувствіе мадьярамъ и ихъ вождямъ Деаку и Этвешу. Такое сочувственное отношеніе Россіи, общества и правительства, къ Венгріи оказало въ то время немалое вліяніе и давленіе на Вѣну. Она была принуждена 25 лѣтъ назадъ заключить наконецъ договоръ съ Венгріею, принявъ начало дуализма и раздѣливъ прежнюю Австрійскую имперію на двѣ части: на Цислейтанію и Транслейтанію, въ надеждѣ наконецъ успокоить недовольныхъ, враждебно-настроенныхъ венгерцевъ и хорватовъ, дабы, вновь привязавъ ихъ къ себѣ, сохранить за собою земли венгерской короны, на усмиреніе коихъ, въ случаѣ новаго возстанія, у Австріи разбитой французами и пруссаками своихъ силъ не хватало, а на вторичную помощь русскую нельзя ужъ было разсчитывать.

Такъ, невозможно отрицать значительной доли вліянія Россіи на образованіе нынѣшней венгерской самостоятельности. Въ то время мадьяры, въ лицѣ Деака и Этвеша, вполнѣ кажется искренно желали удовлетворить справедливыя требованія румынъ, сербовъ и другихъ славянскихъ народностей Венгріи. Мадьярамъ вѣрило большинство венгерскихъ славянъ, не могли не вѣрить и мы, русскіе. Къ сожалѣнью, мадьяры не оправдали этихъ надеждъ; законъ о народностяхъ остался мертвою буквою. Мадьяры не обнаружили нужной выдержки и самообладанія, не выказали достаточнаго политическаго смысла. Вѣна, дворъ, армія, большинство Цислейтаніи никогда не могли искренно примириться съ этимъ почти насильно вырваннымъ у нихъ дуализмомъ. Теперь она можетъ быть довольна зарвавшимися мадьярами, возбудившими противъ себя всеобщее недовольство, вражду въ румынскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ населеніи Венгріи. Раздраженныя, сплачиваемыя гнетомъ мадьярскаго шовинизма, ея народности уже начинаютъ обращаться къ королю-императору съ ходатайствами о высочайшей защитѣ ихъ отъ мадьяръ. Дурное финансовое состояніе (слишкомъ полтора милліарда гульд. долгу), экономическое раззореніе и положительно

скверная администрація, которую сами мадьяры всѣхъ партій единодушно называютъ невозможною,—азіатскою, приготовятъ наконецъ Венгрію къ тому психологическому моменту, когда ея король, онъ же австрійскій, цислейтанскій императоръ, верховный вождь всей австро-венгерской арміи, при сильной поддержкѣ всей почти Цислейтаніи и всѣхъ не-мадьяръ транслейтанскихъ, объявится вынужденнымъ выступить на защиту обижаемыхъ народностей Венгріи. Въ мадьярахъ не мало добраго и сочувственнаго; мы первые станемъ скорбѣть о потерѣ венгерской автономіи, но конечно мы, русскіе, не можемъ сочувствовать и радоваться замышляемому мадьярскими фанатиками полному омадьяренію нашихъ русскихъ, прочихъ славянскихъ братьевъ и нашихъ единовѣрцевъ—румынъ. Нынѣшнія отношенія Транслейтаніи къ Цислейтаніи имѣютъ характеръ переходный. Они должны повести или къ старому подчиненію венгерцевъ Вѣнѣ или къ совершенному ихъ отторженію отъ послѣдней. Первое нужно австрійскому и католическому германизму, династіи, которая никогда не покинетъ мысли о великой, назначаемой ей католицизмомъ, роли въ Германіи и для того нуждается въ сильной арміи и болѣе централизованной администраціи въ своей монархіи. Все, что теперь творится въ Германіи, только поддерживаетъ и разжигаетъ эти надежды древней гордой нѣмецкой династіи. Она не можетъ примириться съ постыднымъ ея изгнаніемъ изъ Германіи, гдѣ у нея столько единовѣрцевъ, друзей и союзниковъ, непрестанно по ней вздыхающихъ: партія центра въ Германіи и все, что въ ней не терпитъ Пруссіи. Второе кажется не нежелательно и всѣмъ народностямъ Венгріи, развѣ за исключеніемъ нѣмецкой; но саксы трансильванскіе живутъ слишкомъ далеко, а прочіе нѣмцы слишкомъ разсѣянно, нескученно. Понятно, зарываясь въ своемъ шовинизмѣ, мадьяры заставляютъ румынъ и славянъ венгерскихъ, въ видахъ собственной безопасности, желать теперь возможно большаго сокращенія венгерской автономіи. Появленіе между мадьярами такого справедливаго, благороднаго, политическаго дѣятеля, какъ Мочари, внушаетъ впрочемъ надежду, что мадьяры сознаютъ свою вину и поймутъ наконецъ, кому они играютъ въ руку своими смѣшными, невыполнимыми притязаніями и жестокими отношеніями къ своимъ инороднымъ *согражданамъ*, а не рабамъ, не илотамъ. Мадьярская народность сама по себѣ своеобразна, даровита, имѣетъ относительно говоря уже довольно

ю исторію и литературу: нѣтъ никакого основанія опа-
за ея будущее. Нѣкоторые славянскіе народолюбцы, въ
ы вызваннаго мадьярскими шовинистами негодованія и от-
, выражались правда, что мадьяры рано или поздно
ы потонуть въ славянскомъ морѣ. Это пророчество осу-
мо конечно, но лишь при извѣстной катастрофѣ, накли-
й и навлеченной самими же мадьярами. Но такое собы-
се нежелательно, совершенно не въ интересахъ всего грекo-
ского міра. Для будущей его цивилизаціи, для ея полноты,
тва и наидольшаго будущаго желательны сочность и разно-
е. Внутри нашего міра уже явились въ нашъ вѣкъ, на югъ
ѣверъ отъ Дуная, отдѣльные національно-политическіе орга-
; за ними Богъ дастъ въ ближайшія десятилѣтія послѣ-
и возникнутъ еще новые изъ народовъ, нѣкогда имѣв-
подобно Венгріи, свою самостоятельную исторію. Госу-
а эти пали отъ неумѣнья совладать съ непосильными для
ародовъ задачами, а никакого великаго, сроднаго и добро-
ельнаго имъ государства, какъ бы ихъ оплота и за-
—застои за ними въ то время не стояло. Но народности эти
нились и могутъ уже найти себѣ болѣе для нихъ удобныя
ческія организаціи. Пусть славянство въ нашемъ мірѣ пре-
етъ, но оно само распадается на нѣсколько разновидно-
исчезновеніе ихъ отнюдь нежелательно; въ нашемъ мірѣ
ъ свое опредѣленное мѣсто, свое призванье и разныя
ругія племена и народности, какъ греки, албанцы, ру-
мадьяры..., ихъ сохраненіе и развитіе въ ихъ собственныхъ
лахъ точно также—дѣло желанное, необходимое.
іяніе Россіи сказалось и сказывается и на другихъ внутрен-
ѣлахъ Австро-Венгріи, хотя оно совершалось и совершается
совершенно безсознательно, не только помимо, но и часто
ки всѣмъ желаніямъ и намѣреніямъ русской политики
ьшинства русской интеллигенціи. Можно даже сказать,
ное большинство русскаго общества и нашихъ дѣятелей
ической политики не признаетъ этого вліянія, вполнѣ
нно его отрицаетъ. Тѣмъ не менѣе признать его необ-
о, не видѣть его—было бы намѣреннымъ, жалкимъ ослѣ-
мъ, не пользоваться, когда понадобится, вліяніемъ пріо-
еннымъ и рости имѣющимъ—просто безразсудно.
ынѣшнее славянское движеніе въ Австро-Венгріи, и осо-

бенно въ Цислейтаніи (о Трансльйтаніи мы уже говорили), имѣетъ цѣлью — достичь извѣстной національно-политической автономіи сверженіемъ съ себя нѣмецкой централизаціи и преобразованіемъ или разложеніемъ австрійской монархіи на отдѣльныя группы возможно болѣе самостоятельныхъ земель и народностей. Такъ чехи добиваются отъ Вѣны и династіи признанія историческихъ правъ чешскаго королевства (Чехія, Моравія, Силезія),—словѣнцы стремятся къ образованію отдѣльной автономной области и къ присоединенію къ Крайнѣ и Истріи словѣнскихъ частей Стиріи, Хорутаніи (Каринтіи), Горицкаго графства,—Далматія сѣверная, хорватская хочетъ присоединиться къ хорватскому королевству, южная, сербская—кажется больше мечтаетъ о соединеніи съ княжествомъ черногорскимъ, съ освобожденною отъ Австріи Босніею и Герцеговиною,—Галиція западная въ лицѣ польскаго дворянства и духовенства стремится ополячить Галицію русскую (восточную), мнитъ себя ядромъ будущаго королевства польскаго чуть не отъ моря до моря,—русскіе въ Галичинѣ желаютъ раздѣленія Галиціи на западную, польскую съ административнымъ и національнымъ центромъ—Краковомъ и на восточную, русскую со Львовомъ; далѣе они хотятъ административнаго соединенія съ русскою половиною Буковины (другая ея половина, меньшая, румынская). Всѣ эти стремленія и планы славянъ цислейтанскихъ еще очень далеки отъ своего осуществленія; несмотря однако на постоянное имъ противудѣйствіе,—одни лишь польскіе планы Вѣною поддерживаются и подогрѣваются,—со стороны нѣмецкаго населенія Цислейтаніи и династіи, требованія славянъ цислейтанскихъ, ихъ настроенія по отношенію къ Вѣнѣ становятся смѣлѣе и рѣшительнѣе. Не таковы они были лѣтъ десять назадъ. Еще слабѣе, покорнѣе и мягче были славяне цислейтанскіе до введенія дуализма, до автономіи Венгріи, до изгнанія Австріи изъ германскаго Союза. Это изгнаніе помогло Бисмарку образовать германскую имперію съ Пруссіею во главѣ, страшно подняло національное сознаніе и самомнѣніе германскихъ нѣмцевъ. Но позорное изгнаніе Австріи изъ Германіи подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ на австрійскихъ нѣмцевъ и на ихъ старую гордую династію. Эти нѣмцы вмѣстѣ съ своими Бабенбергами и Габсбургами были въ теченіи вѣковъ важнымъ, крупнымъ факторомъ въ общей нѣмецкой жизни, образованности. Выброшенные вонъ изъ Германіи, они испы-

ли ударъ непоправимый. Расколовши себя на Цис- и Транлейтанію, Австрія выдала 2 милліона своихъ нѣмцевъ въ олное распоряженіе мадьяръ. Часть австрійскихъ нѣмцевъ ала, пожалуй не менѣе нашихъ остзейцевъ, горячими поклонниками Пруссіи, другая же ихъ часть, строго-католическая, рѣпко преданная династіи, еще пуще прежняго возненавидѣла Пруссію за оскорбленіе, нанесенное ихъ императору, бывшему главою германскаго Союза, за борьбу начатую вскорѣ исмаркомъ съ папою, за то наконецъ, что этотъ же продолжатель прусской, столь враждебной Австріи, политики Фридриха II порвалъ разомъ всѣ стародавнія нити, связывавшія встрійскихъ нѣмцевъ въ одно цѣлое съ милліонами германскихъ католиковъ. Словомъ и австрійскіе нѣмцы и ихъ національная династія были совершенно выбиты изъ своей исторической колеи. Дабы отвлечь Австрію отъ католической Германіи абы ее занять и затѣмъ вѣчно ссорить съ Россіею, выступая, огда понадобится, посредникомъ и маклеромъ той и другой, онъ аправилъ взоры Австріи и ея династіи на Балканскій полуостровъ. астерянная, въ поискахъ за новыми направленіями въ своей олитикѣ, пугаясь слишкомъ сильно заявляемыхъ частью своихъ ѣмцевъ симпатій прусскихъ, Вѣна стала заигрывать со славянами, сдала мало по малу всю Галицію въ руки поляковъ и ѣмъ довела червоно-русскій народъ до самосознанія, вовсе для встріи невыгоднаго, принуждена была сдѣлать не великія въ ущности, но прежде немыслимыя уступки словѣнцамъ и чехамъ казалось уже совсѣмъ было поладила черезъ старо-чеховъ съ ехіею, какъ чешскій народъ лишилъ эту партію своего довѣія и выслалъ въ парламентъ младо-чеховъ, заговорившихъ съ Вѣною языкомъ, не слыханнымъ отъ чеховъ никѣмъ изъ преемниковъ Фердинанда II.

Это славянское движеніе въ нынѣшней Австріи не слабѣетъ, разрастается. Оно ведетъ свое начало отъ возрожденія совершенно было раздавленныхъ Габсбургами и іезуитами, въ первой етверти XVII вѣка, народностей. Онѣ начали понемногу подыматься, съ появленіемъ на сѣверо-востокѣ колосальной фигуры Петра В. Его неустанная дѣятельность, энергія, побѣда Полтавская, его поѣздки по Европѣ, пріѣзды въ Прагу, въ Вѣну, сношенія съ волохами, греками, мадьярами, православными и католическими славянами Турціи, венеціанской республики и габ-

сбурской монархіи возбуждали сильное волненіе и опасенія въ венеціанскомъ правительствѣ и въ вѣнскомъ дворѣ [1]): среди *сербовъ-лужичанъ* (Бранцель), среди чеховъ (Гольларъ), далматинцевъ, хорватовъ (Каванынъ), сербовъ, среди румынъ, грековъ, мадьяръ Петръ имѣлъ уже восторженныхъ почитателей. Они привѣтствовали въ немъ не просто великаго человѣка или государя, а великаго царя славянскаго, domina императора, василевса христіанскаго, главу новой восточной имперіи, вождя грекославянскаго міра, главнаго свободы и новой политической, мѣстной и общей, союзной организаціи. Исчезло отчаянье, явились надежды, униженные, забитые турками, латинами, нѣмцами греки, волохи, славяне, мадьяры почуяли и завидѣли прибывавшую имъ громадную силу: „возставитъ вольность многихъ странъ", по прекрасному, чисто пророческому выраженію Ломоносова о Россіи [1]).

Неоднократныя появленія и стоянки русскихъ войскъ въ славянскихъ земляхъ Австрійской монархіи въ прошломъ и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣли, никѣмъ непредвидѣнное, но огромное, возбуждающее вліяніе на совсѣмъ было засыпавшія и примирившіяся, съ приготовленною имъ долею нѣмецкихъ илотовъ, населенія. Особенно важное значеніе имѣлъ проходъ черезъ Австрію чудо-богатырей Суворова. Одинъ изъ первыхъ дѣятелей новаго возрожденія словѣнцевъ, Валентинъ Водникъ горячо привѣтствовалъ русскія войска, проходившія черезъ его ро-

---

[1]) Графъ Шенборнъ писалъ графу Волькрѣ въ Лондонъ 25 апр. 1717 г., что Веселовскій (русск. резид. въ Вѣнѣ) требуетъ у министровъ отвѣта неотступно (о пребываніи укрытаго императоромъ Карломъ VI царевича) и что „царь будетъ искать и требовать своего сына вооруженною рукою, ожидая всего отъ его рѣшительности (genio), цесарь приказываетъ спросить короля Англійскаго, „будетъ ли онъ защищать принца?" Тотъ же тому же Волькрѣ писалъ въ Лондонъ 28 апр. 1717 г.: „Не надо давать знать двору англійскому, *что мы очень боимся царя*". (Устряловъ. И. П. В. VI. Прил. 376–377). „Царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ герцогство и тамъ остаться до выдачи его сына; *а по своему характеру, онъ можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ*. Необходимо какъ можно скорѣе найдти средство къ отпору, особенно заключеніемъ союза съ корол. Англійскимъ. Наконецъ не надо терять ни минуты въ бездѣйствіи" (Устрял. И. П. В. VI, 392. Протоколы Вѣнск. конференціи министровъ 18(7) авг. 1717 г. по письму Петра отъ 10 іюля списаны Устряловымъ въ Вѣнскомъ Тайн. Архивѣ)...

ину въ Италію. Въ своемъ журналѣ *Люблянске Новице* (1797—800 г.) онъ писалъ въ 1799 г. слѣд.: «Вотъ важная для насъ, раинцевъ, новость! Русы, наши старые братья, посѣтили насъ. Они идутъ защищать насъ отъ непріятеля. Полторы тысячи лѣтъ назадъ первые словѣнцы пришли въ наши края; они были изъ рода русовъ и другихъ словѣнцевъ. Оттого мы такъ легко понимаемъ русскій языкъ. Они словѣнцы по преимуществу, они корень, отъ котораго пошли наши отцы. Они далеко поселились за Дунаемъ, пока самый крайній родъ не дошелъ до предѣловъ Италіи, тутъ поселились и назвали свою страну Крайною. *Теперь мы видимъ своими глазами, какихъ могучихъ и великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ. Они сохранили нашъ языкъ въ совершенной чистотѣ. Къ нимъ должны мы приближаться, если хотимъ очистить нашъ языкъ. И у нихъ мы должны учиться, какъ надо защищать родину отъ врага*». Затѣмъ Водникъ перечисляетъ русскіе полки.

Въ другомъ мѣстѣ Водникъ объяснялъ своимъ читателямъ, что краинцы одна вѣтвь великаго славянскаго народа, который простирается отъ Адріатическаго до Ледовитаго моря, отъ Чехіи до Камчатки, — что для познанія значенія различныхъ мѣстныхъ именъ въ Крайнѣ нужно знать *московитарскій языкъ*. «Краинскій языкъ наиболѣе подобенъ *московитарскому*, болѣе, нѣмъ всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ. Московитари т. е. русскіе, много словъ сохранили, которыя нами позабыты или вышли у насъ изъ употребленія». Его землякъ, Лингартъ († 1795), въ предисловіи ко 2 т. своей Исторіи Крайны, высказалъ между прочимъ слѣд.: «Славянское племя, занимая бо́льшую половину Европы, заслуживаетъ глубокаго вниманія историковъ, мыслителей и государственныхъ людей. Между народами Австріи славяне численно и матеріально преобладаютъ. Если бы въ государствовѣдѣніи было принято именовать сумму соединеннаго населенія, на которомъ почіетъ величіе государства, по наибольшей однородной силѣ, то *Австрію слѣдовало бы называть такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія*. Дабы убѣдиться въ этомъ, довольно пробѣжать взоромъ земли отъ Адріатическаго моря до Венгріи, Галиціи, Силезіи, Моравіи и Чехіи, потомъ сосчитать славянъ и поразмыслить, что они составляютъ для Австріи и чѣмъ бы они могли быть» [1]).

[1]) Linhart, Ant. Versuch ein. Geschichte v. Krain. Laibach. 1791. II, Vorrede.

сбургской монархіи возбуждали сильное подозрѣніе и опасенія въ венеціанскомъ правительствѣ и въ вѣнскомъ дворѣ [1]): среди сербовъ-лужичанъ (Бранцель), среди чеховъ (Голларъ), далматинцевъ, хорватовъ (Каваньинъ), сербовъ, среди румынъ, грековъ, мадьяръ Петръ имѣлъ уже восторженныхъ почитателей. Они привѣтствовали въ немъ не просто великаго человѣка или государя, а великаго царя славянскаго, домина императора, василевса христіанскаго, главу новой восточной имперіи, вождя грекославянскаго міра, чаявшаго свободы и новой политической, мѣстной и общей, союзной организаціи. Исчезло отчаянье, явились надежды, униженные, забитые турками, латинами, нѣмцами греки, волохи, славяне, мадьяры почуяли и завидѣли прибывавшую имъ громадную силу: „возставитъ вольность многихъ странъ“, по прекрасному, чисто пророческому выраженію Ломоносова о Россіи [1]).

Неоднократныя появленія и стоянки русскихъ войскъ въ славянскихъ земляхъ Австрійской монархіи въ прошломъ и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣли, никѣмъ непредвидѣнное, но огромное, возбуждающее вліяніе на совсѣмъ было заснувшія и примирившіяся, съ приготовленною имъ долею нѣмецкихъ илотовъ, населенія. Особенно важное значеніе имѣлъ проходъ черезъ Австрію чудо-богатырей Суворова. Одинъ изъ первыхъ дѣятелей новаго возрожденія словѣнцевъ, Валентинъ Водникъ горячо привѣтствовалъ русскія войска, проходившія черезъ его ро-

---

[1]) Графъ Шенборнъ писалъ графу Волькрѣ въ Лондонъ 25 апр. 1717 г., что Веселовскій (русск. резид. въ Вѣнѣ) требуетъ у министровъ отвѣта неотступно (о пребываніи укрытаго императоромъ Карломъ VI царевича) и что „царь будетъ искать и требовать своего сына вооруженною рукою, ожидая всего отъ его рѣшительности (genio), цесарь приказываетъ спросить короля Англійскаго, „будетъ ли онъ защищать принца?“ Тотъ же тому же Волькрѣ писалъ въ Лондонъ 28 апр. 1717 г.: „Не надо давать знать двору англійскому, *что мы очень боимся царя*“. (Устряловъ. И. П. В. VI. Прил. 376—377). „Царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ герцогство и тамъ остаться до выдачи его сына; *а по своему характеру, онъ можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующался чернь легко къ нему пристанетъ*. Необходимо какъ можно скорѣе найдти средство къ отпору, особенно заключеніемъ союза съ корол. Англійскимъ. Наконецъ не надо терять ни минуты въ бездѣйствіи“ (Устрял. И. П. В. VI, 392. Протоколы Вѣнск. конференціи министровъ 18(7) авг. 1717 г. по письму Петра отъ 10 іюля списаны Устряловымъ въ Вѣнскомъ Тайн. Архивѣ)...

дину въ Италію. Въ своемъ журналѣ *Люблянске Новице* (1797—1800 г.) онъ писалъ въ 1799 г. слѣд.: «Вотъ важная для насъ, краинцевъ, новость! Русы, наши старые братья, посѣтили насъ. Они идутъ защищать насъ отъ непріятеля. Полторы тысячи лѣтъ назадъ первые словѣнцы пришли въ наши края; они были изъ рода русовъ и другихъ словѣнцевъ. Оттого мы такъ легко и понимаемъ русскій языкъ. Они словѣнцы по преимуществу, они корень, отъ котораго пошли наши отцы. Они далеко поселились за Дунаемъ, пока самый крайній родъ не дошелъ до предѣловъ Италіи, тутъ поселились и назвали свою страну Крайною. *Теперь мы видимъ своими глазами, какихъ могучихъ и великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ. Они сохранили нашъ языкъ въ совершенной чистотѣ. Къ нимъ должны мы приближаться, если хотимъ очистить нашъ языкъ. И у нихъ мы должны учиться, какъ надо защищать родину отъ врага*». Затѣмъ Водникъ перечисляетъ русскіе полки.

Въ другомъ мѣстѣ Водникъ объяснялъ своимъ читателямъ, что краинцы одна вѣтвь великаго славянскаго народа, который простирается отъ Адріатическаго до Ледовитаго моря, отъ Чехіи до Камчатки, — что для познанія значенія различныхъ мѣстныхъ именъ въ Крайнѣ нужно знать *московитарскій языкъ*. «Краинскій языкъ наиболѣе подобенъ *московитарскому*, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ. Московитари т. е. русскіе, много словъ сохранили, которыя нами позабыты или вышли у насъ изъ употребленія». Его землякъ, Лингартъ († 1795), въ предисловіи ко 2 т. своей Исторіи Крайны, высказалъ между прочимъ слѣд.: «Славянское племя, занимая бо̀льшую половину Европы, заслуживаетъ глубокаго вниманія историковъ, мыслителей и государственныхъ людей. Между народами Австріи славяне численно и матеріально преобладаютъ. Если бы въ государствовѣдѣніи было принято именовать сумму соединеннаго населенія, на которомъ почіетъ величіе государства, по наибольшей однородной силѣ, то *Австрію слѣдовало бы называть такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія*. Дабы убѣдиться въ этомъ, довольно пробѣжать взоромъ земли отъ Адріатическаго моря до Венгріи, Галиціи, Силезіи, Моравіи и Чехіи, потомъ сосчитать славянъ и поразмыслить, что они составляютъ для Австріи и чѣмъ бы они могли быть» [1]).

[1]) Linhart, Ant. Versuch ein. Geschichte v. Krain. Laibach. 1791. II. Vorrede.

Это сознаніе принадлежности каждой изъ малыхъ славянскихъ народностей Австріи къ одному племени, къ одному типу, къ одному міру съ русскимъ народомъ, съ Россіею, великою и единственною тогда славянскою державою, вноситъ отнынѣ радость и утѣшеніе въ душу немногихъ одинокихъ тружениковъ, взявшихся за тяжелый трудъ пробужденія и воспитанія своихъ усыпленныхъ и униженныхъ долгимъ рабствомъ народовъ. Сосчитывая число славянъ въ Австріи и соображая географическое положеніе ихъ земель, эти первые труженики высказываютъ: если вѣрно, что сила и характеръ государствъ зависитъ отъ численности и свойствъ преобладающихъ въ нихъ народовъ, то Австрія есть или собственно говоря должна быть, должна стать такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія; австрійскій императоръ былъ въ то время еще германскимъ императоромъ, а затѣмъ долго, до 1868 г., главою германскаго союза. Желаніе видѣть Австрію государствомъ славянскимъ подразумѣвательно заключало въ себѣ имѣвшее развиться въ славянахъ австрійскихъ стремленіе оторвать Австрію отъ Германіи и возможно тѣснѣе сблизить ее или просто самимъ сблизиться съ Россіею.

Такимъ образомъ съ пробужденіемъ славянскихъ народностей Австріи, съ развитіемъ ихъ мѣстныхъ словесностей должно было рости въ нихъ стремленіе ко взаимному познанію и сближенію ихъ внутри Австріи, а вмѣстѣ и къ наибольшему ознакомленію съ русскимъ языкомъ, литературою, къ сближенію съ русскимъ народомъ, съ Россіею.

Въ 1830-хъ годахъ словакъ Янъ Коларъ развиваетъ ученіе свое о славянской взаимности и подробно излагаетъ программу дальнѣйшей дѣятельности какъ для австрійскихъ, такъ и для прочихъ славянъ въ этомъ направленіи. Въ своихъ сонетахъ Slavy dcera Коларъ уже требуетъ не только взаимности, но и единенія всѣхъ славянъ.

Стократе семъ млувилъ, тедь ужь кричимъ
Къ вамъ, о роскидани Славове,
Будьме цѣлекъ, а не дробтове,
Будьме анебъ вшецко, анебъ ничимъ.

«Сто разъ я говорилъ, теперь уже кричу вамъ, раскиданные славяне! Будемъ цѣлое, а не куски, будемъ всѣмъ или ничѣмъ».

ность дѣтей, какая безпомощность противъ частыхъ всякаго рода повальныхъ болѣзней на людей и на скотъ, какія ежегодно почти происходятъ потери народныхъ силъ и имуществъ отъ пьянства, пожаровъ, саранчи, сусликовъ, филоксеры, отъ дикаго истребленія лѣсовъ, отъ засухъ и голодовокъ, разливовъ и обмеленія рѣкъ, отъ бездорожья и всяческихъ безпорядковъ на нашихъ земляныхъ и водяныхъ путяхъ сообщеній, столь дорого стоющихъ государствамъ и народамъ? Гдѣ такая дорогая администрація съ такимъ множествомъ неспособныхъ, несвѣдущихъ и недобросовѣстныхъ исполнителей и всякаго рода пустыхъ формальностей, что задерживаютъ ходъ всякаго дѣла и не избавляютъ часто ни отъ какихъ злоупотребленій, гдѣ, какъ не въ нашемъ же мірѣ, будь то въ конституціонныхъ (Венгрія, Румынія, Греція, Сербія) или неконституціонныхъ государствахъ?

Къ числу крупныхъ историческихъ событій XIX в., въ нашемъ греко-славянскомъ мірѣ, принадлежитъ освобожденіе двухъ единовѣрныхъ и двухъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ Россіи народовъ и образованіе пяти государствъ, изъ коихъ одно не вполнѣ независимое (Болгарія), королевствъ: греческаго, румынскаго, сербскаго, княжествъ: черногорскаго и болгарскаго. Вліятельное участіе Россіи въ этихъ событіяхъ слишкомъ извѣстно.

Менѣе замѣтно, но немалозначительно было ея вліяніе, хотя и нѣсколько безсознательное, на выдѣленіе въ 1867 году Венгріи съ Хорватіею и Славоніею почти въ самостоятельное государство. Правительству австрійскому не осталось безъизвѣстнымъ, какъ различны были отношенія въ 1849 г. венгерской революціонной арміи и огромнаго большинства венгерскаго населенія къ русской и австрійской арміи, къ русскимъ и австрійскимъ властямъ. О тогдашнихъ, добрыхъ, сочувственныхъ отношеніяхъ мадьяръ къ русскимъ и о надеждахъ мадьярскихъ на Россію мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства какъ мадьярскихъ (недавно изданныя записки Гёргея), такъ и русскихъ участниковъ кампаніи 1849 г. Этотъ фактъ одинаково выступаетъ и въ устныхъ разсказахъ русскихъ военныхъ людей и многихъ венгерцевъ, любящихъ объ этомъ вспоминать въ бесѣдахъ съ русскими туристами, посѣщающими Венгрію или встрѣчающимися съ венгерцами на чужбинѣ. Въ Австріи, особенно въ Вѣнѣ, хорошо извѣстно, какъ тогда и раньше и позже относи-

отверженный, геніальный словакъ Людевитъ Штуръ написалъ свое знаменитое посланіе: „Славянство и міръ будущаго“, ставшее извѣстнымъ свѣту въ русскомъ лишь переводѣ въ 1867 г. Здѣсь онъ прямо высказывается, какъ позже Данилевскій (Европа и Россія), противъ необходимости Австріи и вмѣстѣ противъ непосредственнаго присоединенія къ Россіи западныхъ славянъ, но за образованіе союза съ нею (федераціи) всѣхъ малыхъ славянскихъ народностей, съ сохраненіемъ ихъ внутренней политической самостоятельности.

Извѣстное мнѣніе Палацкаго, высказанное имъ въ 1848 г., о необходимости для славянъ австрійскихъ Австріи, какъ оплота съ одной стороны противъ Германіи, съ другой противъ Россіи, было въ послѣдствіи времени значительно измѣнено самимъ же Палацкимъ.

Въ 1864 г., по поводу словъ Шмерлинга и Этвеша о собраніи во Франкфуртѣ, въ органѣ Палацкаго, газ. „Народъ“ было сказано: „Если нѣмцамъ въ Австріи позволительно толковать объ общенѣмецкомъ парламентѣ во Франкфуртѣ, то никто намъ не запретитъ повести рѣчь о русскомъ парламентѣ всѣхъ славянскихъ народностей“. (Narod, 1864, № 262). Въ своемъ Doslov'ѣ (1872 г.) Палацкій писалъ: «Историческія событія съ 1848 по 1866 г. очевидно доказали, что какъ вообще у славянъ австрійскихъ, такъ у чеховъ въ особенности, идея федеративнаго ихъ соединенія подъ наслѣдственною властью укоренилась въ мысляхъ всего народа такъ глубоко, что для осуществленія и сохраненія ея они охотно принесутъ всякаго рода тяжелыя жертвы. Не знаю, будутъ ли еще всегда къ тому готовы и послѣ паденія системы Гогенвартовой (подъ чужимъ внушеніемъ); я почти въ этомъ сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, послѣ столькихъ обманутыхъ надеждъ, при ежедневно ростущихъ преслѣдованьяхъ, было бы противуестественно, если бы все еще желали помогать исконнымъ своимъ угнетателямъ вылѣзать изъ бѣды, въ которую они скоро падутъ; въ этомъ я достаточно убѣжденъ. *Я сказалъ, что не вѣрю въ великое (walné—общее, широкое) будущее Австріи, особенно съ той поры, какъ нѣмцы и мадьяры создали изъ нея грубую племенную деспотію: въ такомъ случаѣ вопросъ, что вообще будетъ со славянами, до сего времени австрійскими, и особенно съ чехами, не лишенъ въ этомъ отношеніи важности. Не пускаясь во всякаго рода возможности, коихъ никому изъ*

ертныхъ нельзя предвидѣть, съ полнымъ убѣжденіемъ скажу лько, что чехи, какъ народъ, подпади они въ совершенное под-ченіе или подданство русскаго или прусскаго государства, когда бы не были довольны своею судьбой. Они бы никогда не были, что, по исконному праву, они имѣютъ быть подданны-лишь самимъ себѣ, т. е. своему собственному правитель-ву, своему собственному государю. Прусаковъ, за ихъ герма-заціонную фурію, они могли бы считать лишь за главныхъ ріятелей и враговъ своей народности. Что же касается рус-ихъ, то было бы совершенно наоборотъ. Имъ, какъ еди-ровнымъ родичамъ, друзьямъ и пособникамъ своимъ, чехи али бы наивѣрнѣйшими, не подданными, но союзниками, а да бы понадобилось, и передовымъ ихъ полкомъ (авангардомъ, dvoji) *въ Европѣ*».

Кто же изъ русскихъ людей можетъ и станетъ когда либо идать и желать отъ чеховъ чего либо иного, чего нибудь боль-го? Такъ теоретически чешскій вопросъ можетъ считаться лнѣ разрѣшеннымъ, лишь бы только чехи такъ всегда ду-ли. Къ сожалѣнью и послѣ 1870 и послѣ 1879 г., а не только слѣ 1867 г., разные чехи тамъ и сямъ повторяютъ еще фра-Палацкаго (1848 г.) о необходимости Австріи, какъ оплота тивъ Россіи, что̀ заставляетъ русскихъ считать чеховъ ав-ійскими патріотами. Австрійскій же патріотизмъ не вяжется славянствомъ въ головахъ и сердцахъ не только русскихъ, и славянъ транслейтанскихъ, свободныхъ болгаръ, сербовъ, несвободныхъ сербовъ Босніи и Герцоговины.

Когда на торжественномъ пріемѣ въ Бѣловарѣ австрійскій ператоръ и венгерскій король далъ рѣзкій выговоръ епископу просмайеру за его извѣстную телеграмму въ Кіевъ (15 іюля 8 г.), то органъ гр. Таафе, Presse писала слѣд.: «и не въ ой Хорватіи и Славоніи, но и въ Босніи и въ Сербіи, и въ ной Горѣ *и въ Россіи* этотъ выговоръ будетъ имѣть *дѣйст-отрезвляющее*. Въ этихъ земляхъ уже не дерзнутъ болѣе нѣваться, смѣетъ ли католическій епископъ въ Австро-Вен-почитать панславизмъ, смѣетъ ли онъ *со славянскою гуріею и иными фантасмагоріями* проводить политику на руку и выбирать себѣ союзниковъ, гдѣ хочетъ».—Въ отвѣтъ это органъ партіи Штросмайера, хорватская газета Obzor писала между прочимъ слѣд.: „*Славяне* (т. е. Хорваты и

скверная администрація, которую сами мадьяры всѣхъ партій единодушно называютъ невозможною,—азіатскою, приготовятъ наконецъ Венгрію къ тому психологическому моменту, когда ея король, онъ же австрійскій, цислейтанскій императоръ, верховный вождь всей австро-венгерской арміи, при сильной поддержкѣ всей почти Цислейтаніи и всѣхъ не-мадьяръ транслейтанскихъ, объявится вынужденнымъ выступить на защиту обижаемыхъ народностей Венгріи. Въ мадьярахъ не мало добраго и сочувственнаго; мы первые станемъ скорбѣть о потерѣ венгерской автономіи, но конечно мы, русскіе, не можемъ сочувствовать и радоваться замышляемому мадьярскими фанатиками полному омадьяренію нашихъ русскихъ, прочихъ славянскихъ братьевъ и нашихъ единовѣрцевъ—румынъ. Нынѣшнія отношенія Транслейтаніи къ Цислейтаніи имѣютъ характеръ переходный. Они должны повести или къ старому подчиненію венгерцевъ Вѣнѣ или къ совершенному ихъ отторженію отъ послѣдней. Первое нужно австрійскому и католическому германизму, династіи, которая никогда не покинетъ мысли о великой, назначаемой ей католицизмомъ, роли въ Германіи и для того нуждается въ сильной арміи и болѣе централизованной администраціи въ своей монархіи. Все, что теперь творится въ Германіи, только поддерживаетъ и разжигаетъ эти надежды древней гордой нѣмецкой династіи. Она не можетъ примириться съ постыднымъ ея изгнаніемъ изъ Германіи, гдѣ у нея столько единовѣрцевъ, друзей и союзниковъ, непрестанно по ней вздыхающихъ: партія центра въ Германіи и все, что въ ней не терпитъ Пруссіи. Второе кажется не нежелательно и всѣмъ народностямъ Венгріи, развѣ за исключеніемъ нѣмецкой; но саксы трансильванскіе живутъ слишкомъ далеко, а прочіе нѣмцы слишкомъ разсѣянно, нескученно. Понятно, зарываясь въ своемъ шовинизмѣ, мадьяры заставляютъ румынъ и славянъ венгерскихъ, въ видахъ собственной безопасности, желать теперь возможно большаго сокращенія венгерской автономіи. Появленіе между мадьярами такого справедливаго, благороднаго, политическаго дѣятеля, какъ Мочари, внушаетъ впрочемъ надежду, что мадьяры сознаютъ свою вину и поймутъ наконецъ, кому они играютъ въ руку своими смѣшными, невыполнимыми притязаніями и жестокими отношеніями къ своимъ инороднымъ *согражданамъ*, а не рабамъ, не илотамъ. Мадьярская народность сама по себѣ своеобразна, даровита, имѣетъ относительно говоря уже довольно

богатую исторію и литературу: нѣтъ никакого основанія опасаться за ея будущее. Нѣкоторые славянскіе народолюбцы, въ минуты вызваннаго мадьярскими шовинистами негодованія и отчаянія, выражались правда, что мадьяры рано или поздно должны потонуть въ славянскомъ морѣ. Это пророчество осуществимо конечно, но лишь при извѣстной катастрофѣ, накликанной и навлеченной самими же мадьярами. Но такое событіе вовсе нежелательно, совершенно не въ интересахъ всего грекославянскаго міра. Для будущей его цивилизаціи, для ея полноты, богатства и наидольшаго будущаго желательны сочность и разнообразіе. Внутри нашего міра уже явились въ нашъ вѣкъ, на югъ и на сѣверъ отъ Дуная, отдѣльные національно-политическіе организмы; за ними Богъ дастъ въ ближайшія десятилѣтія послѣдуютъ и возникнутъ еще новые изъ народовъ, нѣкогда имѣвшихъ, подобно Венгріи, свою самостоятельную исторію. Государства эти пали отъ неумѣнья совладать съ непосильными для ихъ народовъ задачами, а никакого великаго, сроднаго и доброжелательнаго имъ государства, какъ бы ихъ оплота и защиты—застои за ними въ то время не стояло. Но народности эти сохранились и могутъ уже найти себѣ болѣе для нихъ удобныя политическія организаціи. Пусть славянство въ нашемъ мірѣ преобладаетъ, но оно само распадается на нѣсколько разновидностей, исчезновеніе ихъ отнюдь нежелательно; въ нашемъ мірѣ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, свое призванье и разныя еще другія племена и народности, какъ греки, албанцы, румыны, мадьяры..., ихъ сохраненіе и развитіе въ ихъ собственныхъ предѣлахъ точно также—дѣло желанное, необходимое.

Вліяніе Россіи сказалось и сказывается и на другихъ внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгріи, хотя оно совершалось и совершается почти совершенно безсознательно, не только помимо, но и часто вопреки всѣмъ желаніямъ и намѣреніямъ русской политики и большинства русской интеллигенціи. Можно даже сказать, огромное большинство русскаго общества и нашихъ дѣятелей практической политики не признаетъ этого вліянія, вполнѣ искренно его отрицаетъ. Тѣмъ не менѣе признать его необходимо, не видѣть его—было бы намѣреннымъ, жалкимъ ослѣпленіемъ, не пользоваться, когда понадобится, вліяніемъ пріобрѣтеннымъ и рости имѣющимъ—просто безразсудно.

Нынѣшнее славянское движеніе въ Австро-Венгріи, и осо-

бенно въ Цислейтаніи (о Трансслейтаніи мы уже говор
имѣетъ цѣлью — достичь извѣстной національно-политич
автономіи сверженіемъ съ себя нѣмецкой централизаціи и
образованіемъ или разложеніемъ австрійской монархіи в
дѣльныя группы возможно болѣе самостоятельныхъ зем
народностей. Такъ чехи добиваются отъ Вѣны и династіи
знанія историческихъ правъ чешскаго королевства (Чехія,
равія, Силезія),—словѣнцы стремятся къ образованію отдѣ
автономной области и къ присоединенію къ Крайнѣ и И
словѣнскихъ частей Стиріи, Хорутаніи (Каринтіи), Гори
графства,—Далматія сѣверная, хорватская хочетъ прис
ниться къ хорватскому королевству, южная, сербская—ка
больше мечтаетъ о соединеніи съ княжествомъ черногорс
съ освобожденною отъ Австріи Босніею и Герцеговиною,—
ція западная въ лицѣ польскаго дворянства и духовенства
мится ополячить Галицію русскую (восточную), мнитъ
ядромъ будущаго королевства польскаго чуть не отъ мо
моря,—русскіе въ Галичинѣ желаютъ раздѣленія Галиці
западную, польскую съ административнымъ и національ
центромъ—Краковомъ и на восточную, русскую со Льво
далѣе они хотятъ административнаго соединенія съ ру
половиною Буковины (другая ея половина, меньшая, румын
Всѣ эти стремленія и планы славянъ цислейтанскихъ еще
далеки отъ своего осуществленія; несмотря однако на посто
имъ противудѣйствіе.—одни лишь польскіе планы Вѣною по
живаются и подогрѣваются,—со стороны нѣмецкаго населенія
лейтаніи и династіи, требованія славянъ цислейтанскихъ, ихъ
троенія по отношенію къ Вѣнѣ становятся смѣлѣе и рѣшител
Не таковы они были лѣтъ десять назадъ. Еще слабѣе, покор
мягче были славяне цислейтанскіе до введенія дуализма, до ан
міи Венгріи, до изгнанія Австріи изъ германскаго Союза
изгнаніе помогло Бисмарку образовать германскую импер
Пруссіею во главѣ, страшно подняло національное созна
самомнѣніе германскихъ нѣмцевъ. Но позорное изгнаніе Ав
изъ Германіи подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ на авс
скихъ нѣмцевъ и на ихъ старую гордую династію. Эти н
вмѣстѣ съ своими Бабенбергами и Габсбургами были въ те
вѣковъ важнымъ, крупнымъ факторомъ въ общей нѣмецкой ж
образованности. Выброшенные вонъ изъ Германіи, они

тали ударъ непоправимый. Расколовши себя на Цис- и Транслейтанію, Австрія выдала 2 милліона своихъ нѣмцевъ въ полное распоряженіе мадьяръ. Часть австрійскихъ нѣмцевъ стала, пожалуй не менѣе нашихъ остзейцевъ, горячими поклонниками Пруссіи, другая же ихъ часть, строго-католическая, крѣпко преданная династіи, еще пуще прежняго возненавидѣла Пруссію за оскорбленіе, нанесенное ихъ императору, бывшему главою германскаго Союза, за борьбу начатую вскорѣ Бисмаркомъ съ папою, за то наконецъ, что этотъ же продолжатель прусской, столь враждебной Австріи, политики Фридриха II порвалъ разомъ всѣ стародавнія нити, связывавшія австрійскихъ нѣмцевъ въ одно цѣлое съ милліонами германскихъ католиковъ. Словомъ и австрійскіе нѣмцы и ихъ національная династія были совершенно выбиты изъ своей исторической колеи. Дабы отвлечь Австрію отъ католической Германіи дабы ее занять и затѣмъ вѣчно ссорить съ Россіею, выступая, когда понадобится, посредникомъ и маклеромъ той и другой, онъ направилъ взоры Австріи и ея династіи на Балканскій полуостровъ. Растерянная, въ поискахъ за новыми направленіями въ своей политикѣ, пугаясь слишкомъ сильно заявляемыхъ частью своихъ нѣмцевъ симпатій прусскихъ, Вѣна стала заигрывать со славянами, сдала мало по малу всю Галицію въ руки поляковъ и тѣмъ довела червоно-русскій народъ до самосознанія, вовсе для Австріи невыгоднаго, принуждена была сдѣлать не великія въ сущности, но прежде немыслимыя уступки словѣнцамъ и чехамъ и казалось уже совсѣмъ было поладила черезъ старо-чеховъ съ Чехіею, какъ чешскій народъ лишилъ эту партію своего довѣрія и выслалъ въ парламентъ младо-чеховъ, заговорившихъ съ Вѣною языкомъ, не слыханнымъ отъ чеховъ никѣмъ изъ преемниковъ Фердинанда II.

Это славянское движеніе въ нынѣшней Австріи не слабѣетъ, а разрастается. Оно ведетъ свое начало отъ возрожденія совершенно было раздавленныхъ Габсбургами и іезуитами, въ первой четверти XVII вѣка, народностей. Онѣ начали понемногу подыматься, съ появленіемъ на сѣверо-востокѣ колосальной фигуры Петра В. Его неустанная дѣятельность, энергія, побѣда Полтавская, его поѣздки по Европѣ, пріѣзды въ Прагу, въ Вѣну, сношенія съ волохами, греками, мадьярами, православными и католическими славянами Турціи, венеціанской республики и габ-

сбургской монархіи возбуждали сильное подозрѣніе и опасенія въ венеціанскомъ правительствѣ и въ вѣнскомъ дворѣ [1]): среди сербовъ-лужичанъ (Бранцель), среди чеховъ (Голларъ), далматинцевъ, хорватовъ (Каваньинъ), сербовъ, среди румынъ, грековъ, мадьяръ Петръ имѣлъ уже восторженныхъ почитателей. Они привѣтствовали въ немъ не просто великаго человѣка или государя, а великаго царя славянскаго, домина императора, василевса христіанскаго, главу новой восточной имперіи, вождя греко-славянскаго міра, чаявшаго свободы и новой политической, мѣстной и общей, союзной организаціи. Исчезло отчаянье, явились надежды, униженные, забитые турками, латинами, нѣмцами греки, волохи, славяне, мадьяры почуяли и завидѣли прибывавшую имъ громадную силу: „возставитъ вольность многихъ странъ", по прекрасному, чисто пророческому выраженію Ломоносова о Россіи [1]).

Неоднократныя появленія и стоянки русскихъ войскъ въ славянскихъ земляхъ Австрійской монархіи въ прошломъ и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣли, никѣмъ непредвидѣнное, но огромное, возбуждающее вліяніе на совсѣмъ было заснувшія и примирившіяся, съ приготовленною имъ долею нѣмецкихъ плотовъ, населенія. Особенно важное значеніе имѣлъ проходъ черезъ Австрію чудо-богатырей Суворова. Одинъ изъ первыхъ дѣятелей новаго возрожденія словѣнцевъ, Валентинъ Водникъ горячо привѣтствовалъ русскія войска, проходившія черезъ его ро-

---

[1]) Графъ Шенборнъ писалъ графу Волькрѣ въ Лондонъ 25 апр. 1717 г., что Веселовскій (русск. резид. въ Вѣнѣ) требуетъ у министровъ отвѣта неотступно (о пребываніи укрытаго императоромъ Карломъ VI царевича) и что „царь будетъ искать и требовать своего сына вооруженною рукою, ожидая всего отъ его рѣшительности (genio), цесарь приказываетъ спросить короля Англійскаго, „будетъ ли онъ защищать принца?" Тотъ же тому же Волькрѣ писалъ въ Лондонъ 28 апр. 1717 г.: „Не надо давать знать двору англійскому, *что мы очень боимся царя*". (Устряловъ. И. П. В. VI. Прил. 376–377). „Царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ герцогство и тамъ остаться до выдачи его сына; *а по своему характеру, онъ можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ*. Необходимо какъ можно скорѣе найдти средство къ отпору, особенно заключеніемъ союза съ корол. Англійскимъ. Наконецъ не надо терять ни минуты въ бездѣйствіи" (Устрял. И. П. В. VI, 392. Протоколы Вѣнск. конференціи министровъ 18(7) авг. 1717 г. по письму Петра отъ 10 іюля списаны Устряловымъ въ Вѣнскомъ Тайн. Архивѣ)...

ину въ Италію. Въ своемъ журналѣ *Люблянске Новице* (1797—1800 г.) онъ писалъ въ 1799 г. слѣд.: «Вотъ важная для насъ, краинцевъ, новость! Русы, наши старые братья, посѣтили насъ. Они идутъ защищать насъ отъ непріятеля. Полторы тысячи лѣтъ назадъ первые словѣнцы пришли въ наши края; они были изъ рода русовъ и другихъ словѣнцевъ. Оттого мы такъ легко и понимаемъ русскій языкъ. Они словѣнцы по преимуществу, они корень, отъ котораго пошли наши отцы. Они далеко поселились за Дунаемъ, пока самый крайній родъ не дошелъ до предѣловъ Италіи, тутъ поселились и назвали свою страну Крайною. *Теперь мы видимъ своими глазами, какихъ могучихъ и великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ. Они сохранили нашъ языкъ въ совершенной чистотѣ. Къ нимъ должны мы приближаться, если хотимъ очистить нашъ языкъ. И у нихъ мы должны учиться, какъ надо защищать родину отъ врага*». Затѣмъ Водникъ перечисляетъ русскіе полки.

Въ другомъ мѣстѣ Водникъ объяснялъ своимъ читателямъ, что краинцы одна вѣтвь великаго славянскаго народа, который простирается отъ Адріатическаго до Ледовитаго моря, отъ Чехіи до Камчатки, — что для познанія значенія различныхъ мѣстныхъ именъ въ Крайнѣ нужно знать *московитарскій языкъ*. «Краинскій языкъ наиболѣе подобенъ *московитарскому*, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ. Московитари т. е. русскіе, много словъ сохранили, которыя нами позабыты или вышли у насъ изъ употребленія». Его землякъ, Лингартъ († 1795), въ предисловіи ко 2 т. своей Исторіи Крайны, высказалъ между прочимъ слѣд.: «Славянское племя, занимая бо́льшую половину Европы, заслуживаетъ глубокаго вниманія историковъ, мыслителей и государственныхъ людей. Между народами Австріи славяне численно и матеріально преобладаютъ. Если бы въ государствовѣдѣніи было принято именовать сумму соединеннаго населенія, на которомъ почіетъ величіе государства, по наибольшей однородной силѣ, то *Австрію слѣдовало бы называть такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія.* Дабы убѣдиться въ этомъ, довольно пробѣжать взоромъ земли отъ Адріатическаго моря до Венгріи, Галиціи, Силезіи, Моравіи и Чехіи, потомъ сосчитать славянъ и поразмыслить, что они составляютъ для Австріи и чѣмъ бы они могли быть» [1]).

[1]) Linhart, Ant. Versuch ein. Geschichte v. Krain. Laibach. 1791. II, Vorrede.

Это сознаніе принадлежности каждой изъ малыхъ славя
скихъ народностей Австріи къ одному племени, къ одному тип
къ одному міру съ русскимъ народомъ, съ Россіею, великою
единственною тогда славянскою державою, вноситъ отнынѣ р
дость и утѣшеніе въ душу немногихъ одинокихъ труженико
взявшихся за тяжелый трудъ пробужденія и воспитанія свои
усыпленныхъ и униженныхъ долгимъ рабствомъ народовъ. С
считывая число славянъ въ Австріи и соображая географическ
положеніе ихъ земель, эти первые труженики высказываютъ: ес
вѣрно, что сила и характеръ государствъ зависитъ отъ числе
ности и свойствъ преобладающихъ въ нихъ народовъ, то А
стрія есть или собственно говоря должна быть, должна ста
такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія; австрі
скій императоръ былъ въ то время еще германскимъ импера
ромъ, а затѣмъ долго, до 1868 г., главою германскаго сою
Желаніе видѣть Австрію государствомъ славянскимъ подраз
мѣвательно заключало въ себѣ имѣвшее развиться въ славяна
австрійскихъ стремленіе оторвать Австрію отъ Германіи и в
можно тѣснѣе сблизить ее или просто самимъ сблизиться
Россіею.

Такимъ образомъ съ пробужденіемъ славянскихъ народност
Австріи, съ развитіемъ ихъ мѣстныхъ словесностей должно бы
рости въ нихъ стремленіе ко взаимному познанію и сближен
ихъ внутри Австріи, а вмѣстѣ и къ наибольшему ознакомл
нію съ русскимъ языкомъ, литературою, къ сближенію съ ру
скимъ народомъ, съ Россіею.

Въ 1830-хъ годахъ словакъ Янъ Коларъ развиваетъ учен
свое о славянской взаимности и подробно излагаетъ програм
дальнѣйшей дѣятельности какъ для австрійскихъ, такъ и д
прочихъ славянъ въ этомъ направленіи. Въ своихъ сонета
Slavy dcera Коларъ уже требуетъ не только взаимности, но
единенія всѣхъ славянъ.

Стократе семъ млувилъ, тедь ужь кричимъ
Къ вамъ, о роскидани Славове,
Будьме цѣлекъ, а не дробтове,
Будьме анебъ вшецко, анебъ ничимъ.

«Сто разъ я говорилъ, теперь уже кричу вамъ, раскиданны
славяне! Будемъ цѣлое, а не куски, будемъ всѣмъ или ничѣмъ

Въ другомъ смыслѣ Коларъ представлялъ себѣ цѣлое сла-
янство въ видѣ статуи:

«Россію я бы вылилъ ей въ голову, тѣломъ бы въ ней были
яхи, плечами и руками Чехію, Сербію бы я раздѣлилъ на двѣ
оги. Меньшія вѣтви, виндовъ (словинцевъ), лужичанъ, хор-
атовъ, слезаковъ, словаковъ растопилъ бы я въ одежду и
ружье. Передъ этимъ истуканомъ вся Европа могла бы пасть
а колѣни, и сама выше облаковъ, однимъ шагомъ она поко-
ебала бы землю».

Внѣшнее могущество Россіи, представляемое въ Европѣ
акимъ то пугаломъ и страшилищемъ, радовало славянъ: не имѣя
овсе или лишенные своихъ государствъ, порабощенные Германіею,
бъявляемые нѣмцами за низшую, служебную расу, они не могли
е дорожить внѣшнею государственною силою единственнаго на-
ода славянскаго. Даровитый чешскій публицистъ Гавличекъ, жив-
ій въ Россіи, знавшій ея хорошія и дурныя стороны, говорилъ въ
ач. 50-хъ годовъ: «Что вы насъ, нѣмцы, стращаете русскимъ
нутомъ (russische Knute); для насъ, славянъ, онъ предпочти-
ельнѣе и лучше вашей нѣмецкой свободы»;—«вы насъ, нѣмцы,
азываете пѣвцами и флейтистами. Да, мы, славяне въ Австріи,
се еще пока бѣдные пѣвцы и флейтисты, но у насъ есть богатый
ядюшка, онъ играетъ на контръ-басѣ и такую творитъ музыку
ъ Европѣ, что часто всѣхъ заглушаетъ. Еще недавно басъ его
гралъ очень любезно (венгерская кампанія 1849 г.), и безъ
его вѣроятно прежнее Miserere не перешло бы въ нынѣшнее
Te deum laudamus. Изъ этого можно заключить, что дядюшка
ашъ смыслитъ въ политикѣ, а такъ какъ онъ тоже славянинъ,
о... quod erat demonstrandum». Въ другой разъ, оставивъ свой
утливый тонъ, Гавличекъ замѣчалъ объ Австріи, что ея цѣ-
ость и сохраненіе не нужны ни нѣмцамъ, ни мадьярамъ, ни
тальянцамъ, ни румынамъ. Для нихъ было бы даже лучше,
сли бы Австрія распалась. Только славяне, прибавилъ онъ,
е имѣютъ такой перспективы. «Если бы Россія была державою
вободною, то и славяне австрійскіе подобно нѣмцамъ и итальян-
амъ могли бы стремиться къ соединенію со своими соплеменника-
и, чтобы составить одинъ великій народъ и, образовавъ громадную
лавянскую державу, занимать первѣйшее мѣсто между всѣми
ародами міра". Это писалъ Гавличекъ въ 1849 г. Около же
того времени, болѣе его глубокій, свыше вдохновенный, само-

отверженный, геніальный словакъ Людевитъ Штуръ написалъ свое знаменитое посланіе: „Славянство и міръ будущаго“, ставшее извѣстнымъ свѣту въ русскомъ лишь переводѣ въ 1867 г. Здѣсь онъ прямо высказывается, какъ позже Данилевскій (Европа и Россія), противъ необходимости Австріи и вмѣстѣ противъ непосредственнаго присоединенія къ Россіи западныхъ славянъ, но за образованіе союза съ нею (федераціи) всѣхъ малыхъ славянскихъ народностей, съ сохраненіемъ ихъ внутренней политической самостоятельности.

Извѣстное мнѣніе Палацкаго, высказанное имъ въ 1848 г., о необходимости для славянъ австрійскихъ Австріи, какъ оплота съ одной стороны противъ Германіи, съ другой противъ Россіи, было въ послѣдствіи времени значительно измѣнено самимъ же Палацкимъ.

Въ 1864 г., по поводу словъ Шмерлинга и Этвеша о собраніи во Франкфуртѣ, въ органѣ Палацкаго, газ. „Народъ“ было сказано: „Если нѣмцамъ въ Австріи позволительно толковать объ общенѣмецкомъ парламентѣ во Франкфуртѣ, то никто намъ не запретитъ повести рѣчь о русскомъ парламентѣ всѣхъ славянскихъ народностей“. (Narod, 1864, № 262). Въ своемъ Doslov'ѣ (1872 г.) Палацкій писалъ: «Историческія событія съ 1848 по 1866 г. очевидно доказали, что какъ вообще у славянъ австрійскихъ, такъ у чеховъ въ особенности, идея федеративнаго ихъ соединенія подъ наслѣдственною властью укоренилась въ мысляхъ всего народа такъ глубоко, что для осуществленія и сохраненія ея они охотно принесутъ всякаго рода тяжелыя жертвы. Не знаю, будутъ ли еще всегда къ тому готовы и послѣ паденія системы Гогенвартовой (подъ чужимъ внушеніемъ); я почти въ этомъ сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, послѣ столькихъ обманутыхъ надеждъ, при ежедневно ростущихъ преслѣдованьяхъ, было бы противуестественно, если бы все еще желали помогать исконнымъ своимъ угнетателямъ вылѣзать изъ бѣды, въ которую они скоро падутъ; въ этомъ я достаточно убѣжденъ. *Я сказалъ, что не вѣрю въ великое (walné—общее, широкое) будущее Австріи, особенно съ той поры, какъ нѣмцы и мадьяры создали изъ нея грубую племенную деспотію: въ такомъ случаѣ вопросъ, что вообще будетъ со славянами, до сего времени австрійскими, и особенно съ чехами, не лишенъ въ этомъ отношеніи важности. Не пускаясь во всякаго рода возможности, коихъ никому изъ*

смертныхъ нельзя предвидѣть, съ полнымъ убѣжденіемъ скажу только, что чехи, какъ народъ, подпади они въ совершенное подчиненіе или подданство русскаго или прусскаго государства, никогда бы не были довольны своею судьбой. Они бы никогда не забыли, что, по исконному праву, они имѣютъ быть подданными лишь самимъ себѣ, т. е. своему собственному правительству, своему собственному государю. Прусаковъ, за ихъ германизаціонную фурію, они могли бы считать лишь за главныхъ непріятелей и враговъ своей народности. Что же касается русскихъ, то было бы совершенно наоборотъ. Имъ, какъ единокровнымъ родичамъ, друзьямъ и пособникамъ своимъ, чехи стали бы наивѣрнѣйшими, не подданными, но союзниками, а когда бы понадобилось, и передовымъ ихъ полкомъ (авангардомъ, předvoji) *въ Европѣ*».

Кто же изъ русскихъ людей можетъ и станетъ когда либо ожидать и желать отъ чеховъ чего либо иного, чего нибудь большаго? Такъ теоретически чешскій вопросъ можетъ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ, лишь бы только чехи такъ всегда думали. Къ сожалѣнью и послѣ 1870 и послѣ 1879 г., а не только послѣ 1867 г., разные чехи тамъ и сямъ повторяютъ еще фразу Палацкаго (1848 г.) о необходимости Австріи, какъ оплота противъ Россіи, что̀ заставляетъ русскихъ считать чеховъ австрійскими патріотами. Австрійскій же патріотизмъ не вяжется со славянствомъ въ головахъ и сердцахъ не только русскихъ, но и славянъ транслейтанскихъ, свободныхъ болгаръ, сербовъ, и несвободныхъ сербовъ Босніи и Герцоговины.

Когда на торжественномъ пріемѣ въ Бѣловарѣ австрійскій императоръ и венгерскій король далъ рѣзкій выговоръ епископу Штросмайеру за его извѣстную телеграмму въ Кіевъ (15 іюля 1888 г.), то органъ гр. Таафе, Presse писала слѣд.: «и не въ одной Хорватіи и Славоніи, но и въ Босніи и въ Сербіи, и въ Черной Горѣ *и въ Россіи* этотъ выговоръ будетъ имѣть *дѣйствіе отрезвляющее*. Въ этихъ земляхъ уже не дерзнутъ болѣе сомнѣваться, смѣетъ ли католическій епископъ въ Австро-Венгріи почитать панславизмъ, смѣетъ ли онъ *со славянскою литургіею и иными фантасмагоріями* проводить политику на свою руку и выбирать себѣ союзниковъ, гдѣ хочетъ».—Въ отвѣтъ на это органъ партіи Штросмайера, хорватская газета Obzor написала между прочимъ слѣд.: „*Славяне* (т. е. Хорваты и

австрійскіе славяне) *любятъ Россію и всегда будутъ ее любить, какъ Баварцы и Саксонцы любятъ Германію*» (т. е. германскую имперію).—Этотъ N былъ затѣмъ конфискованъ.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что и понынѣ раздаются въ Австріи голоса между славянами (старо-чехами, старо-словѣнцами, поляками, извѣстною русско-галицкою партіею Романчука), въ сотый разъ кстати и не кстати повторяющіе старое, столь вѣрно оцѣненное Штуромъ, положеніе о необходимости для славянъ Австріи. При этомъ они распинаются передъ Вѣною о любви и преданности народовъ славянскихъ къ Австріи, о полнѣйшемъ ихъ равнодушіи, даже ненависти къ Россіи. Вѣна довольная выслушиваетъ эти увѣренія, хотя сама же обыкновенно ихъ вызываетъ и заказываетъ, благодаритъ за нихъ и утверждаетъ, что въ нихъ никогда, даже при Фердинандѣ II, не сомнѣвалась. Тѣмъ не менѣе она хорошо знаетъ, что славяне австрійскіе, пробужденныя ихъ массы, умнѣйшая и честнѣйшая часть ихъ интеллигенціи Австрію дѣйствительно ненавидятъ, а Россію любятъ, ею гордятся, и отъ нея все чего-то ожидаютъ... Они любятъ ее, кто какъ умѣетъ, хвалятся и дорожатъ ею, не зная часто многихъ ея добрыхъ сторонъ и ея настоящихъ внутреннихъ силъ, постоянно слыша и читая объ ея дѣйствительныхъ или даже вымышленныхъ порокахъ и недостаткахъ. Оно и понятно: только безумецъ славянинъ можетъ не понимать, не предвидѣть, что̀ сталось бы со всѣмъ славянствомъ, если бы Россія пропала, исчезла съ лица земли или обратилась въ нынѣшнюю незначительность всего остальнаго славянства безъ Россіи.

Такого политическаго и болѣе чѣмъ политическаго вліянія самаго бытія и роста Россіи на Австрію, на славянъ австрійскихъ, съ начала ихъ пробужденія до настоящей минуты, отрицать невозможно. Нельзя сомнѣваться, такое вліяніе будетъ только расти, а не умаляться. Но одна политика въ жизни народовъ далеко не первой важности дѣло. Ея значеніе въ исторіи скорѣе второстепенное или третьестепенное. Самая сила и прочность политическаго вліянія одной страны на другую опредѣляется другими условіями и отъ нихъ главнѣйше зависитъ. Сверхъ политическаго вліянія Россіи на политическое развитіе и положеніе славянъ австрійскихъ и особенно цислейтанскихъ нужно отмѣтить другое вліяніе Россіи не громкое и не яркое.

Оно проникаетъ тихо, незамѣтно, дѣйствуя сначала на немногія единицы, затѣмъ черезъ десятилѣтія на нѣкоторыя тамъ и сямъ группы въ пять, десять человѣкъ, наконецъ опять не за одно десятилѣтіе, уже на сотни людей и болѣе. Здѣсь мы разумѣемъ замѣтное распространеніе знанія русскаго языка и возрастающее вліяніе русской литературы, а также вліяніе чисто духовное—ознакомленіе съ православіемъ, и развивающееся къ нему между славянами иновѣрцами сочувствіе, насколько оно подготовляется русскимъ посредствомъ, черезъ изученіе русскихъ богословскихъ трудовъ, русской церкви, исторіи, народной жизни.

Это послѣднее вліяніе для многихъ незамѣтное; гдѣ оно дѣйствительное и глубокое, само собой оно не выдается впередъ и не лѣзетъ на показъ, избѣгаетъ шума и демонстрацій. Это вліяніе принимается и развивается сильнѣе въ тѣхъ странахъ славянскихъ и въ тѣхъ классахъ ихъ населенія, гдѣ живѣе хранятся преданія кирилло-меѳодіевской проповѣди, гдѣ простой народъ крѣпче держится старославянскихъ нравовъ и обычаевъ, чувствъ братства, общинныхъ, гдѣ въ близкихъ въ народу духовенствѣ и интеллигенціи чтится память Гуса, Іеронима, братьевъ моравскихъ съ ихъ послѣднимъ епископомъ, великимъ Коменскимъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ вспоминается о подвигахъ возрожденнаго католичества и его милиціи іезуитовъ; и вообще вездѣ, гдѣ іезуиты не успѣли вытравить въ душахъ обращенныхъ поколѣній чувства правды, вѣры и любви, гдѣ не считаются матеріализмъ въ теоріи и опортунизмъ въ практикѣ высшимъ руководящимъ началомъ.

Это вліяніе Россіи прошлаго и нынѣшняго столѣтій на различныя страны Средняго міра обличаетъ извѣстную внутреннюю культурно-историческую связь и сродство этихъ странъ и народовъ съ Россіею. Это вліяніе Россіи было благотворно и глубоко преимущественно тамъ, гдѣ Россія выступала массою, гдѣ русскій народъ такъ или иначе проявлялъ свою силу, когда нельзя было безъ него обойтиться,—напр. арміею, флотомъ, языкомъ, народною поэзіею. Менѣе сильно, менѣе глубоко и откровенно говоря вообще менѣе благотворно было вліяніе русской школы, образованности и литературы. И это вліяніе было двоякое. Есть тутъ и явленія утѣшительныя и отрадныя—таково вліяніе нашихъ великихъ писателей, поэтовъ художниковъ, нашихъ лучшихъ ученыхъ, историковъ, археологовъ, фи-

логовъ и ихъ трудовъ по русской византійской, славянской исторіи, археологіи, языкознанію, славяновѣдѣнію. Но это вліяніе не было всеобщимъ, не одинаково простиралось на всѣ страны и народы; оно почти миновало грековъ, румынъ, не равномѣрно и не единовременно разливалось по цѣлому славянству, и въ немъ дѣйствовало на нѣкоторые лишь общественные слои и кружки. Наша школа, наша образованность и литература производила также и довольно жалкое вліяніе. Иначе впрочемъ и быть не могло. Русская школа, какъ народная, такъ средняя и высшая, находится еще въ положеніи далеко не блестящемъ. Наша образованность и наша общеобразовательная литература, за исключеніемъ немногихъ добрыхъ и свѣтлыхъ явленій, страдаютъ еще великими пробѣлами, недостатками, даже крупными пороками. Въ нашей школѣ, въ нашей образовательной и ученой литературѣ, въ русской образованности вообще еще очень мало здороваго, сочнаго, своего, русскаго, національнаго. Рядомъ съ немногимъ сравнительно свѣтлымъ и хорошимъ, что въ нихъ имѣется, сколько еще въ нихъ близорукой, ограниченной подражательности. Еще сильна въ насъ, русскихъ, непривычка думать своимъ умомъ и работать самостоятельно, еще въ нашихъ знаніяхъ, въ нашихъ работахъ всякаго рода, въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ на государственной и общественной службѣ, въ литературѣ, наукѣ, въ значительной долѣ участвуютъ невнимательность, несосредоточенность, неряшество, разгильдяйство и, можно даже сказать, нерѣдко настоящая недобросовѣстность. Мы доселѣ еще любимъ хватать знанія на лету, запускаемъ или спѣшимъ свалить всякую работу, не любимъ и не умѣемъ вынашивать наши мысли, обработывать наши труды, доводить ихъ до возможно чистой отдѣлки. Наша школа и общественная жизнь не даютъ юношеству и молодежи должной нравственной и умственной выправки и самообладанія. Мы всѣ любимъ обвинять русскаго крестьянина, ремесленника, мастероваго, нашу прислугу въ неисправности и въ неаккуратности, обыкновенно противупоставляя русскую работу нѣмецкой, русскаго человѣка нѣмцу. Но дѣло въ томъ, что наши большіе землевладѣльцы, наши администраторы, литераторы, художники, ученые по большей части страдаютъ тѣми же и еще другими недостатками. Жизнь по средствамъ—по одежкѣ протягивать ножки, не тянуться за

сѣдомъ, не бросать денегъ даромъ направо и налѣво, не стыдиться бѣдности, не прибѣгать безъ нужды къ помощи прислуги, не дѣлать долговъ, а, сдѣлавши, исправно платить ихъ: «и не плати своихъ долговъ, по праву русскаго дворянства»—все это въ нашемъ дворянствѣ, въ столичномъ и провинціальномъ чиновничествѣ,—большею частью, по остроумному замѣчанью Ю. Ѳ. Самарина, дворянинъ у насъ—тотъ же чиновникъ въ халатѣ, а чиновникъ—тотъ же дворянинъ въ вицъ-мундирѣ,—считается у насъ со временъ Грибоѣдова—умѣренностью и акуратностью—Молчалинскими добродѣтелями, едва ли не подлостью и чуть ли не всегда признакомъ бездарности. Всѣ эти дрянныя стороны русской жизни у иныхъ, людей *національнаго* направленія, признаются кореннымъ свойствомъ славянской широкой натуры, у другихъ—направленія *европейскаго*,—порядочность и исполнительность, строгія отношенія къ обязанностямъ считаются презрѣннымъ филистерствомъ, буржуазностью. Администрація наша, столичная и провинціальная, еще понынѣ славится своею неточностью, неисполнительностью и халатностью, по крайности въ отношеніяхъ къ мелкой публикѣ и къ народу. Главный расчетъ германскихъ военныхъ стратеговъ въ будущей предполагаемой войнѣ съ Россіею основанъ именно на неряшливости и неисправности какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и прочихъ нашихъ органовъ управленія. Тѣ же грѣхи отличаютъ по большей части нашу печать, литературу, науку. Книга наша печатается еще большею частью неизящно, нечисто, со множествомъ опечатокъ. Русскіе переводы—литературные и научные—часто кишатъ невѣрностями, искаженіями смысла подлинника, нерѣдко даже намѣренными, въ видахъ консервативныхъ или радикальныхъ, а чаще всего вслѣдствіе поспѣшности или даже невѣжественности переводчика и небрежности редактора съ извѣстнымъ именемъ. Русскіе ученые труды еще нерѣдко выдаются своими неточностями ссылокъ, приводимыхъ текстовъ, таблицъ и пр. Наша журнальная критика давно уже славится своею размашистостью и разнязностью, безстрашною рѣзкостью приговоровъ и, отчасти уже безсознательною, привычкою—такова сила традицій—невѣрно передавать содержаніе и смыслъ разбираемой статьи, книги или отдѣльныхъ ея мѣстъ.

Словомъ, все это недостатки—общіе всѣмъ сторонамъ русской жизни. Они конечно вытекаютъ не изъ какихъ либо ко-

ренныхъ свойствъ русской или славянской природы, а составляютъ принадлежность нашей въ значительной степени ложной образованности. Привитая изъ чужа, насильственно, по приказу, она выростала на крѣпостномъ правѣ, долго была и отчасти понынѣ остается образованностью показною, искусственною. Образованность эта, которою подчасъ такъ хвалятся и наши консерваторы и наши радикалы, причемъ тѣ и другіе часто указываютъ, съ понятною имъ только гордостью, на совершенно разныя имена и явленія, все еще образованность не настоящая, мало оригинальная, скудная творчествомъ, какъ есть мало народная, такъ сказать совсѣмъ не въ версту такому великому, своеобразному народу, каковъ русскій. Конечно русская поэзія, музыка, живопись,—гораздо меньше скульптура, зодчество,—русская наука впрочемъ далеко, далеко не по всѣмъ отдѣламъ и отраслямъ, блещутъ уже нѣсколькими великими и славными именами, представили уже нѣсколько прекрасныхъ созданій и памятниковъ. Но огромное большинство русскаго общества едва ли вообще вѣрно оцѣниваетъ всю эту работу русскаго таланта и генія. Часто, не видя и не замѣчая настоящей русской силы, оно поклоняется разнымъ понадѣланнымъ кумирамъ и дутымъ славамъ, восхищается созданіями русскаго пустоцвѣта, съ легкимъ сердцемъ и бойкимъ полузнаньемъ живо переносившаго къ намъ всѣ болѣзни старѣющихъ обществъ.

При такомъ состояніи русской школы, литературы и образованности еще долго нельзя ожидать,—едва ли даже нужно объ этомъ и жалѣть,—признанія русскаго языка общимъ языкомъ всего славянства не въ потенціи, а въ дѣйствительности. Наша образованность мало еще отвѣчаетъ потребностямъ и задачамъ Россіи, мало опознала духовныя и насущныя нужды славянства, всего нашего міра, гдѣ ей досталось первое мѣсто. Образованность наша изобилуетъ всякаго рода ложью, болѣзненными наростами и недугами, обычными примѣтами полуварварскихъ обществъ, наскоро, безъ разбору прививавшихъ себѣ старыя цивилизаціи.

Для странъ и народовъ нашего міра, покоренныхъ нѣмцами, вся подражательная сторона нашей литературы и образованности имѣла мало значенія, развѣ только безнародная часть ихъ интеллигенціи могла примѣромъ Россіи себя утѣшать и оправдывать, какъ славяне латинизованные утѣшаютъ и оправдыва-

ютъ себя примѣромъ славянъ-уніатовъ, ибо между уніею и внѣшнею, подражательною образованностью Россіи и прочихъ православныхъ земель есть тѣсное внутренное сродство. Унія—западничество—европеизмъ въ нашемъ мірѣ состояніе переходное. Оно ведетъ или къ полному отреченію отъ родныхъ основъ, или къ сознательному ихъ возврату. Но на бывшее подъ властью турокъ славянство, еще болѣе насъ невѣжественное, гораздо меньше насъ образованное, и вслѣдствіе единовѣрія гораздо болѣе къ Россіи привязанное, наша школа, литература и образованность имѣла вліяніе довольно сильное. И надо признаться, въ этомъ вліяніи нашемъ, рядомъ съ извѣстнымъ благомъ, было много дурнаго и гибельнаго. Много сербовъ и болгаръ, проведшихъ свою юность и первую молодость въ Россіи или у себя на родинѣ воспитавшихся на разныхъ русскихъ книжкахъ русской и заграничной печати, прививали себѣ разныя болѣзни русской интеллигенціи тѣмъ легче, чѣмъ больше ихъ предрасполагала первоначальная невѣжественность и полудикость. Сильный организмъ могучаго народа, уже заявившаго себя великими созданьями и крупными явленіями въ художествахъ и наукѣ, конечно легче справится и совладаетъ съ разными наносными болѣзнями, при извѣстныхъ условіяхъ свободы и просвѣщенія, скоро переваритъ, себѣ въ пользу и во благо, самыя иначе ядовитыя вещества. Гораздо труднѣе перенести ихъ малымъ и неокрѣпшимъ силамъ такихъ странъ и народовъ, какъ Грецію, Румынія, Сербія, Болгарія. Относительно трехъ первыхъ умными наблюдателями англійскими, нѣмецкими, французскими давно замѣчено, а относительно Болгаріи замѣчается теперь, что послѣ освобожденія этихъ земель отъ турокъ, народные нравы, внѣшнее благосостояніе и разные общественные и административные порядки въ иныхъ отношеніяхъ, сравнительно говоря, упали, ухудшились, испортились, что при туркахъ въ этихъ странахъ то, другое и третье было иногда лучше, порядочнѣе, примѣнительнѣе къ народнымъ нравамъ и обычаямъ, дешевле и честнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, при ихъ національныхъ, прогрессивныхъ, либеральныхъ, консервативныхъ правительствахъ [1]).

---

[1]) Прекрасный трудъ г. Карича «Србија, опис земље, народа и државе Београд. 1887» представляетъ превосходную діагнозу внутренняго развитія

Будемъ справедливы и опознаемъ такія же печальныя явленія, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, и въ русской исторической жизни за послѣднія 200 лѣтъ. Укажемъ лишь въ нашемъ просвѣщеніи и общественной жизни — нигилизмъ съ развитіемъ его въ концѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ въ самый дикій анархизмъ, въ народномъ хозяйствѣ— экономическія бѣдствія, въ родѣ нынѣшняго положенія семнадцати губерній съ 30 милл. жителей, въ политической сферѣ— совершенно неожиданное и непредусмотрѣнное нами заключеніе нашимъ «вѣрнымъ и добрымъ другомъ и союзникомъ», Пруссіею, тройственнаго, оборонительнаго и наступательнаго, союза съ Австро-Венгріею и Италіею. Только людямъ очень легкомысленнымъ и недальновиднымъ можетъ казаться, что эти пороки и прегрѣшенія русской духовной, хозяйственной и государственной жизни ведутъ свое начало отъ реформъ прошлаго царствованія и корнями своими восходятъ къ концу 50-хъ и нач. 60-хъ годовъ нашего столѣтія. Нѣтъ, корень зла вовсе не тутъ. Онъ лежитъ гораздо глубже. За послѣднія двѣсти лѣтъ жизнь наша развивалась крайне односторонне, шла почти постоянно ложными дорогами. Духъ человѣческій, мысль, совѣсть, свободу воли, идею Бога, вѣру, христіанское ученіе, церковь мы цѣнили, по скольку они казались полезными для временныхъ, земныхъ цѣлей внѣшняго порядка и благочинія, для нуждъ государственныхъ. Мы болѣе всего помышляли объ окружности, а не о центрѣ, о корѣ и скорлупѣ вещей, а не объ ихъ ядрѣ, о формахъ и наружности, а не о внутренности. У себя въ домахъ мы болѣе всего заботились объ убранствѣ нашихъ гостиныхъ и парадныхъ залъ, а не о спальняхъ, дѣтскихъ, людскихъ. Мы жили что̀ называлось открыто, на показъ, для гостей «званныхъ и незванныхъ, осо-

---

Сербіи за послѣднія лѣтъ пятьдесятъ. Подобныя же злосчастныя ошибки и печальныя явленія въ народной жизни совершались и въ Греціи, и въ Румыніи, въ новѣйшее время совершаются въ Болгаріи, здѣсь не безъ значительной впрочемъ вины со стороны русскихъ легкомысленныхъ ея организаторовъ. Перенесеніе чужихъ формъ жизни никогда не проходитъ народамъ безнаказанно. Все это многимъ у насъ кажется выдумкою славянофиловъ. Они, по недавнему остроумному замѣчанію Вѣстника Европы, никогда логикой не отличались. Относительно Греціи за первыя тридцать лѣтъ ея независимости см. замѣчательную многими подробностями книжку: «Le gouvernement et l'administration en Grèce depuis 1833 par un témoin oculaire. Gènes. 1863».

бенно для иностранныхъ», не задумываясь, хватитъ ли у русскаго народа, у Россіи средствъ и силъ на всѣ эти наши и чужія забавы, потѣхи и развлеченія. Безграмотная, невѣжественная, крѣпостная, полуголодная, спаиваемая кабаками—главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ,—бездорожная, ежегодно опустошаемая пожарами Россія тратила милліоны на расходы часто самые непроизводительные и безполезные. Насъ тѣшило и радовало, что сѣверная Пальмира безпрерывно украшается роскошными зданіями съ великолѣпными казенными квартирами для разныхъ военныхъ генераловъ и дѣйствительныхъ и просто тайныхъ, дѣйствительныхъ и просто статскихъ совѣтниковъ [1]), имѣетъ лучшія въ Европѣ итальянскую оперу и балетъ, обладаетъ роскошною кавалеріею съ дорогими мундирами и конями, содержитъ цѣлую нѣмецкую академію съ жалованьемъ, наградами и квартирами про нѣмецкихъ ученыхъ для изслѣдованія Россіи, съ изданіемъ ихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ, и, сокращая до возможнаго minimum'a (въ 1849 г.) число студентовъ въ нашихъ университетахъ, мы тутъ же не безъ гордости указывали, какъ на свою заслугу передъ наукою, на изданіе двухъ словарей санскритонѣмецкихъ, одного малаго, впрочемъ довольно большаго, и другаго великаго, за дорогое изданіе котораго не брались ни Англія, ни Германія, ни Франція. Страшною же, безполезною для Россіи роскошью были и всѣ ея войны въ Европѣ за спасеніе троновъ савойско-сардинскаго, неаполитанско-бурбонскаго, габсбурговъ, гогенцоллерновъ и разныхъ другихъ нѣмецкихъ князей, герцоговъ, ихъ же имена одному Богу да развѣ немногимъ нѣмцамъ извѣстны. Если бы Россія при Петрѣ III, Павлѣ I и въ первые годы царствованія Александра I вовсе не увлекалась европейскими симпатіями, то очень вѣроятно, мы бы не имѣли и войны 12 г. Еще бы легче могла бы Россія избѣжать войны 1813 г., еслибъ совѣтъ Кутузова былъ выслушанъ. Всячески безъ этихъ войнъ и походовъ, безъ всѣхъ этихъ хлопотъ и заботъ о счастіи и безопасности совершенно чужихъ,

---

[1]) Одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей, гр. Т. въ бытность свою въ Вѣнѣ въ 80-хъ или 70-хъ годахъ посѣтилъ тамошняго министра народнаго просвѣщенія и былъ страшно пораженъ незначительностью и неудобствами его квартиры, о чемъ потомъ и разсказывалъ съ величайшимъ удивленіемъ.

ни на что Россіи не нужныхъ, савойской, бурбонской, габсбургской, гогенцоллерискоі и прочихъ нѣмецкихъ династій, Россія, при бо̀льшихъ помыслахъ и стараніяхъ о своихъ внутреннихъ дѣлахъ, была бы теперь населеннѣе, грамотнѣе, просвѣщеннѣе, сильнѣе, богаче, болѣе увѣренною и готовою къ отраженію замышляемаго и снаряжаемаго вторженія двухъ, а можетъ и всѣхъ трехъ армій тройственнаго союза 1879 г., дабы отнять у Россіи цѣлыя ея области по западную Двину и Днѣпръ, отбросить ее въ Азію, гдѣ въ свою очередь рѣшено возбуждать противъ Россіи Китай, Турцію и Англію. Да, полонъ глубокой для насъ ироніи этотъ союзъ Гогенцоллерна, Габсбурга и Савойца, охраненіе и усиленіе коихъ мы такъ долго считали въ нашей мудрости одною изъ важнѣйшихъ задачъ Россіи. За девять лѣтъ до него мы не знали мѣры нашимъ радостямъ и восторгамъ, по побѣдамъ пруссаковъ. Масса солдатскихъ георгіевъ украсила груди побѣдителей. Россія сразу пріобрѣла четырехъ новыхъ фельдмаршаловъ и четырехъ кавалеровъ Георгія I степени. Этотъ союзъ 1879 г., эти прусскіе планы будущей войны въ союзѣ съ Австро-Венгріею и Италіею для раздѣла Россіи— бросаютъ яркій свѣтъ на всю ложность пути, которому она слѣдовала въ теченіе почти всѣхъ послѣднихъ полутораста лѣтъ какъ въ своей внѣшней относительно Европы, такъ и внутренней по отношенію къ Прибалтійскому краю, по разселенію и всяческому покровительству нѣмецкихъ колонистовъ въ Привислинскомъ краѣ, въ сѣверозападной, югозападной и юговосточной Россіи, наконецъ вокругъ Петербурга, вокругъ Царскаго Села, Павловска, Петергофа и Ораніенбаума, по насажденію, разведенію и возвеличенью нѣмецкаго элемента въ центрѣ русской администраціи.

Будемъ справедливы и не будемъ упрекать за это нашихъ государей и ихъ ближайшихъ совѣтниковъ. Они увлекались не одними личными и родственными симпатіями. Они увлекались вмѣстѣ со всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, съ начала 60-хъ годовъ прошлаго вѣка въ особенности, тою фикціею, что Европа есть всечеловѣчество, что образованность европейская есть образованность общечеловѣческая, что она ничего не заключаетъ въ себѣ мѣстнаго, условнаго, преходящаго, національнаго, что отнынѣ до скончанія вѣковъ она есть и будетъ единая возможная вселенская образованность. Въ XVIII в. сама Европа

крѣпко въ это вѣрила. О покорной, послушной Россіи не задумывались, а сѣверная Америка еще не объявилась. Наши образованные русскіе люди съ того времени единодушно полагали, что ничто европейское, никакіе европейскіе интересы и злобы не могутъ, не должны быть чужды русскому сердцу. Они за счастье почитали, когда проливалась русская кровь, тратились русскія деньги на пользу и благо Европы. Имъ никогда въ голову не приходило, что исконный, первый и главный интересъ Европы Карла В. и его преемниковъ вплоть до Наполеона I и III, до Вильгельма I и Фридриха III съ ихъ Бисмаркомъ, состоялъ въ ослабленіи, униженіи, территоріальномъ сокращеніи греко-славянскаго міра. Главною его представительницею Европа давно и справедливо стала считать Россію, чего сама Россія, особенно въ лицѣ ея вождей и высшихъ представителей, долго (съ исх. XVIII в.) не сознавала; еще дольше она не понимала историко-культурныхъ и этнологическихъ отношеній между своимъ міромъ греко-славянскимъ и собственною Европою или міромъ романо-германскимъ.

Не будемъ односторонни, отдадимъ должное нашимъ многолѣтнимъ увлеченіямъ Европою, ея цивилизаціею. Въ этомъ увлеченіи, при всѣхъ его крайностяхъ, было много прекраснаго. Въ нашей дани восторговъ было много справедливаго, истинно-человѣческаго: средневѣковая и новая Европа, романская и германская ея половины въ духовно-религіозной области, общежитіи, въ государственности, въ искусствахъ, въ наукахъ, промышленности, торговлѣ раскрыли столько богатства и величія духа, столько отваги и любви, создали такое множество разнообразныхъ, чудныхъ несокрушимыхъ памятниковъ энергіи, талантовъ и генія, что грядущія людскія поколѣнія во всѣхъ углахъ земнаго шара вѣчно будутъ съ благодарностью вспоминать о великихъ подвигахъ Европы. Мы, русскіе, не заслуживали бы почетнаго имени арійско-христіанскаго, не имѣли бы правъ на великое будущее, если бы, послѣ долгаго отчужденія нашего, сойдясь поближе съ Европою, не увлеклись ею до полнаго даже самозабвенія и самоотреченія. Но такое увлеченіе не могло вѣчно продолжаться. За этимъ періодомъ восторговъ, когда рядомъ съ прекраснымъ было не мало смѣшнаго и нелѣпаго до уродства, долженъ былъ наконецъ наступить періодъ отрезвленія, спокойнаго разбора и оцѣнки пережитого и перечувст

ваннаго. Сама Европа сознательно и безсознательно раскрыла намъ разные пробѣлы, коренные недостатки, пороки и язвы своей цивилизаціи. Она же отчасти научила насъ цѣнить и полузабытыя, долго нами пренебрегаемыя стороны и особенности нашего міра, разъяснила намъ, какъ важно самопознаніе, всесторонее и сочувственное изученіе своего народа, своей страны, церкви.

Туго подвигалось это самопознаніе, еще понынѣ не мало видимъ послѣдовъ старой подражательности, утратившей непосредственную, наивную свѣжесть и прежнія разумныя оправданія. Видя въ недавнемъ еще прошломъ много лжи и недостатковъ, русское сознаніе не проклинаетъ однако путей, нами пройденныхъ и можетъ указывать на иной лучшій, истинно царскій путь дальнѣйшаго нашего развитія. Намъ понятно теперь, что долгое наше отчужденіе отъ всего роднаго и святорусскаго, наше увлеченіе Европою до самозабвенія и самоотреченія зародило и воспитало въ насъ прежде не являвшуюся въ русскомъ человѣкѣ способность переноситься въ чужіе міры, сочувствовать ихъ радостямъ и скорбямъ, понимать самыя своеобразныя стороны европейской жизни, чувствовать и оцѣнивать глубочайшія созданія національныхъ геніевъ разныхъ европейскихъ странъ и народностей. И многое, что въ свое время казалось намъ прискорбнымъ, ошибочнымъ и вреднымъ въ смыслѣ русскихъ народныхъ интересовъ, предстаетъ теперь въ иномъ свѣтѣ.

Два раза германскій элементъ игралъ преобладающую, руководящую роль, въ первыя и послѣднія полтораста лѣтъ нашей исторіи. Онъ внесъ много личной силы, энергическаго почина, предпріимчивости, смѣлости, ума и таланта въ управленіи кормиломъ нашего корабля. Но прошлое германизма въ Россіи, особенно послѣдняго періода, когда русско-нѣмецкій элементъ гораздо сильнѣе зависѣлъ отъ Германіи, чѣмъ русско-варяжскій отъ Швеціи, Норвегіи, Даніи, показываетъ, что въ исторіи человѣчества много великаго и прекраснаго, почти чудеснаго, творится безсознательно, что личный произволъ и сознательная дѣятельность отдѣльныхъ лицъ или цѣлой ихъ группы, когда онѣ духовно не связаны съ народомъ, приводятъ нерѣдко къ совершенно нечаемымъ и непредвидимымъ результатамъ.

Таковы были полные удальства и отваги, но въ сущности нелѣпые и для русскаго славянства вовсе ненужные, походы,

предпріятія Олега, Игоря, Святослава. Цареграда они не завоевали, взять его не могли и взявши, ничего путнаго подѣлать съ нимъ конечно не съумѣли бы, восточной имперіи не разрушили, даже не ослабили. Ничего собственно изъ того, что замышляли, варяги не достигли, и ничего изо всѣхъ ихъ замысловъ странѣ, ихъ принявшей, не было нужно. Но эти грабежи и набѣги въ послѣдствіи оказались полезными Руси: они значительно сократили въ ней, много въ нихъ понесшій потерь, элементъ варяжскій, сблизили насъ съ Цареградомъ, открыли ему вліяніе на нашу страну, подготовили ея обращеніе въ христіанство. Память о подвигѣ германца Олега и легенда объ его щитѣ на стѣнѣ Цареграда вошла мотивомъ въ позднѣйшую область мечтаній и надеждъ, въ кругъ идей, всего менѣе пріятныхъ и желанныхъ германскому міру. Точно также и новѣйшія наши думы и попеченія, съ конца прошлаго и въ первую половину нашего столѣтія, о сохраненіи спокойствія, добраго согласія, мира и тишины въ Европѣ привели къ западно-европейской коалиціи противъ Россіи и къ Крымской войнѣ, а слишкомъ столѣтній нашъ культъ Пруссіи, увѣнчанный нашими восторгами 1870 г., довелъ до Тройственнаго Союза 1879 г.

Разныя предпріятія этого времени были вызваны не русскими, а германскими нуждами и интересами. Въ какой степени были въ самомъ дѣлѣ благотворны послѣдствія этой русской помощи для германизма, разбирать здѣсь не мѣсто: всячески неочевидны и спорны. Но подвиги суворовской арміи, проходъ и стоянки русскихъ войскъ въ славянскихъ земляхъ имѣли несомнѣнно великія, благодѣтельныя послѣдствія для возрожденія славянства, положили начало освобожденію его изъ нѣмецкой неволи. Не обожай мы такъ Пруссіи, она бы не двинула всей своей арміи во Францію и поспѣшила заключеніемъ мира, безъ отнятія у Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Такъ на многія лѣта было нарушено единодушіе и сердечное согласіе Европы. Въ какой степени и какъ надолго выиграла отъ того Германія, мы конечно опредѣлить не можемъ, но для Россіи сильная Германія, даже въ Тройственномъ союзѣ, все же слабѣе цѣлой Европы, если бы она дружно, единодушно ополчилась противъ насъ. Въ 1853—54 г. Пруссія и Австрія со всею Германіею были близки ко вступленію въ открытый, дѣятельный союзъ противъ Россіи. Какъ ни ослаблена франкфуртскимъ миромъ Франція, все же

она составляетъ предметъ большихъ тревогъ и заботъ усилившейся Германіи. Не говоримъ уже о воспитательномъ значеніи объединенія Германіи для славянства въ Австро-Венгріи и въ прежней Турціи, объ измѣненіи съ того времени петербургскихъ воззрѣній на нѣмцевъ остзейскихъ и вообще на нѣмецкій элементъ въ Россіи. Утрата слишкомъ столѣтняго могучаго вліянія въ Россіи—«днямъ такимъ уже не возвращаться»—едва ли когда окупится для Германіи пріобрѣтеніемъ двухъ небольшихъ, весьма недружелюбно къ ней расположенныхъ, провинцій, одной изъ нихъ даже вовсе не нѣмецкой, съ придачею глубокой, непримиримой вражды жаждущей мщенія, дружбы и союза съ Россіею Франціи.

Недостатокъ опредѣлительнаго сознанія въ цѣльномъ народѣ и обществѣ бываетъ обыкновенно источникомъ слабости, ведетъ къ печальнымъ заблужденіямъ, по ложнымъ путямъ. Это ясно сказалось въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Трудно вкратцѣ выразить все безконечно-благотворное вліяніе православной вѣры, церкви на жизнь русскаго народа. Если наша Русь чѣмъ крѣпка и сильна, чѣмъ живетъ и движется, почему предстоитъ ей великое будущее,—то конечно благодаря ея высокому просвѣтительному началу. Все прочее, что̀ нужно людямъ, само прилагается и приложится, ибо для человѣчества нѣтъ и никогда не будетъ ничего выше исканія царства Божія, царства вѣчной истины и совершенной любви.

Суровая природа, пространныя равнины, лѣса, болота, исключительное почти занятіе землепашествомъ, разнымъ домашнимъ и лѣснымъ промысломъ, продолжительное незнаніе моря, воспитателя духа предпріимчивости и умственной отваги, долго не развивали въ добрыхъ и способныхъ славяно-русскихъ племенахъ ни пытливости мысли, ни безсонности ума, такъ рано отличавшей древнихъ грековъ. Въ доброй славянской природѣ, въ сельскомъ бытѣ русскаго народа было много предрасположенія къ сердечному воспріятію христіанства, но намъ долго, слишкомъ долго не давалась та подвижность и возбужденность ума, что̀ никогда не оставляетъ духа человѣческаго въ покоѣ, будитъ въ немъ любознательность, требуетъ отъ него строгаго отчетливаго разбора, что̀ въ его нравственномъ законѣ, въ его правилахъ жизни и въ его быту самое высшее и существенное, что̀ случайно и условно, что̀ необходимо для спасенія и что̀ безразлично.

Эта пытливость ума не могла развиться въ древней и старой Руси отъ неимѣнія настоящей, хорошо устроенной школы, съ научнымъ характеромъ, съ изученіемъ греческаго языка. Получивъ съ принятіемъ христіанства готовые славянскіе переводы Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ, отеческихъ произведеній и пр., наши предки, при слабой любознательности, чувствовали мало охоты, еще менѣе необходимости изучать греческій языкъ. Такъ древняя и старая Русь имѣла въ разныя времена и сравнительно съ каждымъ столѣтіемъ больше людей начитанныхъ въ обширной славянской переводной литературѣ; но людей научно-образованныхъ, хорошо знакомыхъ съ подлинниками средне- и древне-греческой литературы, хорошихъ учителей и школъ въ ней почти не было. Въ XVI и XVII в. уже чувствуется въ нихъ потребность, являются разныя попытки, но прочнаго и широкаго успѣха онѣ не имѣли. Этотъ недостатокъ и даже отсутствіе настоящаго образованія въ древней и старой Руси (въ Московскомъ государствѣ), имѣли, какъ вѣрно указывали Кирѣевскій, Хомяковъ и подробнѣе раскрылъ Голубинскій Евгеній въ своей Исторіи русской церкви [1]) огромное вліяніе на пониженіе у насъ общаго уровня христіанской мысли, а затѣмъ и христіанской нравственности. «Невѣжество, по прекрасному замѣчанію Кирѣевскаго, отлучаетъ народы отъ живого общенія умовъ, которымъ держится, движется и выростаетъ истина посреди людей и народовъ. *Отъ невѣжества разума, при самыхъ правильныхъ убѣжденіяхъ сердца, рождается ревность не по разуму, изъ которой въ свою очередь происходитъ уклоненіе разума и сердца отъ истинныхъ убѣжденій*». У насъ нерѣдко обвиняютъ исключительно Московскій періодъ (XVI в.) и русскихъ раскольниковъ (к. XVII в.) въ стремленіи ко внѣшней формальности, въ смѣшеніи ученія съ обрядностью, духа съ буквою, внѣшняго и измѣняемаго съ внутреннимъ и существеннымъ. Но это стремленіе и это смѣшеніе начинаетъ выступать еще въ Кіевской Руси въ XI в. Довольно вспомнить, какъ Пр. Ѳеодосій представлялъ себѣ различія православія и латинства.

[1]) Какъ жаль, что остановилось дальнѣйшее печатаніе этого прекраснаго труда, доведеннаго до к. XVI в.; эта остановка просто несчастіе для нашего духовнаго просвѣщенія, ибо трудъ Голубинскаго составляетъ истинное украшеніе русской богословской и исторической науки.

Правда онъ указалъ на прибавку въ символѣ вѣры (filioque), но ни слова не упомянулъ о папской власти и ея притязаніяхъ. За то онъ подробно распространяется о томъ, что Латина ѣдятъ вообще «и удавленину и мертвечину и медвѣжину и бобровину и хвостъ бобровый», «и въ субботу постятся», «и постившеся вечеръ, ядятъ молоко и яйца». Подобно позднѣйшимъ нашимъ старовѣрамъ, пр. Ѳеодосій совѣтуетъ давать Латинамъ, когда просятъ Христа ради ѣсть и пить, но «въ своихъ сосудѣхъ» (т. е. въ ихъ собственныхъ). Если же *своего* сосуда у нихъ не будетъ, то де можно и *въ своемъ дать*, но «потомъ измывши же, сотворити молитва». Далѣе онъ уговариваетъ съ Латининомъ не брататься, «ни поклонитися, ни цѣловати его, ни снимъ въ одиномъ сосудѣ ясти, ни пити, ни борошна ихъ пріимати».

Предки наши были искренне преданы православію, рѣшительно уклонялись отъ латинства, но отъ невѣжественнаго и слишкомъ вещественнаго (матеріальнаго) пониманія вѣры, они часто совсѣмъ не сознавали настоящихъ различій между православіемъ и латинствомъ. Они нерѣдко увлекались и восхищались именно тѣми сторонами латинства, что̀ наиболѣе противны православію, прямо вытекали изъ крайняго ученія о папствѣ, о внѣшнемъ авторитетѣ въ церкви, о необходимости въ ней внѣшней, принудительной власти, слѣдовательно вызывали и освящали насиліе въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

Новгородскій архіепископъ Геннадій (к. XV и нач. XVI в.) былъ сравнительно однимъ изъ образованныхъ іерарховъ своего времени: заботился о школахъ для духовенства, объ изготовленіи полнаго списка перевода Библіи. Что̀ же ему нравилось, что̀ его умиляло на латинскомъ западѣ, что̀ онъ пламенно желалъ видѣть на Руси, въ Москвѣ? «Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ! *Сказывалъ ми посолъ цесаревъ про шпанского короля, какъ онъ свою очистилъ землю, и азъ съ тыхъ рѣчей и списокъ тебѣ послалъ*. И ты бы, писалъ онъ митрополиту Зосимѣ,— господине, великому князю о томъ пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великаго князя». Единомышленникъ Геннадія, Іосифъ Волоцкій не умѣлъ подмѣтить чисто языческихъ, римскихъ государственныхъ воззрѣній многихъ Византійскихъ императоровъ на христіанство, на церковь, какъ на религію и учрежденіе государственныя. Еретики сами, импе-

раторы преслѣдовали и гнали православныхъ и, сами православные, императоры нерѣдко гнали и преслѣдовали еретиковъ. Это вмѣшательство императоровъ въ дѣла вѣры и церкви было строго осуждаемо лучшими людьми Византіи, но приводило въ восторгъ и умиленіе Іосифа Волоцкаго, въ своей ревности не по разуму такъ горячо настаивавшаго на избіеньи еретиковъ. Къ величайшему сожалѣнію, Геннадій и Іосифъ Волоцкій находили себѣ многихъ приверженцевъ въ старое время, а въ новѣйшее даже защитниковъ и тамъ, гдѣ всего печальнѣе ихъ видѣть. Къ чести старой Руси надо впрочемъ сказать, что грубыя воззрѣнія Геннадія и Іосифа Волоцкаго находили и сильное порицаніе въ ихъ современникахъ, въ такихъ благородныхъ, вѣчной памяти достойныхъ дѣятеляхъ духовныхъ и свѣтскихъ, каковы были: Нилъ Сорскій, митрополитъ Зосима, несправедливо, какъ показалъ проф. А. С. Павловъ, обвиняемый Іосифомъ Волоцкимъ въ ереси, иноки Вассіанъ (Патрикѣевъ), Артемій, князь Курбскій.

Къ несчастью умственное невѣжество, какая то тупость и грубость пониманія всего духовнаго съ одной стороны и значительная нравственная испорченность извѣстныхъ классовъ съ другой, развивали и поддерживали въ русскомъ обществѣ XVII в. и долго еще послѣ эту низменность разумѣнія Христова ученія и призванія церкви. Тѣмъ же темнымъ, злымъ духомъ нетерпимости отличались мѣропріятія духовныхъ и свѣтскихъ властей противъ раскольниковъ и разныхъ иновѣрцевъ въ царствованіе благодушнаго Алексѣя Михайловича и многихъ его преемниковъ Петра, Екатерины I, Анны, особымъ благодушіемъ не отличавшихся. Позже прекратились казни, остались разныя административныя прижимки и полицейскія преслѣдованія, пагубныя для нашего духовнаго просвѣщенія и церковной жизни, вредныя для государства, выгодныя лишь для нечестныхъ чиновниковъ, находившихъ тутъ неизсякаемый источникъ наживы. Лучшіе государственные люди наши еще въ XVIII в., какъ напр. князь Потемкинъ, ясно это понимали.

Послѣдствія такихъ мѣръ бывали всюду одинаковы: у гонимыхъ и преслѣдуемыхъ и ихъ потомковъ развивались ожесточеніе, озлобленіе и все большее и большее отчужденіе, у гонителей и преслѣдователей росло огрубеніе духа, падало нравственное чувство, утрачивалась искренность вѣры, исчезало всякое

расположеніе къ идеальнымъ стремленіямъ [1]). Тамъ и сямъ и теперь еще нерѣдко слышатся у насъ по вопросамъ объ утвержденіи и распространеніи вѣры христовой между невѣрующею интеллигенціею, между раскольниками, иновѣрцами и язычниками такого рода пожеланія и предложенія, что̀ повергаютъ въ глубокую печаль всякую искренне вѣрующую душу и только утѣшаютъ и радуютъ людей, кои отрицательно относятся къ христіанству и объясняютъ церковь, какъ учрежденіе чисто человѣческое. Такъ у насъ часто можно слышать жалобы на суды, на полицію, на высшую администрацію, что они-де недостаточно оказываютъ содѣйствія миссіонерамъ, при обращеніи язычниковъ, раскольниковъ, штундистовъ. Многіе ревнители не по разуму высказываютъ свое недовольство на то, что разныя старыя постановленія о карахъ и взысканіяхъ за перемѣну русскими людьми вѣры, за неисполненіе требованія духовнаго регламента объ ежегодномъ бываніи на исповѣди и пр. и пр. пришли въ совершенное забвеніе, обратились въ мертвую букву, или отличаются недостаточною опредѣлительностью и строгостью. По поводу словъ г. Соловьева кажется между прочимъ о томъ, что невѣрующій Вольтеръ (что̀ впрочемъ уже давно печатно было высказано Хомяковымъ [2]) въ дѣлѣ Каласа поступилъ истинно по

---

[1]) Напомнимъ прекрасныя слова Хомякова: «Въ числѣ законовъ, правящихъ умственнымъ міромъ, есть одинъ, котораго божественная, строгая правда не допускаетъ исключеній, тотъ законъ, что зло порождаетъ зло. Всякое незаслуженное оскорбленіе, всякая несправедливость поражаетъ виновнаго гораздо болѣе, чѣмъ жертву; обиженный терпитъ, обидчикъ развращается. Обиженный можетъ простить и часто прощаетъ; обидчикъ не прощаетъ никогда. Его преступленіе впускаетъ въ его сердце ростокъ ненависти, который постоянно будетъ стремиться къ развитію, если во время не очистится все нравственное существо виновнаго внутреннимъ обновленіемъ». (Сочин. П. Прага. 1867. С. 87).

[2]) Хомяковъ говорилъ и слѣд.: „Міръ (Романо Германскій) утратилъ вѣру и хочетъ имѣть религію, какую нибудь; онъ требуетъ религіи вообще; поэтому только въ безвѣріи и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру, но за то, что оно дѣлаетъ это откровенно т. е. за его честность и благородство. Общественное негодованіе преслѣдуетъ пера Франціи, съ трибуны провозглашающаго свое собственное безвѣріе и безвѣріе своихъ слушателей. Общественное негодованіе преслѣдуетъ поэта слагающаго гимны безбожію... Бѣдный, достойный удивленія Шеллей (Shelley)! Самыя выраже-

христіански, а епископы, требовавшіе его казни, дѣйствовали совершенно противно Христову ученію, что въ православномъ мірѣ (къ несчастью это справедливо, хотя и не по винѣ разумѣется церкви, ибо противно ея духу) бывали казни и гоненія еретиковъ, Московскія Вѣдомости еще недавно поспѣшили ополчиться за православіе, доказывали, что инквизиціи у насъ никогда не было, и съ жаромъ требовали немедленнаго закрытія психологическаго общества, гдѣ люди позволяютъ себѣ высказывать такія мнѣнія.

Каждый христіанинъ безспорно желаетъ распространенія и утвержденія христіанства на всемъ земномъ шарѣ и у себя въ отечествѣ. Но онъ дорожитъ христіанскою истиною не для внѣшняго своего спокойствія и личнаго благополучія, ни даже для политическихъ интересовъ и пользъ своего отечества, ибо такъ Христово ученье ставится на второе мѣсто и приводится въ служебное, подчиненное отношеніе къ нашей личной или національной особи. Апостолъ Павелъ говорилъ, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее не могутъ его оторвать отъ любви къ Богу, отъ вѣры во Христа (Римл. 8, 35, 38, 39), и чтобы не подумалъ кто, будто онъ желаетъ себѣ великой награды или чести или изобилія духовныхъ даровъ, онъ прибавилъ: «молилбыхся отлученъ быти отъ Христа» (Римл. 9, 3), я готовъ молиться объ отлученіи меня отъ Христа, лишь бы познали и увѣровали въ Него мои сродники по плоти. Но, такъ горячо любя свою народность, онъ евреямъ желалъ этой вѣры не изъ такъ называемаго патріотизма, не изъ желанія имъ политическаго могущества и внѣшняго благосостоянія: «всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ» (Матѳ. 6, 31, 32). Апостолъ желалъ народамъ не только «во Христа вѣровать, но и за Христа пострадать» (Филип. 71, 29).

Одинъ изъ возвышенныхъ учителей церкви, Пр. Макарій Египетскій замѣтилъ: «для христіанъ, доброю жизнью и по дару Духа пришедшихъ въ мѣру духовнаго возраста данной имъ бла-

---

нія его невѣрія бываютъ часто проникнуты духомъ Христіанства, котораго онъ никогда постигнуть не могъ, и, прислушиваясь къ нимъ, нельзя не почувствовать глубокаго состраданія къ этому честному уму, впавшему въ столь роковое заблужденіе; другого чувства онѣ бы не должны были внушать". т. II. Прага. Стр. 125—126.

годати, и слава и отрада и высшее наслажденіе — ради Христа быть ненавидимыми, изгоняемыми, за вѣру въ Бога терпѣть всякое оскорбленіе и позоръ»... «Какъ мужественный юноша выдерживаетъ борьбу, и на удары, ему наносимые, отвѣчаетъ ударами; такъ и христіане должны переносить скорби и внѣшнюю и внутреннюю борьбу, дабы, принимая на себя удары, побѣждать терпѣніемъ. *Таковъ путь христіанства. Гдѣ Духъ Святой, тамъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ гоненіе и брань.* Видишь, какъ Пророки, хотя въ нихъ дѣйствовалъ Духъ, всегда гонимы были единоплеменниками. Видишь, какъ Господь, который есть путь и истина, гонимъ былъ не инымъ народомъ, но своими. Свое племя — израильтяне и гнали и распяли Его. А подобное было и съ Апостолами; потому что со времени креста перешелъ Духъ Утѣшитель и переселился въ христіанъ; никто изъ іудеевъ не былъ уже гонимъ, но *одни христіане были мучениками.* Не должны они изумляться этому: *истинѣ необходимо быть гонимою*». «И какъ обнаружится истина, если не будетъ имѣть противниковъ, людей лживыхъ, возстающихъ противъ истины»? «Пусть тебя гонятъ, говоритъ другой великій созерцатель и мыслитель христіанскій (VI в.), Исаакъ Сиринъ, ты не гони; пусть тебя распинаютъ, ты не распинай; пусть тебя обижаютъ, ты не обижай; пусть на тебя клевещутъ, ты не клевещи; будь скроменъ и не ревнуй во злѣ».

При такихъ возвышенныхъ и чистыхъ воззрѣніяхъ на Истину, можетъ ли христіанинъ, убѣждая не-христіанина, эллина, іудея, иновѣрца, язычника, сулить ему земныя выгоды или, въ случаѣ его несогласія грозить ему стѣсненіемъ гражданскихъ правъ, лишеніемъ имущества, ограниченіемъ свободы? Христіанинъ хранитъ заповѣди, говоритъ Исаакъ Сиринъ, «изъ любви къ Давшему ихъ, а не изъ страха или за воздаяніе награды», и здѣсь разумѣетъ воздаяніе въ будущей жизни, не допуская и мысли о какихъ либо земныхъ, человѣческихъ наградахъ и страхахъ.

Аѳанасій Александрійскій строго осуждалъ насиліе и принужденіе нежелающихъ. «Спаситель, говоритъ онъ, такъ кротокъ, что училъ: — «если кто хочетъ по мнѣ идти» и «хотящій быть моимъ ученикомъ». «Идя къ каждому, онъ никого не насилуетъ, но скорѣе стучится и говоритъ: «отвори мнѣ, сестра, моя невѣста». И когда отворятъ, Онъ входитъ, когда же лѣнятся и не желаютъ, Онъ удаляется. Не мечами, не

копьями и не воинствомъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и увѣщаніемъ. Какое же убѣжденіе, гдѣ страхъ царевъ? Какое же увѣщаніе, гдѣ возражатель получаетъ въ удѣлъ ссылку или смерть?».

Въ похвальномъ словѣ Аѳанасію Великому, Григорій Богословъ говоритъ про него, что онъ училъ, какъ жилъ, и слово у него не расходилось съ дѣломъ, что по возвращеніи въ Александрію, онъ очищаетъ святилище отъ корчемствующихъ святынею христопродавцевъ и совершаетъ это не бичемъ, но убѣдительнымъ словомъ... Всѣмъ предлагаетъ онъ одинъ законъ — свободное произволеніе, ибо его одного почиталъ достаточнымъ руководствомъ къ совершенству».

Разсуждая объ обязанностяхъ епископа Св. Григорій Богословъ говорилъ: «ему надо — превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, согласію, и не силою обуздывать, но доводить до него убѣжденіемъ, ибо *все, что̀ дѣлается недобровольно, кромѣ того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растенію насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновенно возвращается въ прежнее положеніе. Напротивъ, что̀ дѣлается по свободному произволенію, то какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно*».

«По закону нашему, говорилъ тотъ же Григорій Богословъ, должно водить ненасильно, и *не нуждею, но волею.* И мірская власть не можетъ утвердиться силою; управляемое насиліемъ старается при всякомъ удобномъ случаѣ освободиться, тѣмъ болѣе наше, не столько начальство, сколько воспитаніе; всего болѣе должно соблюдать свободу, ибо тайна спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ».

Григорій Богословъ строго осуждалъ и насиліе противъ дара слова. «Запрещеніе пользоваться даромъ слова показываетъ только, что запрещающіе не полагаются на правоту свою и походятъ на человѣка, который считаетъ себя сильнѣйшимъ изъ борцевъ и требуетъ, чтобы всѣ его считали такимъ же, а между тѣмъ отдаетъ приказъ, дабы ни одинъ сильный борецъ не смѣлъ бороться и не являлся на поприще. Но это доказательство робости, а не мужества».

«Христіанамъ, говорилъ І. Златоустъ, не дозволено принужденіемъ и силою ниспровергать заблужденіе. Имъ слѣдуетъ приводить къ спасенію убѣжденіемъ, словомъ и благоволеніемъ».

Прекрасный примѣръ уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ и признанія свободы мысли представлялъ Василій В., до конца сохранившій старыя дружескія связи съ языческимъ риторомъ Либаніемъ и безбоязненно посылавшій къ нему на ученіе юношей-христіанъ. Макарій Египетскій, приведя слова Спасителя: «отъ сердца бо исходятъ помышленія злая» (Матѳ. 15, 19), прибавляетъ: «что̀ внутри человѣка, то сквернитъ его. Внутри, въ душѣ пресмыкается и ходитъ духъ лукавства, этотъ разумный двигатель, покрывало тьмы, ветхій человѣкъ, котораго должны совлечься всѣ прибѣгающіе къ Богу, чтобы облечься имъ въ небеснаго и новаго человѣка т. е. во Христа. *Поэтому человѣку ничто внѣшнее не можетъ вредить, вредитъ же только живой и дѣйственный, въ сердцѣ обитающій духъ тьмы, потому каждый долженъ вести борьбу въ помыслахъ, чтобы въ сердцѣ его возсіялъ Христосъ*».

Какъ отъ всѣхъ этихъ мыслей, замѣчаній и примѣровъ великихъ отцовъ и учителей церкви съ ихъ глубокимъ постиженіемъ христіанства далеко расходятся темныя и грубыя воззрѣнія нашихъ Геннадія и Іосифа Волоцкаго и позднѣйшихъ ихъ послѣдователей. Умственная дебелость и грубость многихъ нашихъ духовныхъ дѣятелей объясняется не однимъ недостаткомъ образованія. Современные противники ихъ (Нилъ Сорскій, Артемій, Вассіанъ, кн. Курбскій) въ концѣ концовъ едва ли превосходили ихъ своею начитанностью. Главное отличіе тѣхъ и другихъ заключалось въ томъ, что у первыхъ всѣ почти помыслы были устремлены на внѣшнюю практическую дѣятельность, посвящены текущимъ дѣламъ церковнаго и хозяйственнаго управленія обширными церковными и монастырскими имуществами. Строгіе исполнители уставовъ и всякихъ службъ, дѣятельные администраторы, строители и распорядители, отличные хозяева, имѣя всегда много сношеній со всякаго рода людомъ по самымъ разнообразнымъ чисто житейскимъ и хозяйственнымъ сдѣлкамъ, они, какъ всѣ практическіе, дѣловые люди глядѣли на мысль, на умозрѣніе, какъ на пустую, безполезную трату времени, въ людяхъ они исключительно цѣнили строгую исполни-

тельность и повиновеніе. Крутость и жестокость окружающихъ нравовъ довершала воспитаніе сухихъ, холодныхъ деспотическихъ натуръ [1]).

Такимъ образомъ и въ старо-русскомъ православномъ обществѣ слагались направленія довольно близкія къ латинству, какъ являлись онѣ не разъ и въ Византіи, гдѣ частью подъ вліяніемъ вмѣшательства императоровъ въ дѣла вѣры и частью чрезмѣрнаго развитія нерѣдко властолюбиваго монашества, возникали умственныя теченія, близкія по существу къ латинству и ему сочувственныя. Такова была партія враждебная патріарху Фотію. Ея отличительными чертами, по справедливому замѣчанію А. М. Иванцова-Платонова, были: церковный ригоризмъ и фанатизмъ, клерикальное вмѣшательство въ государственныя дѣла, ненависть къ просвѣщенью, неумѣренныя притязанія и злоупотребленія въ монашествѣ, усиленіе внѣшней эффектности и формализма въ развитіи церковнаго обряда, усиленіе легендаризма въ церковной литературѣ.

Въ какой степени послѣдніе два вѣка русской исторической жизни съ развитіемъ военно-полицейскаго строя нашего государства и съ направленіями новой нашей образованности могли благопріятствовать выясненію религіознаго сознанія въ русскомъ обществѣ, превосходно было раскрыто Ю. Самаринымъ въ его высоко-замѣчательномъ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова.

Все будущее русскаго просвѣщенія прежде всего зависитъ не столько отъ частныхъ, отдѣльныхъ, правда полезныхъ и нужныхъ, мѣропріятій по умноженію и улучшенію всякаго рода училищъ въ ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, сколько отъ возвышенія и очищенія господствующихъ у насъ воззрѣній на вѣру, на духъ человѣческій, на Духъ Господень, отъ развитія и усиленія не внѣшней обрядности и формализма, а внутренняго христіанскаго строя и созерцанія. Тогда въ огромномъ большинствѣ людей вѣрующихъ исчезнетъ страхъ передъ знаніемъ и

[1]) Духовн. Реглам. сдѣлалъ нѣсколько напоминаній изъ Писанія: «Вѣдалъ бо всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ...» «чтобъ укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки (донелѣже здравы суть) не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись»; «честь оная умѣренна есть: а лишняя, и почитай равно царская да не будетъ; и умѣренной не самымъ пастырямъ искать и отъ подручныхъ истязовать, но свободно подаваемою довольствоваться».

наукою, невозможною безъ свободы мнѣній и сомнѣній, безъ свободы мысли, пропадетъ всякое желанье и поползновенье прибѣгать ко внѣшней силѣ или помощи для успѣха проповѣди христіанской. Можно представить себѣ, какъ сильно тогда измѣнятся отношенія немалой части общества, отвернувшагося отъ православія, когда она послышитъ отъ вооруженныхъ современнымъ знаніемъ и образованіемъ учителей христіанскаго созерцанія, развитыя примѣнительно къ новѣйшимъ условіямъ и нуждамъ мысли, подобныя напр. высказанной великимъ представителемъ этого направленія, Исаакомъ Сиринымъ, на вопросъ: «Что такое сердце милующее?»—«возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о людяхъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при возрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце, и не можетъ оно вынести какого либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварью. А потому и о безсловесныхъ и о врагахъ нашихъ и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились они и были помилованы; а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ человѣка до уподобленія его въ этомъ Богу». И не станутъ ли тяготѣть и привлекаться сердцемъ къ обществу вѣрующихъ массы язычниковъ, иновѣрцевъ и давно или недавно отдѣлившихся, когда увидятъ, что въ немъ вообще (а не въ тѣхъ или другихъ частяхъ простого народа) живутъ и исполняются такіе, распространенные и примѣненные къ новѣйшимъ условіямъ, совѣты терпимости того же учителя: «Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго, и не старайся распознавать достойнаго отъ недостойнаго: пусть всѣ люди будутъ для тебя равны для добраго дѣла. Такъ можешь и недостойныхъ привлечь къ добру. И Господь раздѣлялъ трапезу съ мытарями и блудницами и не отлучалъ отъ себя недостойныхъ, чтобы такъ всѣхъ привлечь въ страхъ Божій, и чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились къ духовному. Благотвореніемъ и честью уравнивай всѣхъ людей, будетъ ли кто іудей, или невѣрный, или убійца, тѣмъ паче, что и онъ тебѣ братъ, одной съ тобой природы, и не съ вѣдѣніемъ заблудился отъ истины».

Съ уразумѣніемъ важности признанія свободы человѣческаго

духа въ области вѣры и знанія тѣсно связано сознаніе великаго значенія начала разнообразія въ просвѣщеніи и образованности. Одною изъ великихъ заслугъ русскаго духовенства составляютъ совершенные имъ въ разное время переводы Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, такъ какъ православная церковь всегда признавала необходимость Слова Божія и богослуженія на родномъ языкѣ. Было бы желательно появленіе подробнаго библіографическаго указателя всѣхъ имѣющихся у насъ такихъ переводовъ на инородческіе языки. Оно необходимо не только для знанія и признанія заслугъ потрудившихся, но и для вѣрной оцѣнки того, что̀ сдѣлано вполнѣ и хорошо, что̀ только начато и ждетъ довершенія, что̀, можетъ быть, сдѣлано неудовлетворительно и потому должно быть исправлено или вновь передѣлано.

У насъ много толкуютъ и пишутъ о распространеніи русскаго языка между инородцами. Всякій языкъ распространяется внѣ̀ предѣловъ природной своей территоріи разными способами и путями. Чѣмъ богаче народъ своею образованностью, чѣмъ выше и разнообразнѣе его литература, тѣмъ охотнѣе иноплеменные народы изучаютъ его языкъ. Пути сообщѐнія, связи экономическія, помимо даже школъ, много помогаютъ распространенію языка господствующаго въ государствѣ народа. Далѣе школа, особенно средняя и высшая, окончательно утверждаетъ знаніе этого языка между инородцами образованными. Но низшая, первоначальная школа тамъ, гдѣ̀ инородцы живутъ въ глуши и захолустьяхъ, далекихъ отъ большихъ дорогъ и отъ всякихъ русскихъ поселеній, тамъ понятно эта школа никогда не можетъ распространить и утвердить знаніе русскаго языка между инородцами. Что̀ узнаютъ въ два, три года, въ теченіи шестимѣсячнаго хожденія въ школу, то скоро затѣмъ и забудутъ: научить говорить на чужомъ языкѣ такая школа никогда не можетъ. Воротясь домой, дѣти конечно будутъ говорить съ отцомъ, съ матерью, въ семьѣ, у себя на улицѣ съ ребятами, конечно только на родномъ языкѣ. Оно понятно иначе и быть не можетъ, и жалѣть о томъ нечего. Нѣкоторые *спеціалисты* говорятъ, что для того надо назначать въ инородческія школы *русскихъ* учителей, ничего незнающихъ по туземному. Это заблужденіе и, прибавимъ, большое непониманіе задачи школы, даже великій грѣхъ. Что̀ священникъ, что̀ народный учитель

одинаково должны прежде всего быть близки къ своей паствѣ, къ своимъ ученикамъ и ихъ родителямъ, должны внушать имъ къ себѣ довѣріе и любовь, должны быть связаны съ ними и духовно и единствомъ рѣчи. Первоначальная школа всегда и вездѣ должна прежде всего дать начатки христіанскаго, человѣческаго и гражданскаго просвѣщенія. Если ей вмѣнить въ первѣйшую обязанность—наученіе русскому языку, то все школьное время пройдетъ для ребенка совершенно безплодно: чему учили его, онъ скоро позабудетъ, и не узнаетъ ничего, что должна дать знать первоначальная школа. «Какъ же русскіе подданные не будутъ знать русскаго языка?» Не будутъ, какъ не знали и прежде, и узнаютъ и научатся ему, когда новыя дороги, новые промыслы или торговыя связи или появленіе, въ сосѣдствѣ, русскихъ поселенцевъ, словомъ живыя связи и отношенія распространятъ русскій языкъ въ этой инородческой глуши. Уважать Россію и русскаго царя тысячи, десятки, сотни тысячъ инородцевъ нашихъ давно привыкли, и не зная русскаго языка. Любви и уваженію еще скорѣе научитъ народная школа съ языкомъ роднымъ. Какъ бы на нашъ взглядъ этотъ языкъ ни былъ простъ, грубъ, бѣденъ, онъ милъ и дорогъ ребятамъ и ихъ родителямъ. За такую милую школу они еще больше полюбятъ и больше прежняго будутъ почитать царя и Россію. Не надо никогда забывать, что инородецъ, презрительно отзывающійся о своей народности на ломаномъ русскомъ языкѣ, есть явленіе глубоко противное, и всякій трезвый добропорядочный крестьянинъ-инородецъ, не знающій ни слова по русски, во сто, въ тысячу разъ для Россіи полезнѣе отбившагося отъ роднаго своего народа и дѣла любаго разбитнаго, но малопорядочнаго инородца, даже хорошо знающаго по русски... Въ значительной части нашего образованнаго или полуобразованнаго общества слышны нерѣдко самыя дикія и грубыя мнѣнія и выраженія объ инородцахъ. Это совсѣмъ не по христіански да и большое заблужденье. Это рѣшительно наше несчастье. Пора, давно пора понять, что начало разнообразія только пополняетъ и оплодотворяетъ начало единства: «каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замѣчанію Срезневскаго, можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ, каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается съ другими»...

Не для одного просвѣщенія инородцевъ (православныхъ),

намъ нужны хорошіе съ извѣстнымъ образованіемъ сельскіе батюшки изъ туземцевъ или по крайней мѣрѣ отлично знающіе языки своихъ прихожанъ и такіе же учителя народныхъ школъ. Они нужны и не для одного благосостоянія русскаго государства, но и для русской науки и образованности. Въ языкахъ, народныхъ преданьяхъ, пѣсняхъ, обычаяхъ всѣхъ нашихъ инородцевъ содержится великое богатство данныхъ, важныхъ не для одной, а для нѣсколькихъ наукъ. Собранныя съ любовью и знаніемъ дѣла (тутъ преимущественно нужны развитые, любящіе свою народность туземцы изъ священниковъ и народныхъ учителей), эти данныя выяснятъ много теперь темнаго, раскроютъ много тайнъ, обогатятъ, раздвинутъ человѣческое знаніе. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ остаткахъ большихъ нѣкогда племенъ имѣется столько разнообразныхъ темъ, мотивовъ поэтическихъ, художественныхъ (орнаменты), музыкальныхъ. Они могутъ, должны впослѣдствіи придать много новыхъ элементовъ свѣжести, сочности, разнообразія нашей поэзіи, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ, музыкѣ. Вообще говоря, многіе недостатки нашей образованности, нашей администраціи, всей нашей полупраздной и сонной провинціальной жизни объясняются господствующимъ въ провинціальномъ обществѣ равнодушіемъ, пренебреженіемъ и невѣжественнымъ, часто весьма не нравственнымъ, презрѣніемъ къ инородцамъ, среди коихъ живутъ русскіе образованные люди часто цѣлые десятки лѣтъ, не научась ни одному изъ этихъ языковъ, не ознакомившись съ мѣстнымъ населеніемъ... Знаніе этихъ языковъ крайне необходимо и русскимъ чиновникамъ, имѣющимъ съ инородцами непосредственныя сношенія. Пошлымъ важничаньемъ, безсмысленными криками въ Петербургѣ или Москвѣ, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій, мы такъ называемаго *русскаго дѣла* нигдѣ не подвинемъ, *русскаго знамени* нигдѣ не водрузимъ и высоко держать не будемъ. А между тѣмъ въ ущербъ самымъ важнымъ интересамъ государства цѣлыя области и народности управляются черезъ русскихъ чиновниковъ, находящихся въ рукахъ переводчиковъ и толмачей или черезъ чиновниковъ изъ инородцевъ же, только ненавидимыхъ народностями управляемыми. Такъ весь почти Кавказъ, а не армянская его часть, управляется у насъ армянами, коихъ остальные многочисленные инородцы Кавказа вовсе не любятъ. Такъ литовцы у насъ оставлены подъ сильнымъ вліяніемъ польскимъ.

Вообще относительно этой почтенной, важной, хотя и небольшой народности, у насъ существуетъ большое, печальное недоразумѣніе. Покойный, высокодаровитый А. Ѳ. Гильфердингъ въ 1860-хъ годахъ былъ увлеченъ увлекавшею не немногихъ тогда западныхъ, католическихъ славянъ въ Австріи мыслью о примѣненіи къ ихъ языкамъ кирилловской, славянской азбуки вмѣсто употребляемой у нихъ латинки. Онъ задумалъ примѣнить и славянскую, русскую азбуку къ языку литовскому. Природный литвинъ, отличный знатокъ языка и великій народолюбецъ, человѣкъ большой эрудиціи (по языкамъ), но вовсе не писатель и еще тѣмъ болѣе не писатель народный, Микуцкій сочувствовалъ этой мысли и поддерживалъ ее въ Гильфердингѣ. Близкій къ Н. А. Милютину, Гильфердингъ представилъ ему свой проектъ, и Милютинъ выхлопоталъ запрещеніе печатать литовскія книжки латиницею и приказаніе издавать ихъ лишь славянскими, русскими буквами. При этомъ конечно имѣлось тогда въ виду не прекращеніе литературной обработки литовскаго языка, а напротивъ (какъ видно изъ прекрасной статьи Гильфердинга о литовцахъ) поощреніе ея развитію въ духѣ чисто народномъ, не польскомъ, и даже намѣревались этимъ сблизить литовцевъ съ Россіею и отдалить отъ польскаго вліянія. Къ сожалѣнію этотъ проэктъ, слишкомъ отвлеченный и кабинетный, имѣлъ мало успѣха, но за то много дурныхъ, вовсе для насъ нежелательныхъ, послѣдствій. Писателей литовцевъ, которые бы стали писать и печататься русскою гражданкою, не нашлось; такихъ, литовскихъ книжекъ было издано очень и очень мало. Поляки, литовцы съ польскими симпатіями стали проповѣдывать въ народѣ, крѣпко преданномъ католицизму, что его такимъ образомъ хотятъ обратить въ православіе. Литовскихъ молитвенниковъ, напечатанныхъ русскими буквами, большинство не стало покупать; изданныя латинскими буквами въ Россіи становились все больше и больше библіографическою рѣдкостью; печатаемыя заграницею, въ Пруссіи, были запрещены. И вотъ теперь за великія деньги, въ три дорога, черезъ евреевъ получаютъ литовцы свои книжки, и самыя необходимыя и въ смыслѣ цензурномъ самыя невинныя, а вмѣстѣ съ ними и совершенно враждебныя Россіи: — въ послѣднія десятилѣтія образовали наши литовцы довольно большія колоніи въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ издаются

литовскіе журналы и разныя книжки часто чисто революціоннаго характера. И поляки, и евреи, и наши добрые сосѣди нѣмцы, такъ изучившіе нашу западную окраину, всему этому очень рады и находятъ причины желать распространенія всѣхъ подобныхъ литовскихъ изданій среди нашихъ литовцевъ [1]).

Не желая объ этомъ распространяться, мы считаемъ всего сказаннаго слишкомъ достаточнымъ для того, чтобы скромное наше мнѣніе относительно запрета въ Россіи литовскихъ книжекъ латинской печати обратило на себя вниманіе нашихъ государственныхъ людей. Ближайшіе сродичи литовцевъ, латыши слава Богу пользуются же безвозбранно въ своихъ изданіяхъ латинскою азбукою. У литовцевъ есть уже, хотя небольшая, но дорогая и любезная народу, словесность, весьма цѣнная для понимающихъ важность литовскаго языка ученыхъ всѣхъ національностей. Зачѣмъ, къ чему намъ, скажите Бога ради, поселять въ смирномъ, добромъ народѣ недовольство, нелюбовь къ Россіи? Напротивъ всѣ наши интересы, народные, общественные, государственные требуютъ, чтобы литовцы любили, сохраняли свою народность и крѣпко ея держались: въ знаніи русскаго языка, какъ языка средняго и высшаго образованія, языка русской арміи и вообще государственнаго они все болѣе будутъ чувствовать и сознавать потребность. Что же нужно бы было, того, къ сожалѣнію, мы не дѣлаемъ. Въ церковно-іерархическомъ отношеніи литовцы по прежнему подчинены полякамъ. Ихъ народолюбцы священники часто боятся своихъ епископовъ, когда они поляки или польскаго направленія и какъ таковые смотрятъ очень косо на ксендзовъ, слишкомъ преданныхъ своей народности, не признающихъ великихъ благодѣяній старой Рѣчи Посполитой, ничего себѣ, народу не ожидающихъ и отъ будущей. Нельзя не желать, чтобы литовская католическая іерархія, все литовское католическое духовенство было совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было польскихъ іерарховъ, чтобы употребленіе

---

[1]) «Въ Пруссіи, какъ писалъ въ 1887 г. одинъ изъ литвиновъ американскихъ, крайній фантазеръ, но въ этомъ случаѣ вѣрно передающій факты — въ послѣднее время стали ухаживать за литовцами. «Tilsiter lit. lit. Verein» въ ст. г. Фридеберга «Bilder aus Ostpreussen» прусская Литва выставляется центромъ литовскаго просвѣщенія, и *Литвѣ обѣщается лестное будущее подъ жезломъ прусскимъ*».

народнаго литовскаго языка въ литовскихъ приходахъ повсюду пользовалось исключительнымъ преобладаніемъ, чтобы знаніе польскаго языка литовскому духовенству никакими способами свыше (отъ польскихъ духовныхъ властей) не навязывалось. Точно также нельзя не считать желательнымъ и раздѣленіе евангелической церкви по народностямъ: нѣмецкой, латышской, эстонской. Отчего бы латышамъ и эстонцамъ не имѣть своихъ епископовъ, суперинтендентовъ и къ чему намъ удерживать ихъ въ іерархической зависимости отъ нѣмцевъ? Вообще дѣло инородческое въ Россіи требуетъ внимательнаго, обстоятельнаго изученія.

Нельзя не отнестись съ великимъ уваженіемъ къ старому учрежденію, при нашихъ духовныхъ школахъ разныхъ епархій, преподаванія въ нихъ мѣстныхъ инородческихъ языковъ. Можно только пожелать возможно наилучшей постановки этого дѣла и устройства такого же преподаванія, но не обязательнаго, мѣстныхъ инородческихъ языковъ и въ нашихъ свѣтскихъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ всѣхъ нашихъ учебныхъ округовъ: вездѣ между юношествомъ и молодежью найдутся желающіе научиться или вѣрнѣе сыщутся юноши изъ уѣздовъ, туземцы или русскіе, уже практически болѣе или менѣе знающіе тотъ или другой инородческій языкъ, и пожелающіе изучить его основательнѣе. Такіе знатоки инородческихъ языковъ не только нужны для администраціи, но и для успѣховъ русской науки, вообще для русской образованности, для разсѣянія сонливости мысли, для развитія пытливости ума, для возбужденія здоровыхъ умственныхъ интересовъ въ провинціальномъ нашемъ обществѣ, часто убійственно до тупости равнодушномъ къ важнымъ по внутреннему смыслу интересамъ и нуждамъ всего ихъ окружающаго населенія.

Русская образованность подражательнаго направленія видимо истощилась, чахнетъ; общеобразовательная мѣсячная періодическая литература, исключительно представляемая Петербургомъ и Москвою, за послѣднее въ особенности время оскудѣла талантами, пробавляется по части идей повтореніемъ и перемываніемъ стараго, замѣтно линяетъ, пошлѣетъ. Петербургъ, по своему положенію, никогда не можетъ имѣть большаго общественнаго значенія. Онъ благопріятенъ лишь для строго-ученой дѣятельности. Къ сожалѣнью Москва, надѣемся временно, потеряла свое прежнее значеніе умственнаго русскаго центра: въ ней есть почтенные

ученые, писатели, но она перестала быть столицею русской мысли, какою была со временъ Новикова и Карамзина. Москва, какъ вѣрно замѣтилъ уже Стасовъ, теряетъ свой внѣшній оригинальный видъ, она пошлѣетъ не только наружно, эстетически, но и умственно. Вмѣсто прежней большой скуки отъ недостатка развлеченій и вмѣсто довольно сильной умственной жизни и борьбы въ разныхъ ея общественныхъ кружкахъ развилась страсть развлеченій, какая-то гостинодворская юркость, внѣшняя, совсѣмъ почти петербургская дѣятельность и суетливость съ застоемъ мысли и пониженіемъ духовныхъ интересовъ. Подобно разнымъ губернскимъ городамъ, Москва теперь спитъ и видитъ, какъ бы въ чемъ нибудь европейскомъ не отстать отъ Петербурга и даже перещеголять его. Обновленія, оживленія умственной жизни надо теперь ожидать изъ провинцій, не отъ Петербурга, не отъ Москвы. Дай Богъ, чтобы пробужденное нынѣшнимъ бѣдствіемъ вниманіе и сердечное участіе къ внутренней, провинціальной нашей жизни не охладѣло по минованіи временной причины, чтобы большая часть лучшихъ добровольцевъ-дѣятелей не спѣшила ворочаться въ столицы и нашла себѣ постоянное, живое дѣло внутри Россіи. Дай Богъ, чтобы большая часть лучшей нашей молодежи, по окончаніи высшаго или хорошаго средняго образованія въ обѣихъ столицахъ, по долгу въ нихъ не заживалась до полнаго погруженія въ чисто московскіе или петербургскіе интересы и спѣшила ѣхать на служеніе Россіи въ провинціальные города или уѣзды.

Русское государство отнынѣ направитъ главныя свои заботы на подъемъ экономической жизни страны и упорядоченіе ея бытовыхъ условій. Общія пожеланія всѣхъ лучшихъ русскихъ людей можно выразить въ одномъ: да стѣсняется у насъ все болѣе и болѣе свобода творить зло и неправду и да расширяется свобода отдѣльныхъ лицъ, земствъ и городовъ на совершеніе всякаго добраго и полезнаго дѣла, да исчезаютъ у насъ всякія проволочки, задержки, разныя формальности, напрасно часто только мѣшающія въ самыхъ незначущихъ дѣлахъ всякому доброму почину въ уѣздѣ или уѣздномъ городѣ, часто также слишкомъ зависимомъ отъ губернскаго, какъ часто стѣснены и слишкомъ зависимы городъ губернскій и губернія отъ столицы.

Но всѣ лучшія наши намѣренія и старанія о внутреннемъ развитіи Россіи могутъ быть неожиданно прерваны;

все ея существованіе можетъ подвергнуться страшнымъ испытаніямъ и ударамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, сама Россія этого внѣшняго бѣдствія, войны съ ея ужасами никогда не вызоветъ. Но при нынѣшнемъ напряженномъ положеніи Европы и ея страшныхъ вооруженіяхъ, при извѣстномъ планѣ наступательной войны Германіи и Австро-Венгріи съ Россіею, государство наше не можетъ не готовиться къ отраженію и отпору. Русское общество разумѣется желаетъ, чтобы этой войны вовсе не было, и, если она должна уже быть, то пусть будетъ какъ можно позже. Коалиція, въ данномъ случаѣ, Тройной Союзъ хотя сильнѣе и опаснѣе одного сильнаго сосѣда, но за то представляетъ больше поводовъ для всякихъ проволочекъ. Политика мирной, нападаемой державы легче можетъ парализовать рѣшимость и готовность къ наступленію, имѣя противника не въ одной державѣ, а въ союзѣ трехъ государствъ. Какъ бы то ни было, но отрицать всякую возможность такой войны нѣтъ основанія, хотя она и въ высшей степени нежелательна.

Если же она когда нибудь да будетъ, то безъ сомнѣнія своими размѣрами и бѣдствіями она превзойдетъ войны 1812 и 1813 гг. Пусть прусско-австрійскій планъ есть тотъ же Наполеоновскій планъ похода на Москву, въ сердце Россіи, и слѣдовательно планъ намъ знакомый. Но при составленіи этого плана германскіе стратеги тщательно старались избѣжать всѣхъ ошибокъ Наполеона I. Они говорятъ: наша армія не будетъ такъ далека отъ базиса, какъ была наполеоновская, мы лучше знаемъ, мы гораздо точнѣе изучили Россію, въ ней все намъ извѣстно, благодаря нашему сосѣдству, великому множеству бывавшихъ и живущихъ въ Россіи нѣмцевъ: столько ли было до Наполеона и при Наполеонѣ французовъ въ Россіи, и такое ли они въ ней занимали положеніе? У Наполеона не было желѣзныхъ дорогъ, интендантская часть была дурно устроена, Пинскихъ болотъ болѣе нѣтъ: «въ 12-мъ году площадь болотъ р. Припети, доходящая до Бреста, представляла непроходимую преграду», теперь по осушенымъ болотамъ пролегаютъ рельсовые пути, и вся эта площадь — «открыта для военныхъ дѣйствій, что-де имѣетъ особенное значеніе на случай вспомогательныхъ дѣйствій австрійцевъ съ линіи Краковъ-Львовъ въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ Кіевъ». Россія стала богаче и «веденіе народной войны, подобно тому, какъ это было въ 1812 г., т. е.

оставленіе жителями своихъ жилищъ и ихъ уничтоженіе представляется де теперь дѣломъ невозможнымъ».

Подобно Наполеону нѣмцы заявляютъ, что они съ австрійцами не преслѣдуютъ въ этой войнѣ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей и не ищутъ себѣ никакихъ пріобрѣтеній. Они обѣщаютъ возстановить Польшу; но ни Австрія, ни Пруссія не намѣрены отдавать полякамъ своихъ польскихъ провинцій; ни для одной изъ нихъ не представляется выгоднымъ въ увеличеніи у себя славянской народности, особенно съ столь рѣзко выраженными національными особенностями, какъ это имѣетъ мѣсто у польской народности... «Если польская нація вообще способна къ государственной жизни (нѣмцы въ это не вѣрятъ: одинъ изъ стратеговъ откровенно замѣчаетъ: «чистоплотнаго нѣмца уже въ силу привычки коробитъ при одномъ воспоминаніи о Польшѣ»), ей могъ бы быть указанъ этимъ способомъ путь къ спокойному, постепенному внутреннему развитію, подъ покровительствомъ обѣихъ великихъ державъ. Германія создала бы себѣ такимъ образомъ прочную границу противъ Россіи и достигла бы уничтоженія обременительной русской таможенной линіи. (Свободной Польшѣ предпишутъ уже, какую надо, таможенную линію). Прибрежья прусскія могли бы вновь подняться, вслѣдствіе доступа въ сосѣднія съ ними страны; восточныя провинціи тоже много выиграли бы относительно увеличенія своего внутренняго благосостоянія; сама Польша могла бы сдѣлаться болѣе доступною для цивилизаціи, съ улучшеніемъ путей сообщеній. Заключеніе торговаго, таможеннаго и почтоваго союза между Германіей, Австро-Венгріей и Польшей послужило бы не только ко взаимному обмѣну предметовъ сельскаго хозяйства и мануфактурной промышленности, но дало бы возможность этимъ государствамъ занять болѣе вліятельное положеніе на всемірномъ рынкѣ» [1]).

Нѣмецкіе стратеги говорятъ, что «катастрофа, постигшая великую французскую армію въ 1812 г. до сихъ поръ дѣйствуетъ подавляюще *на слабые характеры*». Но занявъ привислинскій край, союзники легко де могутъ занять вторую оборонительную линію Русскаго царства — линію средняго Буга съ

---

[1]) Польскій театръ войны соч. Сарматикуса. Русск. перев. Спб. 1881. Его же: Отъ Вислы до Днѣпра. Спб. 1886.

крѣп. Брестъ-Литовскимъ въ центрѣ. Удержаться на этой линіи въ теченіи долгаго времени русской арміи не представится возможнымъ, такъ какъ правый ея флангъ можетъ быть обойденъ съ сѣвера, а лѣвый ничѣмъ не прикрытъ противъ наступленія австрійцевъ съ юга. «Далѣе де можетъ служить желѣзная дорога, представляющая отъ Минска двойную линію для подвоза съ базы. Кромѣ того для той же цѣли (наступленія на Москву) можетъ служить сѣть югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ. Черезъ Кіевъ пролегаетъ еще этапная линія изъ Галиціи, которая далѣе ведетъ черезъ Курскъ и Орелъ къ Москвѣ».

Громадная разница между кампаніей 1812 г. и предполагаемой состоитъ, по словамъ Сарматикуса, въ томъ, что снаряженіе современныхъ армій и снабженіе ихъ всѣмъ для нихъ необходимымъ можетъ быть значительно совершеннѣе сравнительно съ наполеоновскою арміею 1812 г., и внутренняя ихъ связь совершенно не та, какая была въ составленной изъ разнообразныхъ элементовъ *великой арміи*. — «Точно также, говоритъ Сарматикусъ, не повторятся ошибки, сдѣланныя въ то время: не обезпеченныя операціонныя линіи и плохая дисциплина въ войскахъ. Напротивъ русскіе наврядъ ли оставятъ свои жилища и разрушатъ ихъ, какъ это было въ 1812 г., такъ какъ это средство, при обезпеченной базѣ и хорошо снабженной арміи наступающаго, окажется только во вредъ обороняющемуся, и даже настолько, что не непріятельская армія будетъ ощущать во всемъ недостатокъ и нужду,—а напротивъ русская».

Результатомъ де этой войны должно быть — «оттѣсненіе великой славянской державы, столь чуждой интересамъ остальной западной Европы, въ ея прежніе предѣлы и созданіе промежуточнаго государства, которое бы служило переходною ступенью и посредствующимъ звеномъ между германскимъ центромъ и славянскимъ востокомъ европейскаго материка».

Австрійскіе стратеги («Главная цѣль будущей австро-русской войны») тоже желаютъ возстановленія Польши и предполагаютъ отобрать у Россіи всю ея западную часть до Двины и Днѣпра, дабы создать новое государство, «которое бы находилось въ политической связи съ Австро-Венгріею». (О Германской имперіи или о Пруссіи ни слова: какъ бы ни поссориться старымъ друзьямъ, какъ оно случилось въ войну съ Даніею, за Шлезвигъ-Голштинію).

«Присоединеніе Польши къ Австріи усложнило бы нѣсколько государственный ея механизмъ, но извѣстно, что для спокойнаго развитія государства гораздо удобнѣе присоединеніе провинцій, ищущихъ этого соединенія, нежели тѣхъ, которыя этого не желаютъ». Отказаться отъ задачъ на Балканскомъ полуостровѣ Австрія де не можетъ, а между тѣмъ вліяніе тамъ Россіи сильнѣе австрійскаго, такъ какъ на Болгарію (пис. до 1884 г.) и Черногорію Россія можетъ разсчитывать вполнѣ, а въ Сербіи и Румыніи она имѣетъ многихъ приверженцевъ. «Съ потерею Польши, до Днѣпра и Двины, Россія будетъ отдѣлена окончательно отъ Балканскаго полуострова, и народы его подпадутъ естественно мирному вліянію Австріи безъ всякаго ея ослабленія».

Таковы планы и желанія военныхъ пруссаковъ и австрійцевъ, высказанныя во множествѣ книгъ и статей изданныхъ въ послѣднія 10—12 лѣтъ. Но задолго до этого была уже цѣлая *штатская* литература нѣмецкая съ такими же планами и пожеланіями. Слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ мы имѣли случай изложить главныя ея положенія о необходимости распространенія нѣмецкой національности и цивилизаціи на славянскій сѣверо- и юго-востокъ [1]).

Всѣ подобныя положенія и мнѣнія высказывались въ нѣмецкой литературѣ, печати, задолго до прусскихъ побѣдъ Мольтке и до появленія Бисмарка. Въ такихъ воззрѣніяхъ, на такихъ понятіяхъ вырастали цѣлыя поколѣнія. Они плодъ многовѣковой исторіи. Что стали о себѣ думать нѣмцы и пруссаки въ особенности, перемѣнились ли ихъ воззрѣнія на призваніе германизма на славянскомъ востокѣ, съ тѣхъ поръ какъ они устроили у себя военную имперію, заключили союзъ съ Австро-Венгріею и Италіею, стараются всячески о тѣснѣйшемъ сближеніи съ Англіею, и, постоянно увеличивая свои вооруженія, настойчиво требуютъ того же отъ своихъ союзниковъ?

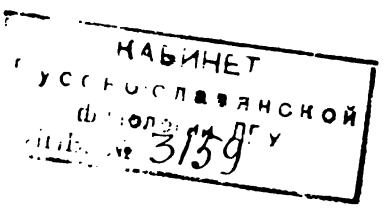
Лѣтъ около 30 назадъ Франція Наполеона III, имѣя за собою Англію, призывала Германію къ такому же крестовому походу на Россію. Въ южной, западной Германіи, у нѣмцевъ австрійскихъ публицистика горячо защищала эту мысль. Но Пруссія

---

[1]) Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ. Спб. 1871. С. 128—129, 132.

въ то время уже рѣшилась выбросить Австрію изъ Союза и самой стать въ его главѣ. За войной 1866 г. послѣдовала война 1870 г. Предводительство континентальною Европою отъ Франціи перешло къ Германіи, съ Пруссіею во главѣ. Такой же переходъ имперіи отъ франковъ къ нѣмцамъ совершился 900 лѣтъ назадъ.

Вотъ новѣйшія отношенія Романо-Германскаго міра или собственной Европы къ міру Греко-Славянскому, въ особенности къ его главнѣйшей представительницѣ—Россіи.



DS 12 .L323 C.1
Tri mira Aziisko-evropeiskago
Stanford University Libraries
3 6105 036 460 512

DS
12
.L323

DATE DUE

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305